Н. Д. Тальбергъ.

Мужъ вѣрности и разума.

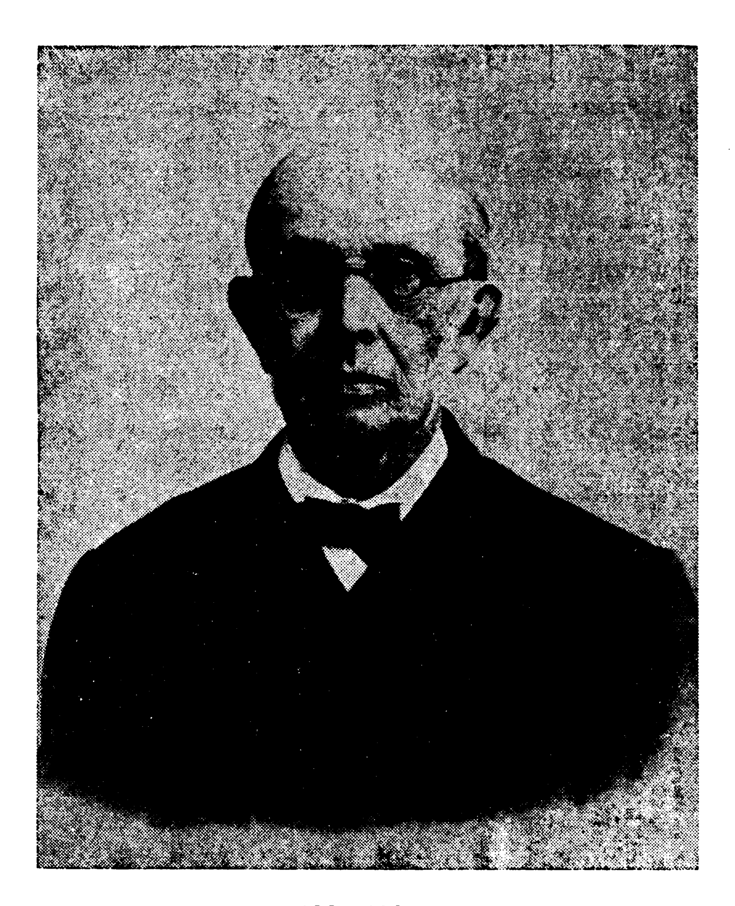
КЪ 50-ЛѢТІЮ КОНЧИНЫ К. П. ПОБѢДОНОСЦЕВА.

Тѵпографія преп. Іова Почаевскагω.

Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.

1958 г.

1827-1907

«Смотрю отсюда на твореніе Божіе, на все, что было Имъ послано мнѣ, что поставлено около меня, что по волѣ Его собрано въ моей жизни, и положа руку на сердце, изъ глубины сердца и совѣсти говорю — **вся добра зѣло!»** (Праздники Господни).

Подлинный Побѣдоносцевъ.

Разительнымъ примѣромъ предвзятаго мнѣнія служатъ распространенныя сужденія о весьма выдающемся русскомъ государственномъ дѣятелѣ XIX и начала XX вѣковъ статсъ-секретарѣ Константинѣ Петровичѣ Побѣдоносцевѣ, скончавшемся пятьдесятъ лѣтъ назадъ въ С.-Петербургѣ 10 марта 1907 г.

Естественно, что злобнымъ опороченіемъ его занимались тѣ, кому ненавистна была Православная Самодержавная монархія, неотрывность которой отъ самаго бытія Россіи Побѣдоносцевъ исповѣдывалъ. Разрушительныя силы знали, какого сильнаго врага имѣли они въ лицѣ этого глубоко идейнаго, исключительно умнаго и всесторонне образованнаго государственнаго мужа, способнаго словомъ, перомъ и дѣломъ отстаивать святую для него истину и разоблачать лживость и порочность тѣхъ, кто продолжали пагубное дѣло творцовъ «великой» французской революціи. Ненависть къ Побѣдоносцеву гробокопателей Россіи понятна.

Но тѣмъ непонятнѣе травля Побѣдоносцева людьми, придерживавшимися, казалось бы, здоровыхъ взглядовъ. Многіе изъ нихъ не умѣли оцѣнить ту огромную положительную силу какую являлъ этотъ вѣрующій христіанинъ, крупный законовѣдъ, опытный и ревностный слуга четырехъ монарховъ и прямодушный совѣтникъ трехъ изъ нихъ, неустанно трудившійся на пользу и во славу Церкви и Россійской Имперіи.

Близкій духомъ идеалистамъ-славянофиламъ, Побѣдоносцевъ не замкнулся въ своемъ петербургскомъ кабинетѣ, а стремился протянуть оттуда длинныя и прочныя нити во всѣ уголки необъятной Россіи, устанавливая тѣсныя связи съ людьми, не за страхъ, а за совѣсть самоотверженно трудившимися на мѣстахъ. Былъ онъ лучшимъ другомъ С. А. Рачинскаго, промѣнявшаго профессорскую каѳедру въ Москвѣ на плодотворную просвѣтительную работу среди крестьянъ родной Смоленской губ. Всячески поддерживалъ онъ Н. И. Ильминскаго, скромнаго труженика, ученаго миссіонера, изучившаго досконально магометанство и восточные языки и сумѣвшаго проложить путь къ душамъ, тянувшимся къ Православію, простыхъ татаръ казанскаго края, которыхъ онъ поучалъ на ихъ разговорномъ языкѣ, побуждая тѣмъ и другихъ насадителей вѣры слѣдовать своему примѣру. Крѣпкая дружба связывала Побѣдоносцева съ Ѳ. М. Достоевскимъ, часто посѣщавшимъ его въ оберъ-прокурорскомъ домѣ на Литейномъ проспектѣ и цѣнившимъ его отзывъ о подготовлен-

ныхъ къ печати произведеніяхъ. Приходилъ онъ въ трудныя минуты на помощь П. И. Чайковскому, — какъ старался помочь всѣмъ, въ комъ чувствовалъ истинный талантъ, направленный на служеніе добру, правдѣ и пользѣ русскаго народа.

Правильное представленіе о Побѣдоносцевѣ даютъ не только его научные труды, давшіе ему званіе почетнаго члена университетовъ московскаго, петербургскаго, кіевскаго, казанскаго и юрьевскаго, члена французской академіи; не только его замѣчательный «Московскій Сборникъ», въ свѣтѣ котораго ясно раскрывается печальная современность, имъ давно понятая; не только его проникновенные «Господскіе праздники» и многое иное, ранѣе опубликованное, но и то, что за послѣднія десятилѣтія обнародовано о немъ большевиками.

Въ 1923 г. послѣдними издана была (2 т.) книга «К. Побѣдоносцевъ и его корреспонденты: “Novum Regnum”. Туда вошло, повидимому, то, о чемъ онъ писалъ 28 апр. 1893 г. императору Александру III: «Вашему Величеству памятно, что въ первые годы Вашего царствованія Вы оказывали мнѣ близкое довѣріе. Слѣды его дѣйствительно хранятся у меня, но не въ видѣ какихъ-либо записокъ. Это — разнаго рода бумаги, которыя характеризуютъ эпоху съ ея волненіями, отчасти все то, что отъ Васъ мнѣ присылалось и записочки Ваши. Съ своихъ писемъ ничего у меня не оставляется, ибо я пишу все прямо набѣло. Всѣ эти матеріалы никому, кромѣ меня, неизвѣстны, но я собралъ ихъ по годамъ въ папки, коихъ имѣю нѣсколько, съ надписью: “Novum Regnum”. Вотъ — одно, что послѣ меня останется въ качествѣ историческаго матеріала, — и все это я готовъ буду теперь сдать въ безопасное мѣсто. Пишу объ этомъ вотъ съ какой цѣлью. Я уже старъ и вѣроятно недолго уже останусь — да и вообще слишкомъ ¾ жизни уже прожито, а человѣкъ можетъ умереть внезапно, и не хотѣлось бы мнѣ, чтобы послѣ меня жену мою тревожили розысками бумагъ, имѣющихъ политическое значеніе».

Въ 1926 г. напечатана еще одна книга: «Письма Побѣдоносцева къ Александру III», содержащая также письма къ императору Николаю II и вел. князю Сергѣю Александровичу.

⁂

21 марта 1901 г. Побѣдоносцевъ обратился со слѣдующимъ письмомъ къ императору Николаю II: «Ваше Императорское Величество. Не сомнѣваюсь, что и до Васъ, какъ до прежнихъ Государей, могутъ иногда доходить косвеннымъ путемъ, черезъ людей, не знающихъ меня, изъ гостиныхъ, разные обо мнѣ толки, способные иногда поколебать доброе обо мнѣ мнѣніе. Мнѣ уже, по закону природы, недолго остается жить и дѣйствовать. Но я не желаю никакъ, чтобы доброе Ваше мнѣніе обо мнѣ колебалось, и потому прошу Ваше

Величество принять во вниманіе прилагаемую при семъ правдивую повѣсть о себѣ самомъ и о судьбѣ моей. Вашего Величества преданнѣйшій Константинъ Побѣдоносцевъ».

Повѣсть эта начиналась такъ: «Родился я въ Москвѣ, въ семьѣ профессора московскаго университета *. У отца моего было 11 человѣкъ дѣтей, кои всѣ устроены трудами отца. Воспитанъ въ семьѣ благочестивой, преданной Царю и Отечеству; трудолюбивой. Меня, послѣдняго сына, отецъ свезъ въ Петербургъ и успѣлъ опредѣлить въ 1841 г. въ Училище Правовѣдѣнія. Я окончилъ курсъ въ 1846 г. и поселился въ родномъ домѣ въ Москвѣ, на службѣ въ Сенатѣ. По природѣ нисколько не честолюбивый, я ничего не искалъ, никуда не просился, довольный тѣмъ, что у меня было, и своей работою, преданный умственнымъ интересамъ, не искалъ никакой карьеры и всю свою жизнь не просился ни на какое мѣсто, но не отказывался, когда былъ въ силахъ, ни отъ какой работы и ни отъ какого служебнаго порученія. Въ 50-хъ годахъ московскій университетъ, оскудѣвъ профессорами юристами, обратился ко мнѣ, и я не отказался, оставаясь на службѣ въ сенатѣ, читать тамъ лекціи, по 8 часовъ въ недѣлю, въ теченіе 5-ти лѣтъ».

Изъ ряда ученыхъ трудовъ Побѣдоносцева самымъ главнымъ является «Курсъ гражданскаго права», изданный въ 1868 г. и выдержавшій нѣсколько изданій. Б. Глинскій писалъ въ 1912 г. въ «Историч. Вѣстникѣ», что курсъ этотъ, являясь у насъ первой самостоятельной и детальной разработкой дѣйствующаго русскаго права, въ его исторіи и въ связи съ практикой, получилъ въ нашей литературѣ большую научную и практическую цѣну, сдѣлавшись противовѣсомъ германской романистической схоластикѣ, отрѣшившейся отъ исторіи и современнаго права въ его новѣйшихъ, не схожихъ съ римскимъ, образованіяхъ». Побѣдоносцеву принадлежитъ одна изъ первыхъ научныхъ монографій по исторіи крѣпостного права.

«Когда начались реформы по кончинѣ императора Николая и въ Петербургѣ закипѣла работа разныхъ комиссій, меня перезывали туда, но я отказывался пуститься въ невѣдомое море новой работы, которая пугала меня. Но, наконецъ, нельзя было уклониться. Въ 1861 г. графъ Строгановъ сталъ вызывать меня для преподаванія юридическихъ наукъ Цесаревичу Николаю Александровичу. Изъ чувства патріотизма я не могъ отказаться и переѣхалъ на цѣлый годъ въ Петербургъ. Это рѣшило дальнѣйшую судьбу мою роковымъ

---

*) Побѣдоносцевъ, Петръ Вас. (1771-1843), писатель. Окончилъ московск. дух. академію со степенью магистра философіи и словесныхъ наукъ, былъ профессоромъ россійской словесности въ моск. университетѣ. Писатель И. А. Гончаровъ, говоря о своихъ профессорахъ, пишетъ: «Между ними, какъ патріархъ, красовался убѣленный сѣдинами почтенный профессоръ русской словесности, человѣкъ стараго вѣка — П. В. Побѣдоносцевъ».

образомъ. Въ 1863 году меня пригласили сопутствовать Цесаревичу въ поѣздкѣ по Россіи. Я сталъ извѣстенъ и двору. По окончаніи поѣздки я вернулся въ Москву къ своимъ занятіямъ и мечталъ остаться тутъ, но Богу угодно было иначе. Цесаревичъ скончался оплакиваемый всей Россіей».

Въ воспоминаніяхъ Ѳ. А. Оома, сопровождавшаго также Наслѣдника Цесаревича въ его поѣздкѣ по Россіи, завершенной пребываніемъ въ Крыму, записано: «Послѣ одного изъ обѣдовъ въ Ливадіи, Государь поздравилъ К. П. Побѣдоносцева съ назначеніемъ оберъ-прокуроромъ Московск. Деп. Сената и производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники ...»

«Новый Цесаревичъ, слышавъ обо мнѣ доброе отъ покойнаго брата, пожелалъ меня имѣть при себѣ преподавателемъ. Я не могъ уклониться и переѣхалъ въ Петербургъ въ 1866 г. на жительство и на службу. Тутъ довелось мнѣ послѣдовательно вести занятія и съ великимъ княземъ Владиміромъ, съ Цесаревной Маріей Ѳеодоровной и съ великимъ княземъ Сергіемъ, и даже съ великимъ княземъ Николаемъ Константиновичемъ *). Сталъ извѣстенъ въ правящихъ кругахъ, обо мнѣ стали говорить и придавать моей дѣятельности преувеличенное значеніе. Я попалъ, безъ всякой вины своей, въ атмосферу лжи, клеветы, слуховъ и сплетень. О, какъ блаженъ человѣкъ, не знающій всего этого и живущій тихо, никѣмъ не знаемый, на своемъ дѣлѣ! Цесаревичъ сочувственно относился ко мнѣ и оказывалъ мнѣ довѣріе. Въ Аничковомъ дворцѣ я сталъ привычнымъ лицомъ. Но въ ту пору изъ министровъ и правящихъ лицъ никто не имѣлъ общенія съ Цесаревичемъ, и эта среда питалась всякими слухами и сплетнями объ его характерѣ и настроеніи. Меня они тоже не знали и питали себя подозрѣніями о какомъ-то моемъ вліяніи на Цесаревича, а Государю тогдашніе временщики — графъ Шуваловъ, Валуевъ и проч. — внушали такія же подозрѣнія. Съ другой стороны, въ силу того же мнѣнія обо мнѣ, люди, осуждая и браня меня на сторонѣ, старались быть со мною любезными».

19 ноября 1867 г. скончался, всей Россіей почитаемый, митрополитъ московскій Филаретъ (Дроздовъ). 24 ноября утромъ Побѣдоносцевъ писалъ Цесаревичу Александру Александровичу: «Я ѣду сейчасъ въ Москву съ великимъ княземъ Владиміромъ. Простите, Ваше Высочество, что не будучи призванъ, беру на себя — обратиться къ Вамъ со своимъ усерднѣйшимъ представленіемъ. Ради Бо-

*) Вел. кн. Николай Константиновичъ, высланный въ Туркестанъ и много потомъ сдѣлавшій для орошенія этого края, писалъ 7 февр. 1894 г. Побѣдоносцеву изъ с. Николаевскаго въ Голодной степи. Письмо начиналось такъ: «Съ глубокимъ уваженіемъ и отъ всей души обращаюсь къ Вамъ, къ горячо-любимому профессору моему, съ просьбой оказать содѣйствіе Ваше въ достиженіи намѣченной мною цѣли...»

га, если есть какая нибудь возможность, пріѣзжайте въ Москву на похороны митрополита Филарета. Нынѣшняя минута очень важна для народа. Весь народъ считаетъ погребеніе митрополита дѣломъ всенароднымъ, онъ ждетъ и жаждетъ пріѣзда въ Москву Государя Императора. Его Величеству нельзя пріѣхать — народъ будетъ спрашивать отчего. Лучшимъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ, лучшимъ удовлетвореніемъ народныхъ желаній было бы присутствіе Вашего Высочества. Оно засвидѣтельствовало бы всѣмъ полноту участія, принимаемаго царскимъ семействомъ въ народной и государственной утратѣ, и заставило бы сердце народное забиться еще сильнѣе любовью къ Государю и къ Вамъ. Я думаю, что вѣрные слуги государевы думаютъ, что въ такія историческія минуты, если народъ жаждетъ видѣть посреди себя самаго Государя, и Государь пріѣхать не можетъ, благо Наслѣднику, который явится вмѣсто своего родителя. Васъ любятъ въ лицѣ Государя, и его любятъ въ Вашемъ лицѣ. Ради Бога, Ваше Высочество, не поставьте мнѣ въ вину эти слова, внушенныя сердцемъ, горячо преданнымъ Государю и Вамъ, равно какъ и всей Россіи, и пріѣзжайте если можете».

Наслѣдникъ Цесаревичъ въ тотъ же день отвѣтилъ ему: «Добрѣйшій Константинъ Петровичъ, получивъ Ваше доброе письмо, за которое я Вамъ очень благодаренъ, я отправился въ Зимній Дворецъ. Я, признаться сказать, самъ уже хотѣлъ ѣхать въ Москву на похороны митрополита Филарета, и былъ увѣренъ, что Государь пошлетъ меня, такъ какъ онъ самъ ѣхать не могъ. Вчера вечеромъ узнаю отъ Александры Петровны (супруги вел. кн. Николая Николаевича Старшаго Н.Т.), что Владиміръ отправляется въ Москву, я былъ очень удивленъ, тѣмъ болѣе, что видѣлъ еще утромъ брата, и онъ мнѣ ничего не сказалъ. Но вотъ, что произошло въ Зимнемъ Дворцѣ. Сначала я пошелъ къ матери и сказалъ ей о моемъ намѣреніи ѣхать въ Москву, тѣмъ болѣе, что я находилъ это очень натурально и прилично. Я даже прочелъ матери Ваше письмо (надѣюсь, что Вы ничего не имѣете противъ этого). Она одобрила совершенно мое желаніе и нашла это очень натуральнымъ, чтобы я ѣхалъ въ Москву. Итакъ, все шло хорошо, и мать сказала, что она увѣрена, что государь ничего не будетъ имѣть противъ этого. Но послѣ нашего разговора пришелъ государь, и я при немъ просилъ еще разъ разрѣшенія ѣхать въ Москву. Вашего письма государю не показывалъ и даже не говорилъ, что Вы мнѣ писали, а просто просилъ отъ себя и спрашивалъ, не находитъ ли онъ это приличнѣе, чтобы я ѣхалъ туда. Императрица тоже говорила объ этомъ государю и просила меня отпустить. Но государь отказалъ совершенно, говоря, что совершенно довольно Владиміра и что онъ находитъ это ненужнымъ, чтобы я еще ѣхалъ. Потомъ онъ прибавилъ, зачѣмъ раньше не сказалъ объ этомъ, чтобы ѣхать вмѣстѣ съ Владиміромъ. Я отвѣтилъ, что ничего не зналъ, что братъ ѣдетъ, но что я еще поспѣю въ Москву

на похороны, если выѣду сегодня вечеромъ. Но ничего не помогло, ни мои просьбы, ни просьбы матери, которая говорила ему, что это было бы такъ хорошо, чтобы я ѣхалъ въ Москву. Государь еще разъ сказалъ, что Владиміра достаточно и что мнѣ ѣхать совершенно лишнее. Такъ все кануло въ воду. Я не знаю причинъ, почему государь такъ упорно отказывалъ мнѣ ѣхать въ Москву, но увѣренъ, что есть причины. Я пишу Вамъ, добрѣйшій Константинъ Петровичъ, чтобы Вы видѣли, какъ все было, и чтобы Вы не думали, что я съ своей стороны противился этому. Я желалъ, только одно, чтобы Вы меня не осудили въ равнодушіи къ столь важной минутѣ для Россіи. Я съ своей стороны сдѣлалъ все, что могъ, но Вы очень хорошо знаете, что благія намѣренія рѣдко удаются, и поэтому мое желаніе подверглось той же участи. Если увидите нашихъ добрыхъ знакомыхъ: Сергѣя Михайловича и Ивана Кондратьевича (Соловьева и Бабста, преподавателей Цесаревича, Н. Т.), кланяйтесь имъ отъ меня и скажите имъ, что тронутъ ихъ доброй памятью обо мнѣ, потому что они никогда не забываютъ поздравить меня и жену съ праздниками. Чичерину и Буслаеву тоже мой поклонъ(преподаватели). До свиданія, добрѣйшій Константинъ Петровичъ, — мнѣ очень хочется устроить съ Вами лекціи и постараюсь найти для нихъ время. Есть много, о чемъ я желалъ бы съ Вами поговорить. Отъ души преданный и уважающій Васъ Александръ».

Въ письмахъ своихъ къ Цесаревичу Побѣдоносцевъ обращалъ его вниманіе на труды Мельникова-Печерскаго, на «Дневникъ писателя» Достоевскаго. Въ 1874 г. онъ прислалъ ему сборникъ «Складчина», изданный въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая въ Самарской губ., въ которомъ, кромѣ него, помѣстили статьи Гончаровъ, Тургеневъ, Достоевскій, Некрасовъ, Майковъ и др. Въ 1875 г. Побѣдоносцевъ просилъ Наслѣдника принять, пріѣхавшаго въ первый разъ въ Россію, старика угроросса Добрянскаго, съ которымъ самъ много бесѣдовалъ. Онъ называлъ его «главнымъ представителемъ своего народа и защитникомъ языка и православной вѣры отъ ужасныхъ притѣсненій католическаго мадьярскаго правительства».

Въ 1876 г. въ Берлинѣ неожиданно скончался отъ рожи, оперированный тамъ, Юрій Ѳеод. Самаринъ. Побѣдоносцевъ писалъ Наслѣднику Цесаревичу 22 марта: «Когда видишь вокругъ себя маленькихъ людей большею частью, ужасно грустно, когда умираетъ большой человѣкъ. А. Самаринъ былъ подлинно большой человѣкъ — и величайшаго ума, и души великой, возвышенной, и русскаго сердца. Онъ самъ собою стоялъ и держалъ своею силою многихъ. И передъ своими и передъ нѣмцами онъ былъ крѣпкимъ и грознымъ представителемъ и русской вѣры, и русскихъ ума и сердца, и, нако-

нецъ, русскаго образованія, въ которомъ немногіе могли съ нимъ тягаться. Оттого и враги его уважали, а про друзей и говорить нечего. Онъ былъ и честенъ, и великодушенъ, и много дѣлалъ добра въ городѣ, и въ деревнѣ. Кто теперь замѣнитъ его! Очень горько, что Самарина нѣтъ между нами».

16 янв. 1879 г. Побѣдоносцевъ сообщаетъ просьбу Римскаго-Корсакова, директора безплатной школы пѣнія, о желательности посѣщенія Наслѣдникомъ одного изъ концертовъ, что придало бы ей значеніе. Школа создана была въ 1861 г. Ломакинымъ и Балакиревымъ и состояла подъ покровительствомъ покойнаго Цесаревича. « — Что Вы мнѣ писали о просьбѣ Римскаго-Корсакова, я уже имѣлъ въ виду и обѣщалъ имъ черезъ В. Зиновьева пріѣхать на одинъ изъ концертовъ. Это правда, я давно не былъ на концертахъ, но постоянно что-то мѣшало, и потомъ они давали концерты въ залѣ думы, гдѣ весьма неудобно сидѣть. А.».

Остро переживалъ Побѣдоносцевъ событія на Балканахъ, когда Сербія и Черногорія выступили противъ Турціи и начались турецкія звѣрства въ Болгаріи. Волновала его наша недостаточная подготовленность къ надвигавшейся войнѣ. 12 октября 1876 г. онъ писалъ Цесаревичу въ Ливадію: «... Силъ въ насъ очень много, земля наша велика и обильна, народъ нашъ молодой и свѣжій, подъемъ духовный нашей природы легокъ и могучъ; но безъ управы, безъ хозяйства все это пропадетъ, какъ пропадаютъ въ бою богатыри-солдаты наши безъ способныхъ офицеровъ ... Вся тайна русскаго порядка и преуспѣянія наверху, въ лицѣ Верховной Власти. Не думайте, чтобы подчиненныя Вамъ власти себя ограничили и поставили на дѣло, если Вы себя не ограничите и не поставите на дѣло. Гдѣ Вы себя распустите, тамъ распустится и вся Земля. Вашъ трудъ всѣхъ подвигнетъ на дѣло, Ваше ослабленіе и роскошь зальетъ всю землю послабленіемъ и роскошью, — вотъ что значитъ тотъ союзъ съ землею, въ которомъ Вы родились, и та власть, которая Вамъ суждена отъ Бога. Придетъ, б. м., пора, когда льстивые люди, — тѣ, что любятъ убаюкивать монарховъ, говоря имъ одно пріятное, — станутъ увѣрять Васъ, что стоитъ лишь дать государству т. н. конституцію на западный маневръ — все пойдетъ гладко и разумно, и власть можетъ совсѣмъ успокоиться. Это ложь, и не дай Боже истинному русскому человѣку дожить до того дня, когда ложь эта можетъ осуществиться. Не сердитесь на меня за эти искреннія мои рѣчи, которыя я никогда не перестану говорить Вамъ, если Вы позволите, пока еще не такъ трудно слушать! Придетъ пора, когда труднѣе будетъ сказать Вамъ прямое слово, а Вамъ труднѣе будетъ слышать его. Я же до сихъ поръ, кажется, не давалъ Вашему Высочеству повода заподозрить искренность и чувства моего и моего слова». Переживалъ онъ и событія русско-турецкой войны 1877-8 г. г. Сильны и

откровенны письма отправленныя Цесаревичу, командовавшему на фронтѣ отрядомъ. По окончаніи военныхъ дѣйствій, онъ писалъ 8 января 1878 г.: «Поистинѣ, Ваше Высочество, эта война вывела наружу все сокровище доблести, скрытое въ русскомъ человѣкѣ, подняла духъ, явила подвиги мужества, вѣры, великодушія, любви и жалости — такъ что духъ захватываетъ отъ восторга. Но она же показала и всѣ недостатки наши, бѣдность организаціи, необдуманность и безпечность распоряженій, случайность въ распредѣленіи людей, могущество мелкихъ, низкихъ, неспособныхъ людей и всю силу и вліяніе низкихъ побужденій. Однако за всѣмъ тѣмъ, мы, русскіе люди, крѣпко хранимъ въ душѣ вѣру въ успѣхъ нашего святаго дѣла и молимся Господу Богу крѣпкой и смиренной молитвой. Крѣпко молятся русскіе люди и за Васъ, и, повторяю, всѣ слѣдятъ за Вами съ любовью. Да осѣнитъ Васъ Христосъ Своею благодатію».

«Б. Н. Чичеринъ просилъ меня представить Вашему Величеству книгу имъ написанную:**Наука и религія»**, — писалъ 17 апр. 1879 г. Побѣдоносцевъ. «Эта книга замѣчательная и, вѣрно, обратитъ на себя общее вниманіе. Она написана противъ новѣйшихъ матеріалистовъ и доказываетъ всю нелѣпость ученія ихъ съ философской точки зрѣнія». — 18 апр. Пожалуйста, по-благодарите отъ меня Б. Н. Чичерина за его книгу. А.

Въ Петербургъ прибылъ извѣстный миссіонеръ архим. Николай (Касаткинъ). Побѣдоносцевъ 6 янв. 1880 г. совѣтуетъ присутствовать на пріемѣ его Цесаревной. «... Онъ человѣкъ поистинѣ замѣчательный, всѣми уважаемый и пользуется популярностью въ Японіи, гдѣ живетъ уже около 20 лѣтъ, посвятивъ себя всего дѣлу миссіи». — 7 янв. Сегодня не успѣлъ видѣть архим. Николая, т. к. было уже поздно, но непремѣнно назначу ему день. А. — Въ то время Побѣдоносцевъ не былъ еще оберъ-прокуроромъ.

Продолжимъ повѣсть Побѣдоносцева: «Безъ всякаго ходатайства съ моей стороны и безъ всякаго участія Цесаревича я былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта (въ 1872 г., сенаторомъ былъ съ 1868 г., Н. Т.) и тутъ получилъ возможность высказывать вслухъ всѣмъ свои мнѣнія по государственнымъ вопросамъ — мнѣнія, коихъ никогда ни отъ кого не скрывалъ. Такъ, мало по малу, пріобрѣлъ я репутацію упорнаго консерватора — въ противодѣйствіи новымъ направленіямъ и вѣяніямъ государственныхъ либераловъ. Къ концу царствованія эти вліянія и направленія пріобрѣли господствующее значеніе. Началось, въ виду общаго недовольства, безумное стремленіе къ конституціи, то есть къ гибели Россіи. Это стало въ умахъ какой-то заразою: русскіе люди, сохранившіе еще разумъ и память прошедшаго, ждали въ страхѣ, что будетъ, ибо покойнаго Государя склонили уже совсѣмъ къ этому гибельному шагу».

Происходили покушенія на жизнь императора Александра II. Побѣдоносцевъ рѣзко осуждалъ въ своихъ письмахъ къ Цесаревичу государственныхъ людей, трусящихъ, раздвоенныхъ въ мысляхъ, идущихъ врозь. 17 мая 1879 г. онъ писалъ: «Еслибъ они понимали, что значитъ быть государственнымъ человѣкомъ, они никогда не приняли бы на себя страшнаго званія: вездѣ оно страшно, а особенно у насъ въ Россіи. Вѣдь это значитъ — не утѣшаться своимъ величіемъ, не веселиться удобствами, а приносить себя въ жертву тому дѣлу, которому служишь, отдать себя работѣ, которая сожигаетъ человѣка, отдавать каждый часъ свой съ утра и до ночи, быть въ живомъ общеніи съ живыми людьми, а не съ бумагами только... Не погнѣвайтесь, Ваше Высочество, за эти откровенныя и невеселыя письма. Говорить Вамъ на словахъ рѣдко приходится, а у меня душа болитъ невыразимо отъ всего, что вижу и что слышу, и не терпится иногда сказать Вамъ на письмѣ слово о нынѣшнемъ положеніи, которое Васъ должно тяготить болѣе, чѣмъ кого нибудь. Но Вы живете на высотахъ и многаго, что видимъ мы, не можете видѣть. Да сохранитъ Васъ Господь и да вразумитъ на лучшее!»

29 янв. 1881 г. Побѣдоносцевъ писалъ Цесаревичу: «Вчера вечеромъ скончался Ѳ. М. Достоевскій. Онъ былъ мнѣ близкій пріятель и грустно, что нѣтъ его. Но смерть его — большая потеря и для Россіи. Въ средѣ литераторовъ онъ — едва ли не одинъ — былъ горячимъ проповѣдниковъ основныхъ началъ вѣры, народности, любви къ отечеству. Несчастное наше юношество, блуждающее, какъ овцы безъ пастыря, — къ нему питало довѣріе, и дѣйствіе его было весьма велико и благодѣтельно. Многіе — несчастные молодые люди — обращались къ нему какъ къ духовнику, словесно и письменно. Теперь некому замѣнить его. Онъ былъ бѣденъ и ничего не оставилъ, кромѣ книгъ. Семейство его въ нуждѣ. Сегодня пишу къ гр. Лорисъ-Меликову и прошу доложить, не соизволитъ ли Государь Императоръ принять участіе. Не подкрѣпите ли, Ваше Высочество, это ходатайство. Вы знали и цѣнили покойнаго Достоевскаго по его сочиненіямъ, которыя останутся навсегда памятникомъ великаго русскаго таланта». Вдовѣ Достоевскаго была назначена пенсія въ 2,000 р. 1 февраля новое письмо: «Похоронили сегодня Ѳ. М. Достоевскаго въ Невской Лаврѣ. Грустно очень. Вѣчная ему память. Мнѣ очень чувствительна потеря его: у меня для него былъ отведенъ тихій часъ, въ субботу послѣ всенощной, и онъ нерѣдко ходилъ ко мнѣ, и мы говорили долго и много за полночь...»

На первое письмо Цесаревичъ отвѣтилъ: «Очень и очень сожалѣю о смерти бѣднаго Достоевскаго, это большая потеря и положительно никто его не замѣнитъ. Гр. Лорисъ-Меликовъ уже докладываетъ сегодня Государю объ этомъ и просилъ разрѣшенія матеріально помочь семейству Достоевскаго».

Въ самый день цареубійства Побѣдоносцевъ писалъ воцарившемуся императору Александру III: «Богъ велѣлъ намъ переживать нынѣшній страшный день. Точно кара Божія обрушилась на несчастную Россію. Хотѣлось бы скрыть лицо свое, уйти подъ землю, чтобы не видѣть, не чувствовать, не испытывать. Боже помилуй насъ. Но для Васъ этотъ день еще страшнѣе и, думая объ Васъ въ эти минуты, что кровавъ порогъ, черезъ который Богу угодно было провести Васъ въ новую судьбу Вашу, вся душа моя трепещетъ за Васъ страхомъ неизвѣстнаго грядущаго на Васъ и на Россію, страхомъ великаго несказаннаго бремени, которое на Васъ положено. Любя Васъ, какъ человѣка, хотѣлось бы, какъ человѣка, спасти Васъ отъ тяготы въ привольную жизнь; но нѣтъ на то силы человѣческой, ибо такъ благоволилъ Богъ. Его была святая воля, чтобы Вы для этой цѣли родились на свѣтъ и чтобъ братъ Вашъ возлюбленный, отходя къ Нему, указалъ Вамъ на землѣ свое мѣсто». Побѣдоносцевъ призывалъ Государя «править крѣпкою рукою и твердой волей». — «Вамъ достается Россія смятенная, расшатанная, сбитая съ толку, жаждущая, чтобы ее повели твердою рукою, чтобы правящая власть видѣла ясно и знала твердо, чего она хочетъ, и чего не хочетъ и не допуститъ никакъ...» Яркое и рѣшительное письмо написалъ онъ 6-го марта, заканчивая его словами: «... Ваше Величество, — одинъ только есть вѣрный, прямой путь встать на ноги и начинать, не засыпая ни на минуту, борьбу самую святую, какая только бывала въ Россіи. Весь народъ ждетъ властнаго на это рѣшенія, и какъ только почуетъ державную волю, все поднимется, все оживится и въ воздухѣ посвѣжѣетъ».

Государь отвѣтилъ ему: «Благодарю отъ всей души за душевное письмо, которое я вполнѣ раздѣляю. Зайдите ко мнѣ завтра въ 3 ч., я съ радостью поговорю съ Вами. На Бога вся моя надежда. А.».

Императоръ Александръ III поручилъ Побѣдоносцеву составленіе историческаго манифеста, утверждавшаго Самодержавіе, подписаннаго Имъ 29 апр. 1881 г.

Въ концѣ царствованія имп. Александра II въ Суздальскомъ мон. находились, сосланные туда, старообрядческіе епископы австрійскаго согласія: Аркадій, Геннадій и Кононъ. Замѣнившій гр. Лорисъ-Меликова министръ внутр. дѣлъ гр. Н. П. Игнатьевъ писалъ въ августѣ 1881 г. Побѣдоносцеву: «Я доложилъ — м. прочимъ — о прошеніи старовѣровъ Государю и добавилъ, что говорилъ съ Вами объ ихъ освобожденіи къ 30-му. Видимо было, что мысль наша очень понравилась Его Величеству и что ему хочется помиловать ихъ ко дню своего Ангела. Считаю долгомъ предупредить Васъ о вынесенномъ мною впечатлѣніи; тѣмъ болѣе, что я сказалъ Его Величеству, что это дѣло исключительно въ Вашихъ рукахъ и что Вы сами желаете дать ему благопріятный исходъ». Епископы были освобожде-

ны. Совѣтскій редакторъ переписки Побѣдоносцева по этому поводу пишетъ: «Повидимому, это былъ первый шагъ новаго царствованія, прекратившаго религіозныя преслѣдованія».

Въ канунъ новаго 1882 г. Побѣдоносцевъ, поздравляя государя, писалъ, въ числѣ прочаго»: «...Съ утра и до ночи вижу я людей всякаго чина и званія, и до меня доходятъ много извѣстій о явленіяхъ совершающихся въ мѣстной жизни. Скажу по совѣсти: не перечислишь зла, всѣхъ болѣзней и пороковъ — такъ ихъ много. Но много вижу я и добрыхъ дѣлъ, много знаю великихъ работниковъ, много великихъ силъ, которыхъ только некому поддержать и ободрить, и я полагаю главное свое призваніе въ томъ, чтобы служить этому дѣлу съ утра до ночи, въ мѣрѣ силъ своихъ и возможности. Простые люди, съ которыми говоришь, люди исполненные вѣры въ добро и въ дѣйственность власти — внушаютъ мнѣ великую надежду на будущее. Но здѣшніе люди повергаютъ меня въ уныніе и безнадежность. И такъ, колеблясь между тѣмъ и другимъ чувствомъ, молю Бога, въ десницѣ Коего и сердце Царево, и ходъ событій, и судьба племенъ и народовъ. Когда-то въ минуту унынія я представлялъ Вашему Величеству письмо Рачинскаго, чтобы показать какіе люди у насъ работаютъ въ темныхъ углахъ, съ вѣрою въ успѣхъ дѣлаютъ великія дѣла въ маломъ кругѣ своемъ. Осмѣливаюсь и теперь предложить Вамъ послѣднее его письмо, простой голосъ простого человѣка: можетъ быть, эти слова хотя на минуту освѣжатъ мысль Вашу, утомленную оффиціальными докладами...»

Государь, благодаря 31 дек. за письмо, писалъ: «Ужасный, страшный годъ приходитъ къ концу, начнется новый, а что ожидаетъ насъ впереди». Описавъ свое тяжелое настроеніе, Царь закончилъ такъ: «Съ полнымъ упованіемъ на милость Божію, кончаю это письмо: Да будетъ воля Твоя, Господи».

Прежнее письмо о Рачинскомъ — отъ 10 марта 1880 г. — такъ ярко обрисовываетъ подлиннаго Побѣдоносцева: «Впечатлѣнія петербургскія крайне тяжелы и безотрадны. Жить въ такую смутную пору и видѣть на каждомъ шагу людей безъ прямой дѣятельности, безъ ясной мысли, и твердаго рѣшенія, занятыхъ маленькими интересами своего я, погруженныхъ въ интриги своего честолюбія, алчущихъ денегъ и наслажденія и праздно-болтающихъ, — просто надрываетъ душу. Добрыя впечатлѣнія приходятъ лишь изнутри Россіи, откуда-нибудь изъ деревни, изъ глуши. Тамъ еще цѣлъ родникъ, отъ котораго дышитъ еще свѣжестью, а отсюда наше спасеніе. Тамъ есть люди съ русскою душой, дѣлающіе доброе дѣло съ вѣрою и надеждою. Не угодно ли, Ваше Величество, я покажу Вамъ одного такого человѣка. Все-таки отрадно хоть одного такого увидѣть. На досугѣ извольте прочесть прилагаемыя письма. Если Вы сочувственно примете ихъ, то не пожалѣете, что читали. Это письма пріятеля мо-

его Сергѣя Рачинскаго, добраго и честнаго человѣка. Онъ былъ профессоромъ ботаники въ московскомъ университетѣ, но когда ему надоѣли тамъ распри и интриги между профессорами, онъ оставилъ службу и поселился въ своей деревнѣ, въ самой глуши Бѣльскаго у., Смоленской губ., вдали отъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ. Живетъ онъ тамъ безвыѣздно вотъ уже 10 лѣтъ и посвятилъ всего себя сельскимъ школамъ, которыми занимался съ утра до ночи — въ какомъ духѣ, изволите увидѣть изъ писемъ. Онъ подлинно сталъ благодѣтелемъ цѣлой мѣстности, и Богъ послалъ людей — изъ священниковъ и помѣщиковъ, которые съ нимъ работаютъ. Отрадно читать его письма, — отъ нихъ вѣетъ новымъ и здоровымъ, ободряющимъ духомъ. Тутъ не болтовня, а дѣло и истинное чувство. Въ письмахъ отмѣчены карандашемъ страницы, на которыя стоитъ обратить Ваше вниманіе».

Вотъ какъ самъ Побѣдоносцевъ описываетъ въ «повѣсти» свое положеніе въ царствованіе императора Александра III: «И вотъ съ этого рокового для меня дня (изданія манифеста 29 апр., Н. Т.) начинается и продолжается, разгораясь, злобное на меня чувство, питаясь и въ Россіи и за границей всеобщимъ шатаніемъ умовъ, сплетнею, господствующей нынѣ во всѣхъ кругахъ общества, невѣжествомъ русской интеллигенціи и ненавистью иностранной интеллигенціи ко всякой русской власти. Къ несчастью, и у насъ, и тамъ существуетъ закоренѣлое мнѣніе, что при самодержавной власти есть непремѣнно тотъ или другой человѣкъ всесильный, который всѣмъ распоряжается и отъ котораго все зависитъ. И вотъ этимъ человѣкомъ всѣ и всюду стали считать меня и понынѣ считаютъ, — человѣка, всегда уклоняющагося отъ всякаго исключительнаго присвоенія себѣ какой-либо власти. Естественно, что молодой Государь на первыхъ порахъ, чувствуя себя одинокимъ, растеряннымъ, сталъ обращаться ко мнѣ, — къ человѣку, ближе ему извѣстному и преданному. Онъ совѣтовался со мною о людяхъ и мнѣ довелось въ немногихъ случаяхъ указывать ему на людей: на барона Николаи — для народнаго просвѣщенія, на графа Димитрія Толстого — для министерства внутреннихъ дѣлъ, и, къ счастью, я не ошибся. Когда ко мнѣ обращались, я отвѣчалъ, когда Государь поручалъ мнѣ работу, я ее выполнялъ. Но вотъ и все. Ни разу не позволялъ себѣ испрашивать для кого-либо милостей или назначеній и. т. п. Но люди воображали обо мнѣ иначе, и тутъ мнѣ пришлось видѣть много людской пошлости въ нашемъ обществѣ. Ко мнѣ обращались за милостынями и назначеніями, а когда я отвѣчалъ, что не вмѣшиваюсь въ эти дѣла и ничего не могу, кромѣ того, что касается до порученнаго мнѣ дѣла, — мнѣ не вѣрили и бранили меня. Съ другой стороны, возбуждалась ко мнѣ ненависть иныхъ людей изъ придворныхъ и другихъ сферъ, которымъ иногда мнѣ случалось помѣшать въ осуществленіи разныхъ своекорыстныхъ плановъ. Я видѣлъ ясно свое по-

ложеніе. Несмотря на все довѣріе ко мнѣ Государя, я могъ предвидѣть, что и оно можетъ поколебаться, и зналъ, какими внушеніями оно колеблется у государей. Стоитъ только заподозрить человѣка въ томъ, что онъ ищетъ преобладанія надъ волею и рѣшеніями государя. Зависть и интриги — дѣло обычное въ придворныхъ сферахъ. Люди, составлявшіе общество Аничкова дворца, не зная меня, не имѣя прямого со мною общенія, слышали только разговоры и анекдоты обо мнѣ въ гостиныхъ и, передавая ихъ, успѣвали производить впечатлѣніе и на Императрицу Марію Θеодоровну, и на Государя отчасти. Я продолжалъ исполнять его порученія, но уже чувствовалъ въ послѣдніе годы, что на меня что-то насказано. Не мѣшаясь ни въ какія дѣла другихъ вѣдомствъ, я велъ жизнь уединенную; однако, при всемъ томъ всюду — и въ Россіи и за границей — я продолжалъ считаться всесильнымъ человѣкомъ, отъ котораго все исходитъ въ Россіи, и на мой счетъ ставились всѣ и всякія распоряженія правительства, о коихъ я даже не имѣлъ понятія. Изъ разныхъ угловъ Россіи, изъ Европы, изъ Америки сыпались мнѣ злобныя, угрожающія письма то отъ нигилистовъ, анархистовъ, либераловъ всѣхъ оттѣнковъ, то отъ жидовъ, приписывавшихъ мнѣ всѣ ограниченія, всѣ распоряженія объ ихъ высылкахъ и проч».

Побѣдоносцевъ могъ лучше всего воспринимать отношеніе къ нему императора Александра III и замѣтить извѣстныя колебанія въ нихъ. Но при изученіи матеріаловъ, сохраненныхъ имъ, онѣ не чувствуются. Во все это царствованіе, въ особенности въ 80-хъ годахъ, Побѣдоносцевъ постоянно обращался къ царю, высказывая откровенно сужденія по отдѣльнымъ вопросамъ, нарочито, когда они касались Церкви. Понятно потому, имъ и отмѣчаемое, недоброжелательство къ нему тѣхъ лицъ, которыя, со свойственной ему прямотой, подвергались его осужденію.

11 іюля 1881 г. онъ писалъ: «Теперь простые люди преисполнены заботы о безопасности Вашего Императорскаго Величества: у многихъ эта забота непрестанная, не дающая покоя. Благочестивые прибѣгаютъ къ молитвамъ, или ищутъ оградить Васъ почитаемой иконой или другой домашней святыней. Невозможно отвергать эти порывы горячаго усердія. Вчера пришелъ ко мнѣ совсѣмъ простой человѣкъ, старикъ старожилъ города Томска, купецъ Храновъ (Хромовъ, Н. Т.), пріѣхавшій сюда на время. У нихъ, сначала въ лѣсу близъ Томска, потомъ въ самомъ Томскѣ, въ саду у Хранова, проживалъ въ молитвѣ пустынникъ неизвѣстнаго происхожденія лѣтъ 25, и скончался въ 1864 г., уже 90 лѣтъ отъ роду. Мѣстные жители, особливо же самъ Храновъ, чтили его при жизни, какъ святого, и еще болѣе чтутъ по смерти. Увѣряютъ, что онъ предсказывалъ будущее и что многіе получаютъ исцѣленіе на его могилѣ. Старикъ Храновъ, по поводу покушеній на жизнь государя императора, по-

сылалъ Его Величеству портретъ этого старца и разныя извѣстія о его предупрежденіяхъ и предсказаніяхъ. Теперь онъ привезъ съ собою изъ Томска шапочку этого старца, которую хранилъ благоговѣйно въ своемъ семействѣ и которой приписываетъ чудодѣйственную силу, разсказывая, что два раза, когда онъ бралъ ее съ собою въ путь, онъ чудесно спасался отъ разбойниковъ. Я не желалъ смутить этого добраго человѣка и не рѣшился отказать ему: взялъ отъ него эту шапочку съ обѣщаніемъ представить Вашему Императорскому Величеству, вмѣстѣ съ портретомъ старца». Въ 1917 г. кн. Н. В. Голицынъ, послѣдній директоръ государственнаго и главнаго архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, обнаружилъ въ Гатчинскомъ дворцѣ, въ кабинетѣ императора Александра III конвертъ, въ которомъ были скуфейка старца Θеодора Кузьмича и его литографія.

Въ концѣ января 1883 г. Государь писалъ Побѣдоносцеву: «Прочтите эти два замѣчательныхъ письма В. А. Жуковскаго къ покойному батюшкѣ. Я увѣренъ, что съ тѣмъ же удовольствіемъ и съ тѣмъ же чувствомъ прочтете ихъ, какъ и я. Конечно, письмо отъ 30 августа 1843 г. изъ Берлина, въ особенности, замѣчательно именно тѣмъ, что оно отъ Жуковскаго, личности столь честной, правдивой и свѣтлой. Тогда подобныя личности были не рѣдки, а теперь это огромная рѣдкость, а пожалуй и есть, да изъ ложнаго стыда скрываются. По прочтеніи верните мнѣ письма обратно».

Побѣдоносцевъ 1 февраля писалъ: «Съ сердечною благодарностью возвращаю Вашему Величеству письма В. А. Жуковскаго. Поистинѣ это была простая, чистая и ясная душа, — и вся она сказывается въ письмѣ отъ 30 августа 1843 г. *). Когда читаешь это письмо, невольно обращаешься къ той эпохѣ, когда оно было написано — 40 лѣтъ тому назадъ. Это было самое ясное и блестящее время царствованія императора Николая I. Многое вокругъ поэта было просто и ясно; просты и ясны казались и тѣ задачи жизни, которыя съ тѣхъ поръ усложнились и запутались невообразимо. Есть времена, когда дорога впереди стелется широкою стезею, и видно куда идти. Есть другія времена, когда впереди туманъ, вокругъ болота. То время и нынѣшнее — какая разница, — точно весь міръ вокругъ насъ перемѣнился. Невольно приходитъ мысль: эта простая душа, эта ясная мысль — какъ выразилась бы у Жуковскаго, еслибы онъ писалъ не въ 1843 г., а хоть двадцать лѣтъ спустя? И Богу не угодно было, чтобы онъ дожилъ до того времени, когда его державный воспитанникъ сталъ императоромъ и вступилъ въ дѣло. Кажется, для покойнаго

*) Въ письмѣ отъ 30 авг. Жуковскій говорилъ о покорности волѣ Божіей и о Самодержавіи, которое есть «только высшая степень покорности Божіей правдѣ». Письма эти были напечатаны въ «Рус. Арх», въ кн. 1, 3, 4 и въ 1885 г. въ кн. 1, 4, и 7.

государя и для всей Россіи было бы неоцѣнимымъ благомъ присутствіе — **только присутствіе** — человѣка съ такою душою, съ прямымъ и яснымъ взглядомъ русскаго человѣка на дѣла и на людей. Съ Жуковскимъ, — и можетъ быть **съ нимъ только однимъ,** — покойный государь въ состояніи былъ бы говорить прямо, безъ малѣйшей тѣни, и принялъ бы слово отъ него съ полнымъ довѣріемъ. Жуковскій яснымъ чутьемъ своимъ понялъ бы все, что было фальшиваго во многихъ мѣрахъ, которыя представляли государю въ эпоху реформъ, и указалъ бы на опасность, грозившую тѣмъ основнымъ началамъ правленія, которыя онъ такъ просто и ясно излагалъ въ письмѣ своемъ. И когда вспомнишь, какъ, люди въ ту пору — въ срединѣ 60-хъ годовъ — рѣшали судьбу этихъ реформъ, пожалѣешь человѣческимъ разсужденіемъ, что Жуковскаго не было. Но видно было такъ Богу угодно, чтобы не было ни его, ни ему подобныхъ».

Побѣдоносцевъ въ началѣ 1883 г. былъ взволнованъ намѣреніемъ министра императорскаго двора, гр. И. И. Воронцова-Дашкова, допустить театральныя представленія во время Великаго поста, о чемъ тотъ испрашивалъ Высочайшее разрѣшеніе. 21 февр. Побѣдоносцевъ писалъ: «. . . Немало найдется людей, которые будутъ говорить, что это пустые капризы со стороны Сѵнода, что это поповскій фанатизмъ и т. под. Сѵнодъ ничего и не знаетъ о настоящемъ случаѣ, и дѣло не въ немъ, а въ народномъ чувствѣ, которое ни за что не пойметъ, какъ могутъ быть спектакли въ тѣ дни, когда ежедневно въ церкви читается: «Господи, и владыко живота моего» . . . Не поймутъ также простые люди, какъ могло вдругъ измѣниться царское слово, встрѣченное всѣмъ народомъ съ такою радостью въ дни траура и плача (Выс. повелѣніе 1881 г. о запрещеніи). Смѣю увѣрить Ваше Величество, что въ этомъ дѣлѣ нисколько не участвуетъ мое самолюбіе. Хотя Высочайшее повелѣніе 1881 г. было не прошено мною, и гр. Воронцову, не послушавшему совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, не угодно было посовѣтоваться со мною (гр. Д. Толстой (мин. внут. дѣлъ) указывалъ, что новое распоряженіе противорѣчитъ Выс. пов. 81 г.), — это нисколько не обижаетъ меня лично. Я вступаюсь въ это дѣло потому, что чувствую глубоко всю важность настоящей минуты для царствованія, всю трудность настоящей эпохи и всю тяготу бремени, возложеннаго Божіимъ Промысломъ на Васъ. Мнѣ больно, что другіе этого не чувствуютъ, но я не въ силахъ уклониться и сказать: не мое дѣло . . .»

Отвѣтъ Государя: «На счетъ русской оперы въ Великомъ посту дѣло устроится само собой, потому что это было говорено на словахъ и никакихъ положительныхъ приказаній дано не было».

Подъ впечатлѣніемъ разсказа прибывшаго въ Петербургъ старика карпаторусса Добрянскаго, хорошо знакомаго съ безобразіями парламентскаго строя въ Австро-Венгріи, Побѣдоносцевъ пишетъ 11 марта 1883 г.: «. . . Какъ же безумны, какъ же ослѣплены

были тѣ квази-русскіе люди, которые задумали обновить будто бы Россію и вывесть правительство изъ смуты и крамолы посредствомъ учрежденія какой-то палаты представителей. Какъ были легкомысленны тѣ, которые готовы были уступить имъ и принять сочиненный рецептъ, какъ лекарство отъ болѣзни, состоявшей въ разслабленіи власти. Кровь стынетъ въ жилахъ у русскаго человѣка при одной мысли о томъ, что произошло бы отъ осуществленія проекта графа Лорисъ-Меликова и друзей его. Послѣдующая фантазія графа Игнатьева была еще нелѣпѣе подъ прикрытіемъ благовидной формы земскаго собора... Простите, Ваше Величество, что утруждаю Васъ чтеніемъ этого длиннаго письма. Это — самая страшная опасность, которую я предвижу для моего отечества и для Вашего Величества лично. Доколѣ живъ, не оставлю этой вѣры, не перестану твердить тоже самое и предупреждать объ опасности. Болитъ моя душа, когда вижу и слышу, что люди, власть имущіе, но, видимо, не имущіе русскаго разума и русскаго сердца, шепчутся еще о конституціи. Пусть они иногда подозрительно на меня озираются, какъ на завѣдомаго противника этой роковой фантазіи. Я живъ еще и не затворю устъ своихъ, но когда прійдется мнѣ умирать, я умру съ утѣшеніемъ, если умру съ увѣренностью, что Ваше Величество стоите твердо на стражѣ истины и не опустите того знамени единой власти, въ которой единственный залогъ правды для Россіи. Вотъ гдѣ правда, а тамъ — ложь чужая, роковая ложь для судебъ Россіи».

Въ томъ же 1883 г. препроводилъ онъ государю письмо о томъ злѣ, которое происходитъ отъ пьянства въ деревнѣ. Царь отвѣтилъ: «Прочелъ съ интересомъ письмо Рачинскаго. Дай Богъ намъ развязаться наконецъ съ этимъ вопросомъ. Дѣйствительно, кабакъ это гибель Россіи...» Поддерживалъ онъ часто передъ государемъ разныя полезныя начинанія на мѣстахъ. 28 марта 1883 г. сообщалъ о дѣльномъ священникѣ Янушкевичѣ, создавшемъ школу для дѣвочекъ въ м. Свислочь, Волковыскаго у., гдѣ русское населеніе было въ значительной мѣрѣ ополячено. Побѣдоносцевъ просилъ пожертвовать школѣ икону Божіей Матери и 200 р. на пріобрѣтеніе хорошихъ русскихъ книгъ для школьной и приходской библіотеки. Царь отвѣтилъ: «Съ удовольствіемъ всегда готовъ жертвовать на доброе и полезное дѣло. Вы получите 1000 р. на Могилевское Братство и 200 р. на Свислочскую женскую народную школу. Икону Божіей Матери постараюсь прислать на дняхъ: если забуду, напомните мнѣ черезъ нѣкоторое время». Побѣдоносцевъ въ томъ же письмѣ просилъ государя помочь Богоявленскому Братству въ Могилевѣ, возстановленному новымъ архипастыремъ владыкой Виталіемъ (Гречулевичемъ).

Совершая поѣздки по Россіи и заграницу (особенно любилъ онъ Зальцбургъ), Побѣдоносцевъ сообщалъ царю о своихъ впечатлѣ-

ніяхъ. Красочно описаніе имъ древней Праги. Въ письмѣ отъ 19-го іюня 1885 г. онъ писалъ о Владимірѣ на Клязьмѣ: «... Срединный пунктъ земли русской, гнѣздо Москвы и русскаго государства». Исключительное впечатлѣніе городъ производитъ, послѣ работъ по реставраціи. «Успенскій соборъ со стѣнною живописью XII вѣка. Особенное чувство тѣснится въ душѣ, когда вступаешь въ этотъ величественный храмъ, **единственный памятникъ,** уцѣлѣвшій въ Россіи послѣ погромовъ древняго времени; когда подумаешь, что здѣсь, на этихъ самыхъ хорахъ, великокняжеское семейство задушено было огнемъ и дымомъ при нашествіи Батыя. Усердіемъ здѣшняго достопочтеннаго архіепископа Өеогноста (Лебедева, вп. митр. кіевскаго, Н Т) возстановлено здѣсь много скрытаго изъ древности *). Въ стѣнахъ найдены заложенными великокняжескія гробницы, очищены, оправлены, украшены — и все какія имена! Это храмъ несравненный, а возлѣ Дмитровскій соборъ великой красоты, и еще — соборъ Александра Невскаго, откуда вынуто и перевезено въ Петербургъ тѣло усопшаго князя, соборъ — возстановленный при Николаѣ I во всей первоначальной красотѣ своей архитектуры. Я былъ и Боголюбовомъ монастырѣ, въ старомъ соборѣ, у того самаго слухового окна, въ той самой комнатѣ, гдѣ убійцы задушили Андрея Боголюбскаго. Все это въ высшей степени любопытно, и все вмѣстѣ, съ окрестными полями, лугами, селами и церквами, преисполнено той красоты, которую такъ любитъ и на которую такъ отзывается душа сѣвернаго русскаго человѣка. Но тутъ и переходъ отъ юга къ сѣверу, потому что съ юга отъ Кіева пришелъ сюда Андрей Боголюбскій и здѣсь поставилъ по образу Кіевскому золотыя ворота, окрестилъ кіевскими именами многія урочища и заложилъ, такъ сказать, на южно-русскихъ именахъ и костяхъ великокняжескую господственную силу». Въ письмѣ отъ 9 дек. 1891 г. онъ указывалъ, что со времени Андрея Боголюбскаго сохранилась позолота шапки на средней главѣ.

Будучи съ 1880 г. оберъ-прокуроромъ Св. Сvнода, Побѣдоносцевъ, представляя 20 мая 1885 г. годовой отчетъ, пояснялъ: «Отчетъ оберъ-прокурора Свят. Сvнода такъ бываетъ объемистъ, что потребовалось бы много времени для чтенія, хотя по содержанію своему представляетъ много интереснаго. Въ нынѣшнемъ году по нѣкоторымъ статьямъ (напримѣръ по расколу и миссіонерству много интереснаго) сдѣлана довольно точная группировка фактовъ. На случай, если бы Вашему Величеству угодно было заглянуть въ прилагаемыя тетради, положены закладки въ тѣхъ мѣстахъ, которыя могутъ представить наиболѣе интереса. Именно: Въ статьѣ III — отмѣчено описаніе архіерейскихъ поѣздокъ по дальнимъ сибирскимъ

*) Реставрація собора стоила 170,000 р., собранныхъ въ теченіе 5-ти лѣтъ мелкими суммами.

епархіямъ и глухимъ мѣстностямъ. Въ статьѣ V — описаніе казанскихъ миссіонерскихъ школъ и ихъ дѣятельности, во многихъ отношеніяхъ замѣчательной, и еще: описаніе миссіонерскихъ поѣздокъ въ Камчаткѣ. Въ статьѣ VI — общая картина раскола въ нынѣшнемъ его состояніи. Въ статьѣ VII — числа и факты, указывающіе на крайнюю нужду въ церквахъ и на дальнія пространства приходовъ по нѣкоторымъ епархіямъ». Государь отвѣтилъ: «Прочелъ отмѣченныя Вами мѣста съ большимъ интересомъ, а въ особенности о труженникахъ сибирскихъ, передъ которыми преклоняюсь. Дѣйствительно они служатъ Христу. Никто ихъ не знаетъ, не слышитъ о нихъ, да и въ голову не прійдетъ, черезъ что они проходятъ. Я говорю о Камчаткѣ и Якутскѣ въ особенности». Далѣе надпись карандашемъ»: «На это надо обратить вниманіе московскихъ и петербургскихъ жертвователей. Тутъ дѣйствительно съ пользой можно жертвовать».

27 янв. 1886 г. въ 12 ч. ночи Побѣдоносцевъ писалъ: «Какая горькая вѣсть пришла сейчасъ изъ Москвы, Ваше Императорское Величество. Аксаковъ скончался сегодня въ 7 час. вечера, внезапно, отъ разрыва сердца. Вотъ еще потеря незамѣнимая: немного такихъ честныхъ и чистыхъ людей, съ такою горячею любовью къ Россіи и всему русскому. Кромѣ того, съ нимъ сходитъ въ могилу цѣлый рядъ преданій, унаслѣдованныхъ отъ прошлыхъ поколѣній, того же свойства. Мѣсто его будетъ пусто въ Москвѣ и некѣмъ замѣнить его. Новыя подрастающія силы — когда-то еще образуются и окрѣпнутъ, и какъ-то еще образуются. Здоровье его сильно потрясено было въ послѣдніе годы, но никто не ждалъ такого близкаго и внезапнаго конца». Государь отвѣтилъ: «Дѣйствительно, потеря, въ своемъ родѣ, незамѣнимая. Человѣкъ онъ былъ истинно русскій, съ чистою душою, и хотя и маньякъ въ нѣкоторыхъ вопросахъ, но защищающій вездѣ и всегда русскіе интересы. Я узналъ о смерти Аксакова еще вчера вечеромъ и телеграфировалъ отъ себя и императрицы Аннѣ Ѳеодоровнѣ (его супруга, урожд. Тютчева)».

18 февр. 1887 г. Побѣдоносцевъ написалъ пространное письмо, по поводу драмы «Власть тьмы», въ выдержкахъ приводимое: «Простите, Ваше Величество, что нарушаю покой Вашъ своими письмами; но что дѣлать, когда душа не терпитъ. Я только что прочелъ новую драму Льва Толстого и не могу придти въ себя отъ ужаса. А меня увѣряютъ, будто бы готовятся давать ее на императорскихъ театрахъ и уже разучиваютъ роли. Не знаю извѣстна ли эта книжка Вашему Величеству. Я не знаю ничего подобнаго ни въ какой литературѣ. Едва ли самъ Золя дошелъ до такой степени грубаго реализма, на какую здѣсь становится Толстой. Искусство писателя замѣчательное — но какое униженіе искусства. Какое отсутствіе, — больше того — отрицаніе идеала, какое униженіе нравственнаго чувства, какое

оскорбленіе чувства! Больно думать, что женщины съ восторгомъ слушаютъ чтеніе этой вещи и потомъ говорятъ о ней съ восторгомъ. Скажу даже: прямое чувство русскаго человѣка должно глубоко оскорбиться при чтеніи этой вещи. Неужели нашъ народъ таковъ, какимъ изображаетъ его Толстой? Но это изображеніе согласуется со всей новѣйшею тенденціею Толстого, — народъ-де у насъ весь во тьмѣ со своей вѣрой, и первый онъ, Толстой, приноситъ ему свое евангеліе. Посмотрите-ка, вотъ въ чемъ ваша вѣра, — баба, убивая несчастнаго ребенка, не забываетъ крестить его и затѣмъ давитъ... Въ томъ же родѣ есть музыкальная драма Сѣрова «Вражья сила», но какая разница! Тамъ зритель глубоко потрясенъ, но совсѣмъ иначе, тамъ форма чистая, тамъ есть **борьба**, борьба со **страстью**, и покаяніе преступника, увлеченнаго **страстью**, дѣйствительно **вѣнчаетъ** драму. А у Толстого въ драмѣ даже **страсти** нѣтъ, нѣтъ увлеченія, какъ нѣтъ и борьбы, а есть только тупое, безсмысленное дѣйствіе животнаго инстинкта, — и вотъ почему она такъ **противна**. Въ «Преступленіи и наказаніи» Достоевскаго, при всемъ реализмѣ художества, чрезъ все дѣйствіе проходитъ анализъ борьбы, — и какой еще! — идеалъ ни на минуту не пропадаетъ изъ дѣйствія. А это что такое? Боже мой до чего мы дожили въ области искусства!..» Говоритъ о впечатлѣніяхъ въ случаѣ постановки драмы: «А что подумаютъ лучшіе, здоровые, честные представители народа? Они, несомнѣнно, будутъ **оскорблены** въ лучшихъ своихъ ощущеніяхъ. Подумаютъ такъ «вотъ чѣмъ вздумали забавляться баре! Вотъ, видно, какъ они понимаютъ народъ. Неужели же всѣ мы, простые русскіе люди, въ нашемъ быту такіе скоты и мерзавцы. Стыдно. А что если бы кто вздумалъ такъ выставлять графовъ да князей, да большихъ бояръ, — небось, не позволили бы, запретили бы давать пьесу. Это не то, что нашъ братъ». Нехорошо, если такъ заговорятъ честные и нравственные русскіе люди... Простите, Государь. Я высказалъ все и облегчилъ свою душу. Послѣдовалъ 19 февр. такой отвѣтъ царя: «Благодарю Васъ, любезный Константинъ Петровичъ, за Ваше письмо о драмѣ Льва Толстого, которое я прочелъ съ большимъ интересомъ. Драму я читалъ, и она на меня сдѣлала сильное впечатлѣніе, но и отвращеніе. Все что Вы пишете совершенно справедливо, и могу Васъ успокоить, что давать ее на императорскихъ театрахъ не собирались, а были толки о пробномъ представленіи безъ публики, чтобы рѣшить, возможно ли ее давать, или совершенно запретить. Мое мнѣніе и убѣжденіе, что эту драму на сценѣ давать невозможно, она слишкомъ реальна и ужасна по сюжету. Грустно только, что столь талантливый Толстой ничего лучшаго не могъ выбрать для своей драмы, какъ отвратительный сюжетъ, но написана пьеса мастерски и интересно. Вашъ отъ души Александръ».

«Сужденіе имп. Александра III по этому вопросу оказалось и въ бумагахъ ген.-адъютанта П. А. Черевина. Дано оно, повидимому, по прочтеніи рецензіи И. Палимпсестова въ № 10 «Московск. Церк. Вѣд.» 1886 г. «Я переговорю съ вами объ этомъ при первомъ докладѣ. Надо было бы положить конецъ этому безобразію Л. Толстого, онъ чисто нигилистъ и безбожникъ. Не дурно было бы запретить продажу его драмы «Власть тьмы», довольно онъ уже успѣлъ продать этой мерзости и распространить ее въ народѣ. А.» (Красный Архивъ» т. I).

1 марта 1887 г. открытъ былъ заговоръ на жизнь императора Александра. Однимъ изъ видныхъ участниковъ его былъ Ульяновъ, братъ Ленина. Побѣдоносцевъ писалъ, въ связи съ этимъ: «. . . Тяжело теперь жить всѣмъ людямъ русскимъ, горячо любящимъ свое отечество и серьезно разумѣющимъ правду. Тяжело было и есть, — горько сказать — и еще будетъ. У меня тягота не спадаетъ съ души, потому что вижу и чувствую ежечасно, каковъ духъ времени, и каковы люди стали. На крапивѣ не родится виноградъ, изъ лжи не выведешь правды, изъ смѣшенія лѣни и невѣжества съ безуміемъ и развратомъ самъ собою не возникнетъ порядокъ. Что мы посѣяли, то и должны пожинать . . .» Отмѣтивъ тотъ тяжелый крестъ, который возложенъ на плечи Государя, Побѣдоносцевъ пишетъ далѣе: «Положеніе наше особенное . . . Но нечего обольщать себя — нынѣ развелись эпидемическіе люди безъ разума и совѣсти, одержимые дикимъ инстинктомъ разрушенія, выродки лживой цивилизаціи. Нельзя выслѣдить всѣхъ, нельзя вылѣчить всѣхъ обезумѣвшихъ. Но надо бы допросить себя, отчего ихъ такъ много, обезумѣвшихъ юношей, не оттого ли, что мы ввели у себя ложную, совсѣмъ не свойственную намъ, систему образованія, которая, отрывая каждаго отъ среды своей, увлекаетъ его въ среду фантазій, мечтаній и несоотвѣтственныхъ претензій, и потомъ бросаетъ его на большой рынокъ жизни безъ опредѣленнаго дѣла, безъ связи съ дѣйствительностью и съ народною жизнью, но съ непомѣрнымъ и уродливымъ самолюбіемъ, которое требуетъ **всего** отъ жизни, ничего само не внося въ нее. Боже, помилуй насъ грѣшныхъ, и спаси бѣдную Россію отъ своихъ и чужихъ. Да подастъ Онъ Вашему Величеству силу не только терпѣть, но и дѣйствовать посреди тяжкихъ испытаній. Вѣруемъ, мы простые люди, что Онъ не оставитъ Васъ и съ Вами бѣдную, страдающую и вѣрующую Россію».

30 сент. 1888 г. въ «Московскихъ Вѣд.» появилась основательная критика брошюры Владиміра Соловьева "L' idee russe". 1 окт. Побѣдоносцевъ писалъ: «Благоволите, Ваше Императорское Величество, обратить вниманіе на прилагаемую статью о Соловьевѣ, коего дѣйствія возбуждаютъ теперь столько толковъ и негодованія въ Россіи. Вотъ до какого безумія могъ дойти русскій умный и ученый

человѣкъ, и еще сынъ Сергѣя Михайловича Соловьева. Гордость, усиленная еще глупымъ поклоненіемъ со стороны нѣкоторыхъ дамъ, натолкнула его на этотъ ложный путь». Государь отвѣтилъ: «Дѣйствительно, это страшно печально и въ особенности — подумать, что это сынъ милѣйшаго С. М. Соловьева».

Побѣдоносцевъ, посылая 20 ноября 1888 г. Государю, икону, сообщаетъ, что писалъ ее крестьянинъ слободы Мстеры (Владимірской губ.) Цепковъ въ память 900-лѣтія Крещенія Руси. Ученіе онъ не смогъ кончить по бѣдности, рисованію же обучился въ училищѣ живописи и ваянія въ Москвѣ. «... Если изволите признать ее достойной вниманія, то не благоволите ли разрѣшить, чтобы отъ имени Вашего послано было Цепкову — примѣрно, сто рублей, что несомнѣнно послужило бы къ поощренію молодого художника высочайшимъ вниманіемъ въ трудѣ его» — «Посылаю Вамъ при этомъ 100 р., которые прошу послать Цепкову. Образъ написанъ замѣчательно тонко и съ большимъ вкусомъ и именно въ томъ стилѣ, который я болѣе всего люблю. Если будутъ у него еще образа въ этомъ стилѣ, я желалъ бы пріобрѣсти. А.».

15 ноября 1889 г. Побѣдоносцевъ отправилъ слѣдующее письмо: «Слышалъ объ Вашемъ Величествѣ, что Вы нездоровы. Будемъ надѣяться, что этотъ недугъ, который теперь поражаетъ почти всѣхъ — и меня въ настоящую минуту — недолго продлится. Можетъ быть, въ эти дни найдется у Вашего Величества свободная минута для прилагаемой книги, которую я только что получилъ изъ Москвы. Книга большая, но отъ нея можно, для удобства, вырѣзать предисловіе, на которое смѣю обратить вниманіе Вашего Величества. Я увѣренъ, что Вы прочтете его съ интересомъ. Здѣсь изложена любопытная и поучительная исторія борьбы Юрія Самарина съ кн. Суворовымъ, и особенно замѣчателенъ разсказъ объ арестѣ Самарина и о свиданіи съ нимъ государя Николая Павловича». — «Очень благодарю, прочту непремѣнно, это должно быть интересно *).

Возмущеніе Побѣдоносцева картиной Ге вылилось въ слѣдующемъ письмѣ отъ 6 марта: «Не могу не доложить Вашему Императорскому Величеству о томъ всеобщемъ негодованіи, которое возбуждаетъ выставленная на передвижной выставкѣ картина Ге «Что есть истина». И не только негодуютъ на картину, но и на художника. Люди всякаго званія, возвращаясь съ выставки, изумляются

---

*) «Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина» т. IX. Москва 1888 г. Самаринъ во второй половинѣ сороковыхъ годовъ служилъ въ Ригѣ, возмущался дѣйствіями ген.-губернатора кн. А. А. Суворова, препятствовавшаго принятію латышами православія. За свои «Письма изъ Риги» былъ обвиненъ въ разглашеніи служебныхъ тайнъ. Благодаря личному вмѣшательству имп. Николая I, бесѣдовавшаго съ нимъ, дѣло ограничилось 10-дневнымъ арестомъ въ крѣпости и переводомъ на службу въ Симбирскую губ.

какъ могло случиться, что правительство дозволило выставить публично картину кощунственную, глубоко оскорбляющую религіозное чувство, и притомъ несомнѣнно **тенденціозную.** Художникъ имѣлъ въ виду надругаться надъ тѣмъ образомъ Христа богочеловѣка и Спасителя, который выше всего дорогъ сердцу христіанина и составляетъ сущность христіанской вѣры. Говорятъ: если бы отца моего выставили публично на картинѣ въ оскорбительномъ и карикатурномъ видѣ, я имѣлъ бы право протестовать и требовать устраненія. Не много ли дороже для каждаго вѣрующаго образъ Христа Спасителя? И я не могу не подивиться, почему Грессеръ (петербургскій градоначальникъ, Н. Т.), которому поручена цензура картинъ до открытія выставки и который возбуждалъ иногда вопросы о картинахъ гораздо менѣе соблазнительныхъ, оставилъ эту картину безъ замѣчаній? Нѣсколько лѣтъ тому назадъ снята была картина менѣе возмутительная — картина Рѣпина «Іоаннъ Грозный». Притомъ нельзя не подумать, что передвижная выставка, послѣ Петербурга, обыкновенно развозится по городамъ внутри Россіи. Можно представить себѣ, какое произведетъ она впечатлѣніе въ народѣ и какія — смѣю прибавить — нареканія на правительство, такъ какъ нашъ народъ до сихъ поръ еще думаетъ, что **разрѣшенное** правительствомъ имъ **одобрено».** — «Картина отвратительная, напишите объ этомъ И. Н. Дурново *), я полагаю, что онъ можетъ запретить возить ее по Россіи и снять теперь съ выставки».

Къ Ге Побѣдоносцевъ возвращается и позднѣе — 26 февр. 1892 г. «Завтра, говорятъ, Вы изволите посѣтить и осматривать передвижную выставку. Благоволите, Ваше Величество, обратить вниманіе на картину Ге, которая, сказываютъ, ожидаетъ Вашего разрѣшенія явиться на выставкѣ. Объ этой картинѣ доходятъ до меня недобрые слухи. Говорятъ, что она еще возмутительнѣй той, которая возбуждала общее негодованіе на прежней выставкѣ. Изображено будто бы заплеваніе Христа, и Христосъ написанъ въ самомъ отвратительномъ видѣ. Ваше Величество безъ сомнѣнія увидите и рѣшите. Истинно, нельзя думать безъ негодованія объ этомъ художникѣ, который употребляетъ свой талантъ на вульгаризацію евангельской исторіи. И онъ поселился у Толстого и пользуется его симпатіями». — «Мнѣ сказалъ братъ Владиміръ **), что онъ приказалъ убрать эту картину.

Въ 1892 г. Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ прибылъ морскимъ путемъ во Владивостокъ, возвращаться же долженъ былъ черезъ Сибирь, гдѣ начиналось проложеніе жел. дороги. Побѣдоносцевъ по этому поводу представилъ 11 мая 1891 г. Госу-

---

*) Иванъ Ник. Дурново — министръ внутр. дѣлъ.

**) Велик. князь Владиміръ Александровичъ былъ президентомъ Академіи Художествъ.

дарю записку о возможномъ подношеніи идоловъ бурятскими ламами. «... Вообще на пути Его Высочества много бурятскихъ дацановъ *); потребны предосторожности, о чемъ я имѣлъ честь предупредить Государя-Цесаревича. Напримѣръ, если онъ заѣдетъ въ какой-нибудь дацанъ, гдѣ ему устроятъ встрѣчу, и оставитъ безъ вниманія бѣдную сосѣднюю церковь, впечатлѣніе будетъ тяжкое, и ламы истолкуютъ его передъ народомъ въ свою пользу ...». Къ запискѣ приложено было, связанное съ нею, письмо архіепископа Веніамина (Благонравова) Иркутскаго, «человѣка почтеннаго, ревностнаго архіерея и отличнаго знатока Сибири». Царь отвѣтилъ: «Я того же мнѣнія, что принимать наслѣднику идоловъ весьма неудобно. — Я напишу ему объ этомъ, но переговорите кромѣ того и съ Дурново, чтобы онъ могъ дать знать объ этомъ генералъ-губернатору». Побѣдоносцевъ составилъ для Наслѣдника Цесаревича краткую записку, въ которой даны были обстоятельныя характеристики духовенства, а также нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ, съ которыми могъ онъ имѣть дѣло во время своего слѣдованія въ предѣлахъ имперіи.

Приведемъ нѣсколько характеристикъ. Наслѣдникъ долженъ былъ по пути побывать въ Аѳинахъ, гдѣ настоятелемъ русской церкви былъ архим. Михаилъ (Грибановскій), впослѣд. епископъ таврическій, скончавшійся молодымъ въ 1898 г. «Это человѣкъ прекрасной души, яснаго взгляда, ученый, образованный, благочестивый; думаю, что онъ весьма понравится королевѣ (Ольгѣ, дочери вел. кн. Константина Ник. Н. Т.). Онъ былъ инспекторомъ здѣшней духовной Академіи, которая горестно простилась съ нимъ, когда у него оказалась чахотка и надо было отправить его, почти безнадежнаго, на югъ. Онъ прожилъ годъ въ Гурзуфѣ, поправился, но сѣвера не можетъ вынести и потому назначенъ изъ Севастополя въ Аѳины». Глубоко цѣнилъ и почиталъ его, учившійся одновременно съ нимъ въ петербургской академіи, митр. Антоній (Храповицкій), считавшій Михаила замѣчательнымъ ученымъ, соединившимъ въ себѣ мудрость и чистоту, а также великую силу вѣры и полное самоотверженіе. Епископъ японскій Николай (Касаткинъ): «Это поистинѣ апостолъ нашего времени, человѣкъ духомъ горящій, и зажигающій огни духовные въ сердцахъ ...» Упоминая о первомъ просвѣтителѣ Алтая архим. Макаріи (Глухаревѣ), и его помощникахъ, онъ пишетъ; «Нынѣшній Макарій (Невскій, будущій архіеп. томскій и митрополитъ московскій Н. Т.) — достойный ихъ послѣдователь. Прилагаю нѣсколько книжекъ — отчеты миссіи: стоитъ Вашему Высочеству пробѣжать ихъ, Вы увидите, какъ идетъ это дѣло и какихъ требуетъ самоотверженныхъ трудовъ ...».

*) Монастыри бурятъ-буддистовъ въ Вост. Сибири.

28 марта 1892 г. Побѣдоносцевъ писалъ: «Благоволите, Ваше Императорское Высочество, принять представляемую при семъ изданную мною книгу Исторія православной Церкви. Всѣ учебники по этому предмету сухіе, и цѣль моя была дать такую книгу, которая могла бы читаться съ интересомъ. Первое изданіе было въ видѣ опыта въ небольшомъ числѣ, но оказалось, что книги понравились, и я выпустилъ другое, еще исправленное, изданіе». — «Очень благодарю за книгу, непремѣнно прочту, чтобы возобновить въ памяти давно пройденное мною».

Побѣдоносцевъ всегда заботился объ улучшеніи матеріальнаго положенія сельского духовенства. Когда было это сдѣлано, онъ 24 дек. 1892 г. писалъ государю: «Ваше Императорское Величество, дай Богъ здравствовать и радоваться со всѣмъ Вашимъ домомъ на великій праздникъ Рождества Христова. Съ особливой горячностью будетъ молиться за Васъ духовенство. Поистинѣ глубоко тронуты всѣ Вашей милостью, что вспомнили Вы о позабытыхъ давно и бѣдствующихъ причтахъ сельскихъ приходовъ, въ глубинѣ Россіи. По милости Вашей нынѣ уже прибавлено на нихъ въ смѣтѣ 250,000 руб. и будущій годъ обѣщано еще болѣе. Многіе возрадуются и воспрянутъ духомъ. Да хранитъ Васъ Господь въ мирѣ на многіе годы». — Отъ всего сердца благодарю за пожеланія. Давно это была моя мечта, мое глубокое убѣжденіе, что необходимо придти на помощь и обезпечить сельское духовенство, и теперь, слава Богу, мнѣ это, наконецъ, удалось. Дѣдъ мой Николай Павловичъ началъ это дѣло въ 40-хъ годахъ, а его только продолжаю.. А.

7 сент. 1892 г. скончался митрополитъ петербургскій Исидоръ (Никольскій), въ 92-лѣтнемъ возрастѣ. Наканунѣ кончины исполнилось 67-лѣтіе нахожденія его въ священномъ санѣ. Онъ архіерействовалъ 50 лѣтъ и 32 года былъ митрополитомъ новгородскимъ и петербургскимъ. Докладывая 9 сентября государю объ этомъ событіи, Побѣдоносцевъ указалъ, что 15 авг. въ архіерейской крестовой церкви, во время благословенія народа, поддерживавшій діаконъ неловко ухватилъ его и сорвалъ у него съ лѣвой руки, бывшую на ней фонтанель *). Образовалась опухоль, потомъ произошло рожистое воспаленіе. «Трудно замѣнить этого старца. Онъ былъ уменъ, разуменъ, обладалъ громадною памятью и опытностью въ дѣлахъ. Взгляда былъ въ дѣлахъ широкаго, чѣмъ многимъ отличался отъ многихъ духовныхъ, и потребность данной минуты понималъ сразу своимъ практическимъ житейскимъ смысломъ; и такъ въ дѣлахъ сѵнодскихъ былъ онъ твердой опорой для разумныхъ распоряженій. Притомъ былъ невозмутимо спокоенъ, все-

---

*) Фонтанель — всякое болѣе или менѣе значительное пространство въ кости, оставшееся не окостенѣвшимъ и затянутое соединительно тканной перегородкой (Энцикл. Слов.).

гда веселъ и при добромъ сердцѣ и умѣ обладалъ свойствомъ всякой доброй русской натуры — юморомъ, живымъ, но беззлобнымъ...».

Относительно возможныхъ его замѣстителей Побѣдоносцевъ тогда же писалъ: «Митрополитъ петербургскій, по званію первоприсутствующаго, въ Сѵнодѣ, гдѣ голосъ его имѣетъ почти всегда рѣшающую силу, имѣетъ важное значеніе для всей Церкви россійской. Смотря по свойствамъ ума и характера, онъ можетъ или тормозить дѣла, или двигать ихъ же въ желанномъ направленіи, — быть безпристрастенъ или пристрастенъ къ просьбамъ и ходатайствамъ, — упрямъ и узокъ или податливъ на разумные соображенія и совѣты... Въ числѣ всѣхъ наличныхъ іерарховъ я останавливался мыслью на преосвященномъ Павлѣ казанскомъ...
Но Богу угодно было взять его. Въ настоящую минуту выборъ особливо труденъ. О митрополитахъ, московскомъ Леонтіи и кіевскомъ Іоанникіи, смѣю доложить Вашему Величеству, что ни того, ни другого, я не считаю удобнымъ для петербургской митрополіи. Преосвященный Леонтій, человѣкъ общительный въ обращеніи, мало имѣетъ серьезности въ дѣлахъ, доступенъ стороннимъ вліяніямъ и крайне быстръ въ своихъ рѣшеніяхъ по минутному впечатлѣнію, а при этомъ очень доступенъ лести, которою не трудно подъ него поддѣлаться. Преосвященный Іоанникій ума не широкаго, при безукоризненной честности, строгій монахъ. Съ людьми не умѣетъ сходиться, крайне недовѣрчивъ и подозрителенъ, при чемъ, какъ всегда бываетъ, подпадаетъ подъ вліяніе ближнихъ слугъ своихъ... Сколько ни разсуждалъ я между всѣми лицами, могу въ настоящее время остановиться лишь на нынѣшнемъ экзархѣ Грузіи, преосвященномъ Палладіи. Думаю, что съ нимъ дѣла пошли бы лучше, нежели съ кѣмъ-либо изъ остальныхъ. Онъ человѣкъ разумный, доступный разсужденію и совѣту, ласковый и пріятный въ обращеніи, энергичный и подвижный. Опытность въ дѣлахъ имѣетъ немалую. Управлялъ епархіями трудными — рязанской, тамбовской, вологодской, казанской и вездѣ показалъ себя правителемъ дѣятельнымъ и вездѣ снискалъ расположеніе и оставилъ послѣ себя сожалѣніе. Характера миролюбиваго, но безъ слабости. И то у него примѣчательно, что всѣ епархіи, которыми управлялъ, онъ лично изъѣздилъ изъ конца въ конецъ, даже до дальнихъ пустынь и людей тамошнихъ знаетъ. Притомъ отличается щедростью. Вотъ соображенія мои, по крайнему моему разумѣнію, кои и спѣшу повергнуть предварительно на благоусмотрѣніе Вашего Величества». Приходилось слышать отъ духовнаго лица, въ свое время слышавшаго о этихъ лицахъ, что сужденія Побѣдоносцева были правильны. Митрополитомъ петербургскимъ былъ назначенъ владыка Палладій (Раевъ).

Въ Сѣв. Америкѣ алеутскую епархію съ 1891 г. возглавлялъ епископъ Николай (Зіоровъ), впосл. архіепископъ Варшавскій. 14 янв. 1893 г. Побѣдоносцевъ писалъ о немъ государю: «...Изъ Америки получаются довольно часто любопытныя извѣстія. Слава Богу, въ первый разъ тамъ явился епископъ разумный и заботливый, и потому дѣло оживилось. Но его положеніе тяжелое, ибо людей надежныхъ почти нѣтъ, и трудно найти здѣсь охотно желающихъ туда ѣхать...» 8 апр. того же года слѣдуетъ новое письмо: «...Можетъ быть у Вашего Императорскаго Величества найдутся минуты досуга просмотрѣть прилагаемую книжку — описаніе поѣздки преосвященнаго алеутскаго по островамъ. Оно весьма интересно. Отсюда видно, въ какомъ жалкомъ положеніи находятся на островахъ русскіе приходы этого края, къ несчастью вышедшаго изъ подъ русской державы. Съ отъѣздомъ оттуда преосвященнаго Иннокентія (Веніаминова, скончавшагося московскимъ митрополитомъ Н. Т.) все тамъ упало. Слава Богу, что теперь, едва ли не въ первый разъ съ того времени, явился туда дѣльный и заботливый архіерей».

Великимъ горемъ была для Побѣдоносцева кончина въ 1894 г. въ Ливадіи императора Александра III, съ которымъ онъ былъ тѣсно связанъ двадцать лѣтъ. Чувства свои онъ ярко выразилъ въ рѣчи, произнесенной 26 февраля 1895 г. въ засѣданіи Историческаго общества, посвященномъ памяти Царя-Миротворца. Присутствовалъ на немъ императоръ Николай II. Левъ Тихомировъ, бывшій народоволецъ, очарованный его словомъ, писалъ 30 апр.: «...Не понимаю, какъ Вы умѣли вложить такую сложность мыслей въ такое малое количество словъ. Надѣюсь, что я не подавалъ Вамъ поводовъ заподозрить меня въ лести, и потому не стѣсняюсь мое буквальное восхищеніе этимъ необычайнымъ мастерствомъ выразить автору... Вообще, я крайне завидую ходу развитія Вашей мысли. Не знаю, виноваты ли мы, люди какъ я, что развились совсѣмъ инымъ, путаннымъ путемъ, сами ли мы виноваты или отцовъ вина тяготѣла на насъ. Но тяжко подумать, сколько силы у насъ безплодно погибло только отъ негармоническаго развитія. Оттого и на творчество ничего не осталось...» Поэтъ гр. Арсеній Александр. Голенищевъ-Кутузовъ такъ выразилъ свое впечатлѣніе въ письмѣ къ нѣкоему Николаю Александровичу, фамилія котораго неизвѣстна. «...Не могу не подѣлиться съ Вами тѣмъ чувствомъ восторга и радости, которыя я испыталъ при чтеніи поистинѣ образцовой во всѣхъ отношеніяхъ рѣчи Константина Петровича Побѣдоносцева въ Историческомъ обществѣ. Нѣтъ, не оскудѣла еще русская земля, живъ ея геній, жива ея душа. Какая ясность взгляда и опредѣленій, какая сила, убѣдительность и красота слова, какая глубина историческаго пониманія, съ особенною яркостью выступающая въ сравненіи двухъ Царей — Александра II и Александра III».

Воспроизведемъ снова повѣсть Побѣдоносцева. «Настало новое царствованіе, и всѣ противоправительственные, лже-либеральные элементы оживились новою надеждою. Оставаясь едва не старѣйшимъ изъ старыхъ слугъ трехъ царствованій, я готовъ былъ на службу новому Государю въ чемъ могъ. Но уже настало новое время — люди вокругъ меня и въ кругахъ правительственныхъ всѣ перемѣнились: люди новаго поколѣнія, чуждые прежнихъ преданій, прежнихъ порядковъ, минувшихъ событій. Я самъ ослабѣлъ. На первыхъ порахъ новаго царствованія я считалъ своимъ долгомъ говорить иногда молодому Государю о дѣлахъ и людяхъ, но этому надо было вскорѣ положить предѣлъ, и я ограничился только дѣлами порученнаго мнѣ званія, а люди вокругъ меня и около престола стали все новые — люди новаго поколѣнія, многіе знавшіе меня только по слухамъ обо мнѣ и толкамъ. И, несмотря на все это, не только не замолкли, но еще разгорѣлись и усилились нелѣпые обо мнѣ слухи, будто я всесильный человѣкъ въ Россіи. Они не затихли и въ высшихъ кругахъ общества, судящихъ о положеніи дѣла только по газетамъ да и на основаніи болтовни въ гостиныхъ, а въ разросшихся кружкахъ анархистовъ, соціалистовъ, радикаловъ — и за границей и въ Россіи — я сталъ болѣе чѣмъ когда-либо, человѣкомъ, стоящимъ на дорогѣ противъ всякаго прогресса и главнымъ виновникомъ всякаго стѣсненія, всякаго преслѣдованія, гасителемъ всякаго свѣта. Таково ощущеніе всей обезумѣвшей теперь молодежи и въ столицахъ, и во всѣхъ углахъ Россіи: толпа людей, не имѣющихъ никакого понятія о ходѣ государственныхъ дѣлъ, о пружинахъ администраціи, о дѣлахъ и о людяхъ, выставляетъ меня виновникомъ всѣхъ, — что у нихъ слыветъ, — злоупотребленій, насилій, ретроградныхъ мѣръ и кричитъ, что во имя свободы надобно меня уничтожить. Отъ этого предразсудка, отъ этого злобнаго ко мнѣ представленія, я, неповинный ни въ чемъ, что мнѣ приписываютъ, не въ силахъ отдѣлаться и принужденъ по необходимости терпѣть его. Можно судить, какъ оно разлилось повсюду, когда представителемъ его явился изъ небольшого кружка самарскаго несчастный Лаговскій, стрѣлявшій въ меня. Въ своемъ показаніи онъ прямо объясняетъ, что хотѣлъ истребить меня, какъ главнаго виновника всякихъ стѣсненій, мѣшающихъ прогрессу и свободѣ. Любопытно, что на первомъ мѣстѣ въ указаніи винъ моихъ онъ ставитъ: «распространяетъ въ народѣ суевѣріе и невѣжество посредствомъ церковно-приходскихъ школъ». Изъ этого уже видно, въ какомъ невѣжествѣ и въ какой дикости ума и сердца растетъ и развивается эта масса недоучекъ или пролетаріевъ науки, воспитанная на статьяхъ либеральныхъ газетъ, на нелѣпыхъ прокламаціяхъ, на подпольныхъ памфлетахъ, на слухахъ и сплетняхъ, изъ устъ въ уста передающихся. И мнѣ ставится въ вину дѣло, которое я считаю въ нынѣшнее время самымъ важнымъ и нужнымъ для Россіи дѣломъ, — ибо въ народѣ

вся сила государства, и уберечь народъ отъ невѣжества, отъ дикости нравовъ, отъ разврата, отъ гибельной заразы нелѣпыхъ возмутительныхъ ученій — можно уберечь только посредствомъ Церкви и школы, связанной съ Церковью.

Вотъ — судьба моей жизни. И я вѣрю, что руководитъ ею Провидѣніе, которое, помимо моей воли, нерѣдко вопреки ей, ставило меня въ положеніе видное на дѣло, отъ коего я не въ правѣ былъ и не могъ уклониться».

Въ свое время ходилъ слухъ, будто императоръ Николай II былъ противъ отлученія отъ Церкви гр. Л. Н. Толстого, на чемъ настаивалъ Побѣдоносцевъ. Даже недавно еще объ этомъ упоминалось въ зарубежной печати. Возможно, поводомъ къ такому невѣрному слуху послужили, просочившіяся изъ дворца, свѣдѣнія о неудовольствіи, высказанномъ Побѣдоносцеву Государемъ, которому не была представлена редакція посланія Сѵнода до ея напечатанія. Это и явствуетъ изъ приводимыхъ писемъ Побѣдоносцева отъ 25 и 26-го февраля 1901 г. Письма Государя, къ сожалѣнію, не напечатаны.

«Всемилостивѣйшій Государь.

Я очень несчастливъ, что могъ въ этотъ единственный разъ въ теченіе всей своей службы навлечь на себя гнѣвъ Вашего Императорскаго Величества и всеподданнѣйше прошу въ томъ прощенія, что не испросилъ согласія Вашего Величества на самую редакцію посланія Сѵнода. Но что это дѣйствіе произошло безъ вѣдома Вашего Величества, въ томъ смѣю обратиться къ памяти Вашего Величества. Для того главнымъ образомъ я и испрашивалъ разрѣшенія представиться Вашему Величеству въ прошлую пятницу, чтобы доложить о семъ предположеніи Сѵнода и объяснить его. Я докладывалъ, что Сѵнодъ вынужденъ къ сему смутою, происходящею въ народѣ, и многочисленными просьбами о томъ, чтобы высшая церковная власть сказала свое слово; что посланіе составляется въ кроткомъ и примирительномъ духѣ, о чемъ прилагается забота. Въ этотъ день окончательная редакція еще не утвердилась вполнѣ, но вотъ уже болѣе недѣли, какъ она обрабатывалась при моемъ участіи, и я не ошибся въ томъ впечатлѣніи, которое она могла произвести на Ваше Величество, ибо Вы изволили писать, что оно написано «умно, умѣренно и такъ, какъ подобаетъ Церкви относиться къ заблудшему». Нынѣ каюсь въ томъ, что, несмотря на эту увѣренность въ достоинствѣ редакціи, я не представилъ ее на предварительный просмотръ Государя и прошу забыть эту вину мою, на исходѣ уже службы моей совершившейся».

26 февраля, по полученіи отвѣтнаго письма Государя, Побѣдоносцевъ писалъ Ему:

«Глубоко тронутъ я сегодня письмомъ, Вашего Величества, — благослови Васъ Боже, что въ немъ отозвалось Ваше сердце. Вѣрьте

мнѣ, что во всю мою жизнь не имѣли для меня никакого значенія ни почести званія, ни престижъ власти и вліянія. Я искалъ только правды и довѣрія въ отношеніе ко мнѣ моего Государя, — и это единственное мнѣ дорого и меня поддерживаетъ.

«Правда, слѣдовало мнѣ представить Вашему Величеству прежде обнародованія текстъ посланія, хотя я вполнѣ былъ увѣренъ въ томъ, что въ немъ нѣтъ ничего предосудительнаго. Но нѣкоторымъ мнѣ извиненіемъ служитъ тревога настоящихъ дней, которая вотъ уже двѣ недѣли поддерживаетъ во мнѣ нервное возбужденіе и посреди его приходилось ежедневно вырабатывать редакцію важнаго акта.

«Вѣрьте, государь, что можно имѣть ко мнѣ довѣріе не только въ достоинствахъ, но и въ ошибкахъ, недосмотрахъ и заблужденіяхъ, коимъ я, какъ человѣкъ, весьма подверженъ и какъ всегда готовъ сознавать безъ упорства. А Вамъ да дастъ Господь крѣпкую силу посреди всѣхъ тяжкихъ испытаній и затрудненій нынѣшняго времени».

Все изложенное выше представляетъ только незначительную часть изъ архива Побѣдоносцева и писемъ его къ императору Александру III.

Приведемъ нынѣ, тоже въ очень малой части, столь показательную для Побѣдоносцева переписку съ извѣстнымъ епископомъ Херсонскимъ и Одесскимъ Никаноромъ (Бровковичемъ), переведеннымъ въ концѣ 1883 г. въ Одессу изъ Уфы. Какъ далекъ Побѣдоносцевъ, судя по этимъ письмамъ, отъ сухого формалиста оберъ-прокурора, якобы дающаго «распоряженія» архіереямъ. Сколько такого вздора о немъ пишется и по сей день!

Владыка Никаноръ пришелъ въ ужасъ отъ того, что нашелъ въ новой епархіи. Въ письмѣ отъ 12 марта 1884 г. онъ подробно описалъ свои впечатлѣнія (помѣщаемъ главное): «... Изъ первыхъ были впечатлѣнія здѣшняго богослуженія. Ничего подобнаго я не только не видѣлъ, но и вообразить не могъ. Вотъ порядокъ невообразимостей ... Вообще въ соборѣ до шестопсалмія ничего не читаютъ ... 5) Прокимны всѣ поютъ на одной нотѣ. Старые, многосодержательные напѣвы на гласъ забыты. Вообще эти обиходы придворной капеллы дѣйствуютъ на всероссійское древнее пѣніе гибельно ... 8) тропарь «Богородице, Дѣво, радуйся» и т. д. поютъ единожды, — надлежало трижды ... 10) въ шестопсалміи читается неопредѣленное количество псалмовъ, сколько то стиховъ до «аллилуія», а по «аллилуія» чтецъ скажетъ нѣсколько словъ и пѣвчіе сейчасъ же начинаютъ окончательное «аллилуія» и дальше ектенія ... 22) Кажденіе кругомъ церкви никогда не бываетъ ... Свѣдущій, но легкомысленный до дерзости регентъ нанесъ мнѣ нѣсколько даже оскорбле-

ній, выѣзжая на утрированной итальянщинѣ, противъ которой я возсталъ...»

Побѣдоносцевъ 16 марта отвѣтилъ: «Преосвященный Владыко. Радуюсь, видя въ васъ такую ревность къ полнотѣ богослуженія. Увы, во многихъ нынѣ нѣтъ ея. Многіе, кому слѣдовало бы блюсти это сокровище, сами довольны, когда оно безъ спроса у нихъ расхищается небрежнымъ и сокращеннымъ исполненіемъ. Радуюсь, что видно у васъ въ Уфѣ хорошо стало, когда поразили васъ одесскіе обычаи. Дай Богъ вамъ **мало по малу** привести все къ порядку и пріучить, кого слѣдуетъ, къ полнотѣ и красотѣ церковной службы, — и не сомнѣваюсь, что васъ поддержитъ полное сочувствіе православнаго народа. А знаете ли вы, что многія, если не всѣ, замѣченныя вами, опущенія составляютъ обычай въ церквахъ здѣшней столицы, испорченной сокращеннымъ служеніемъ дворцовыхъ и домашнихъ церквей. О стихирахъ, напр., здѣсь и думать забыли, да пѣвческіе хоры не умѣютъ и пѣть ихъ. «Благословенъ еси, Господи», поютъ здѣсь одинъ разъ — даже въ Казанскомъ соборѣ. Двухъ апостоловъ и евангелій — ни разу не приходилось мнѣ и слышать, а въ Москвѣ,бывало,читаютъ и по три, напр., 21 мая. — Шестопсалміе, правда, читается почти вездѣ сполна. —

«Но надобно защищать «русскую вѣру» (выраженіе владыки Никанора Н. Т.). Много бѣды намъ надѣлали ученые, легкомысленные священники, въ академіяхъ отвыкшіе отъ красоты церковной и отъ богослуженія. Великое дѣло — пѣніе. Необходимо выводить безобразіе пѣвческихъ хоровъ и сводить пѣніе къ обиходу. Привычка пѣть все на одинъ гласъ ужасная, и разведена придворнымъ пѣніемъ. Регента вашего приструньте; эту язву выводить надо. Надѣюсь выслать вскорѣ изъ синода строгій указъ о пѣніи. Я зналъ, что вы найдете много безобразія въ херсонской епархіи — духовенство здѣсь распущено продолжительнымъ управленіемъ, мягкимъ, безъ нрава. Предсказываю вамъ, что вы будете открывать новые и новые горизонты всякой мерзости. Но не спѣшите ради Бога и не давайте воли сердцу. Подумайте, что люди отвыкли отъ повиновенія. Главное не **высказывайтесь** сразу. Васъ не поймутъ и будутъ мѣшать вамъ и каверзить, будутъ ловить ваши ошибки, увлеченія и первые порывы. Надобенъ — ясный планъ и затѣмъ твердость въ дѣйствіяхъ. Духовенство наше страдаетъ великимъ порокомъ — привычкою покрывать всякіе грѣхи другъ у друга и не выдавать своихъ ни въ коемъ случаѣ и всякую грязь сокрывать и замазывать. Когда нужно, будемъ отсюда помогать вамъ, — но тихонько, безъ шума. Присмотритесь къ консисторіи, къ людямъ, — увидите, кого выдернуть, кого погодить. Въ нынѣшнемъ состояніи многаго не сдѣлаете сами собою, на мѣстѣ, — а слово или письмо отсюда въ потребномъ случаѣ послужитъ вамъ опорою, чтобы вы могли сослаться на непре-

рекаемое требованіе...». Продолженіе 18 марта: «Вчера забылъ еще приписать вамъ: поберегитесь входить въ непосредственное отношеніе къ лицамъ изъ клира. Люди горячіе склонны нетерпѣливо расходовать нервную силу, но я знаю по опыту значеніе правила major etangere reverentia. При томъ эти люди нерѣдко грубы, и какой-нибудь регентъ можетъ просто оскорбить васъ, и надо, чтобы онъ боялся васъ издали. Приходское же духовенство, — особливо въ вашей епархіи успѣло утратить должную для повиновенія пропорцію. Необходимо, чтобы между вами и ими было посредство — живое, или механическое. Вашъ викарій (еп. Мемнонъ Н. Т.), повидимому, человѣкъ иного темперамента, можетъ облегчить васъ. Несомнѣнно и консисторія у васъ тоже деморализована. Осмотритесь въ людяхъ, увидите, какъ потихоньку измѣнить составъ ея. И берегите здоровье. Боюсь, что климатъ одесскій вамъ вреденъ. Не спѣшите сразу погружаться въ in medias res. Осмотрѣвшись понемногу, войдете въ нужную пропорцію. Накопилось слишкомъ много хламу: иное и пропустить можно. Подумайте, когда люди изворовались и измотались, — значительная доля вины — на хозяинѣ дома, а домъ этотъ такъ долго оставался безъ крѣпкаго правленія!». 26 марта слѣдовало слѣдующее письмо Побѣдоносцева, четыре года состоявшаго оберъ-прокуроромъ и накопившаго опытъ: «... Зла слишкомъ много — о Боже, сколько вы еще увидите его: когда хозяинъ плохъ, всѣ люди въ домѣ изворуются — и буде онъ пробылъ долго, воровство становится обычаемъ и, въ ихъ сознаніи — правомъ, которое они воровски, но считая себя вправѣ, отстаиваютъ. Тутъ надобна большая терпѣливость и осмотрительность. По времени много успѣете, — а на первый разъ — ничего. По времени, когда почувствуютъ въ васъ спокойствіе и твердость мысли, многіе измѣнятся. Но покуда часто вамъ прійдется вспоминать слова о преломленіи сокрушенной трости. Благочинный вашъ — надо полагать — благонамѣренный человѣкъ, но вѣетъ отъ его писанія семинаристомъ новаго образованія! Одинъ терминъ — «борьба за существованіе» — ставшій избитымъ у семинаристовъ, есть уже указаніе на фальшивую ноту. А далѣе, какъ она явственно слышится въ критическомъ отношеніи къ народу — съ его невѣжествомъ — ко всему этому молодые священники иногда относятся съ какимъ то раздраженіемъ, въ коемъ любви не слышно, — и закоснѣвая въ этомъ чувствѣ, совсѣмъ сбиваются съ пути. Имъ и на умъ не приходитъ, что они сами кость отъ костей этого народа, что народъ сей суть овцы, блуждающія безъ пастыря, и что каковъ бы ни былъ этотъ народъ, — мы со всею вѣрою и знаніемъ пропали бы безъ него, ибо въ немъ — источникъ и хранилище нашего одушевленія и возбужденія и сокровище живыхъ силъ вѣры...». Владыка Никаноръ очень благодарилъ за эти письма.

Въ согласіи съ еп. Никаноромъ, Побѣдоносцевъ считалъ необходимымъ борьбу со штундой, сильно развившейся въ юго-зап. и южныхъ губерніяхъ. 29 іюня 1884 г. онъ писалъ владыкѣ о желательности созыва митрополитомъ Платономъ (Городецкимъ) въ Кіевѣ совѣщанія тѣхъ епископовъ, въ епархіяхъ которыхъ появилось это зло. Въ связи съ этимъ, интересна ихъ переписка. 13 іюля архіеп. Никаноръ писалъ: «... Въ православной, восточной, греко-византійской и нашей россійской Церкви коренное неизгладимое устройство таково, что іерархія церковная пусть будетъ массою мозга въ главѣ церковной. Но и при такомъ своемъ значеніи правильно дѣйствовать она способна только, когда защищена черепомъ, когда сидитъ на шеѣ, когда получаетъ притокъ крови черезъ артеріи, когда правильно связана съ тѣломъ церкви. Отъ того въ православной восточной церкви іерархія одна, безъ правильной связи съ церковью, никогда не сильна была учинить ничего мирно плодотворнаго. Оттого на всѣхъ соборахъ православной церкви, для мирно плодотворной дѣятельности ихъ, рѣшительно требовалось не только присутствіе вліятельныхъ міранъ, царей и замѣстителей ихъ, но и вліяніе. Это не случайность и никакъ не узурпація. Это требованіе вытекаетъ непреложно изъ существа дѣла, изъ богоданнаго устройства истинной церкви. Въ римо-католичествѣ не такъ: тамъ іерархія въ связи съ папой можетъ рѣшать все одна, безъ тѣла церкви ... Эту теорію излагаю и всю эту рѣчь веду я, — простите, — къ тому, чтобы съ нѣкоторою благовидною основательностью выразить мое нескромное желаніе именно, чтобы ваше высокопревосходительство, для благоплодности совѣщанія архіереевъ о штундѣ и о прочемъ, изволили пожаловать въ Кіевъ самолично».

Побѣдоносцевъ 30 іюля отвѣтилъ: «Преосвященнѣйшій владыко. Отвѣчаю на почтеннѣйшее письмо ваше отъ 13 іюля. Все, что вы пишете о необходимости присутствія властныхъ міранъ на церковныхъ совѣщаніяхъ, — и я понимаю также. Но вы выводите это изъ исторической идеи церковнаго устройства. Я не иду такъ глубоко — дальше практической почвы. Опытъ — правда не веселый — и наблюденіе удостовѣряютъ меня въ томъ, что наша церковная іерархія нуждается въ міранахъ и ищетъ себѣ опоры внѣ круга церковнаго управленія. Правда, тутъ есть нѣчто раціональное и отвѣчающее понятію о церкви; но есть и признакъ нѣкоторой внутренней косности и той лѣни, которая вообще свойственна славянской натурѣ. Вслѣдствіе того многимъ изъ насъ легче и удобнѣе стать мучениками за идею, нежели вести непрерывную изо дня въ день борьбу съ заботами, то сдерживая, то понуждая себя къ нормальной дѣятельности ... Но это сюжетъ пространный и трудно касаться его мимоходомъ. Вообще у насъ, въ Россіи, невозможно ни въ какой сферѣ дѣятельности успокоиться на томъ, что все и организуется, и

пойдетъ само собою. Всюду надо хозяина. А хозяинъ не бываетъ безъ заботы, а заботу рѣдко кто у насъ охотно принимаетъ на себя, тѣмъ болѣе, что у насъ забота труднѣе и сложнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. По кіевскому же дѣлу скажу, что у меня на мысли было — ѣхать туда, если дѣло состоится. Вообще, если бы отъ меня зависѣло, то я большую часть года проводилъ бы внѣ Петербурга».

Замѣчателенъ по глубинѣ мысли, по всестороннему знанію излагаемаго, по своей убѣжденности и проницательности, оправдавшей себѣ въ дальнѣйшемъ, «Московскій Сборникъ», изданный Побѣдоносцевымъ въ 1896 г. и переведенный на многіе иностранные языки.

Объ этомъ трудѣ пишетъ Б. Б. Глинскій въ своей статьѣ «Періодъ твердой власти» («Истор. Вѣстникъ», 1912 г.): «... По силѣ слога, по чистотѣ языка, по отчеканкѣ мысли весьма и весьма немногія произведенія отечественной литературы могутъ быть поставлены въ одномъ ряду съ этимъ собраніемъ статей, гдѣ авторъ съ безпощадной логикой, съ страшнымъ пессимизмомъ анализуетъ всѣ основы современной западно-европейской культурной жизни, приходитъ къ полному ихъ отрицанію и дѣлаетъ попытку противопоставить имъ національно-русскіе идеалы, поскольку таковые вытекаютъ изъ толкованія имъ историческихъ и церковныхъ (по преимуществу) явленій русской жизни ...» Въ пониманіи Побѣдоносцева: «Ложь — современное просвѣщеніе, ложь — демократія и народоправство, сплошная ложь — современная періодическая печать, ложь — современный гласный судъ, ложь — парламентаризмъ, ложь — вся современная жизнь безъ Христа, безъ истинной церкви, безъ истинной вѣры! Вотъ тѣ сильные крики, крики ужаса и отчаянія, которые несутся со страницъ «Московскаго Сборника».

Въ 1899 г. Побѣдоносцевъ издалъ въ Москвѣ книгу «Вѣчная память. — Воспоминанія о почившихъ». Весьма показательно для пониманія его личности, кого изъ умершихъ онъ признавалъ наиболѣе себѣ близкими. Ограничимся небольшими выписками изъ этой, полной задушевности, книги. Онъ такъ начинаетъ ее:

«Свѣтлая звѣзда скатилась съ нашего небосклона. Многіе осиротѣли у насъ, точно дѣти, потерявшія мать — ищутъ и не находятъ и плачутъ. Великая княгиня Елена Павловна преставилась въ вѣчность... Кто зналъ и не любилъ Ее? Кто искавшій у нея помощь на дѣло доброе — былъ Ею отринутъ? Кто, входя въ кругъ Ея, не подчинялся Ея обаянію и не чувствовалъ себя возбужденнымъ и подвинутымъ въ глубинѣ духовной своей природы. Вся Она исполнена была жизни и мысли: возбуждая все около Себя, Она сама отовсюду искала и принимала живыя впечатлѣнія, стремясь всякую истинную и плодотворную мысль превратить въ дѣло и на всякое дѣло поставить людей, разумѣющихъ его и по немъ ревнующихъ.

Окруженная блескомъ и роскошью двора и восторженною преданностію многихъ, но много испытавшая борьбы и горя, Она ни на минуту не отдавалась нѣгѣ Своего положенія, ни на минуту духа не угашала въ Себѣ — до послѣдняго дня Своей жизни. И поистинѣ у смертнаго одра Ея просится на уста, въ поученіе живымъ, апостольское слово: тщаніемъ не лѣниви, духомъ горяще. Испытавшіе жизнь знаютъ, какъ много значитъ, сколько можетъ распространить добра около себя подобная натура и въ обыкновенномъ общественномъ положеніи... Нерусская по происхожденію, Она положила сердце въ новомъ Своемъ отечествѣ и посвятила Россіи всю свою дѣятельность. Всѣ великія событія внѣшней и внутренней жизни русскаго государства отзывались у Ней въ сердцѣ глубоко, вызывали въ Ней живое, дѣятельное участіе, и со многими изъ нихъ, въ самыя знаменательныя эпохи новѣйшей исторіи, связано Ея имя».

Велик. кн. Елена Павловна (1806-73), принцесса вюртембергская, была супругой велик. кн. Михаила Павловича. Дворецъ ея былъ средоточіемъ виднѣйшихъ дѣятелей освобожденія крестьянъ въ 1861 г. Собирались у нея государственные дѣятели, ученые, врачи, писатели, художники. Благотворительность поглащала большую часть ея средствъ. Близка она была къ образованію и въ вѣдѣніи ея находились два института. Огромную дѣятельность проявила она во время Восточной войны 1854 г., и ею основана была Крестовоздвиженская община сестеръ милосердія.

Другая статья посвящена Надеждѣ Павл. Шульцъ, сконч. въ 1877 г. Урожденная Шипова, она провела юные годы въ деревнѣ и хорошо знала духовныя нужды народа. Побѣдоносцевъ пишетъ: «Кто, жившій въ деревнѣ, не знаетъ, что первая нужда овецъ — въ пастырѣ, а добрыхъ пастырей вокругъ было мало... Какъ важна пастырю — вѣрная помощница — *жена*...». Овдовѣвъ, она 34 года управляла школой въ Царскомъ Селѣ для дочерей священниковъ, прообразомъ женскихъ епархіальныхъ училищъ. Училище это пользовалось покровительствомъ и содѣйствіемъ вел. кн. Ольги Николаевны, впосл. королевы вюртембергской.

«Она не принадлежала къ тѣмъ представителямъ новѣйшей педагогіи, которые такъ ярко горятъ иногда чужимъ, заимствованнымъ огнемъ разноцвѣтныхъ теорій, методовъ и, такъ назыв., новыхъ началъ обученія и просвѣщенія, которые изъ за толковъ и положеній, какъ учить, забываютъ не рѣдко о томъ, чему учить, о томъ единомъ и существенномъ, чѣмъ созидается человѣкъ, на всякое дѣло благое уготованный. Огонь, которымъ она горѣла, былъ у нея свой и поддерживался до послѣдняго ея вздоха ея простой и горячей вѣрой, простою и неистощимою любовью, истиною здраваго смысла и прямого патріотическаго чувства. Какъ свѣтильникъ, она горѣла, и погасла тихо и мирно, какъ свѣтильникъ».

Сердечныя строки посвящаются баронессѣ Эдитѣ Ѳеодоровнѣ Раденъ, сконч. въ 1885 г. «Міръ человѣческій — та же вселенная, и тоже держится силой тяготѣнія. Нѣтъ души человѣческой, которая не обладала бы въ той или другой степени этой силою и сама этой силѣ не подчинялась. Если бы каждый изъ насъ разумно сознавалъ это, сколько силы нравственной, напрасно расточаемой, могъ бы онъ скопить и распространить около себя въ своей сферѣ, сколько душъ человѣческихъ, съ которыми приходитъ въ ежедневное соприкосновеніе, могъ бы поддержать, воздержать и исправить. И наоборотъ, какъ много около каждаго изъ насъ сиротскихъ, слабыхъ и изнемогающихъ душъ, жаждущихъ къ кому приразиться, на кого смотрѣть, въ комъ найти опору: мы проходимъ мимо, — а сколько ихъ изнемогаетъ и погибаетъ. Но есть избранныя души, исполненныя силы, ищущей исхода: когда глубокое чувство благожеланія и жалости соединяется въ нихъ съ горячимъ стремленіемъ къ правдѣ въ жизни, — онѣ уподобляются по истинѣ свѣтиламъ, силою коихъ держится, движется и обращается цѣлый міръ малыхъ свѣтилъ. Сколько добра и свѣта такія души разливаютъ около себя — невозможно исчислить и взвѣсить: дѣйствіе одной души на другую душу — безгранично и безконечно. Къ числу такихъ избранныхъ душъ принадлежала покойная Эдитъ Раденъ... Въ царствованіе Николая Павловича не широко было поле для общественной дѣятельности въ Россіи, но по природѣ Его все благородное, все возвышенное, чистое и изящное было Ему сочувственно и находило отзывъ въ душѣ Его. Покойный Государь любилъ и уважалъ Великую Княгиню Елену Павловну, охотно совѣтовался съ Нею и дорожилъ Ея мнѣніемъ; Онъ зналъ и уважалъ Эдитъ Раденъ и любилъ умную рѣчь ея. Все это, при довѣріи Государя, давало возможность оживлять и поддерживать изъ Михайловскаго Дворца многія учрежденія, получившія важное общественное значеніе, обращать вниманіе Монарха на таланты, остававшіеся Ему неизвѣстными. Съ именемъ Великой княгини связаны многія учебныя и санитарныя учрежденія, возникшія въ эту эпоху. Ей обязана своимъ началомъ и развитіемъ музыкальная консерваторія».

Краткій очеркъ о благочестивомъ, исполненномъ вѣры Ник. Вас. Калачевѣ: «Для Калачева — наука его дышала жизнью и была нераздѣльна съ землею, по которой ходитъ онъ, съ народомъ, къ которому онъ принадлежалъ». Добрыя строки посвящены вел. кн. Еленѣ Михайловнѣ.

Въ скорбной статьѣ объ И. С. Аксаковѣ Побѣдоносцевъ писалъ о славянофилахъ. «Это были честные и чистые русскіе люди, родные сыны земли своей, богатые русскимъ умомъ, чуткіе чутьемъ русскаго сердца, любящаго народъ свой и землю, и алчущаго и

жаждущаго правды и прямого дѣла для земли своей. Они были высоко образованы, но близкое знакомство съ наукой и культурой запада не отрѣшало ихъ отъ родной почвы, изъ которой почерпаетъ духовную силу земли всякій истинный подвижникъ земли Русской».

Съ большою любовью писалъ онъ о извѣстномъ ученомъ оріенталистѣ, миссіонерѣ Ник. Ив. Ильминскомъ, умерш. въ 1891 г., отличавшемся невыразимой добротой, ласковостью, искренностью. Это помогало ему въ его работѣ въ «Крещено-татарскихъ школахъ». Заключительныя статьи посвящены Императору Александру III,

Примѣры исключительной доброты Побѣдоносцева приведены въ «Прав. Руси» (№ 8 1957 г.) въ статьѣ моей «Широкое сердце К. П. Побѣдоносцева». Государственная же дѣятельность его болѣе подробно освѣщена въ статьѣ «Мужъ вѣрности и разума», помѣщенной мною въ газетѣ «Россія» (въ номерахъ отъ 30 апр. 1, 3, 4, 8 и 10 мая 1957 г.).

Передъ нами прошелъ жизненный путь рачительнаго и мудраго сына Россіи, не зарывшаго, а пріумножившаго таланты, дарованные ему Господомъ Богомъ. Онъ самъ повѣдалъ о своей жизни. Поясненіями же къ его «повѣсти» являются подлинныя письма и печатныя произведенія. Ревностное служеніе Церкви, Царю и Отечеству началъ онъ въ славное царствованіе Императора-Рыцаря Николая I, имъ столь почитаемаго, и, прослуживъ не за страхъ, а за совѣсть 61 годъ, упокоился въ царствованіе Его Правнука, благочестиваго императора Николая II. Ни разу не сходилъ онъ съ прямого пути, и слова его никогда не расходились съ дѣломъ. Архіепископъ волынскій, вп. митрополитъ кіевскій, Антоній (Храповицкій), расходившійся съ нимъ въ вопросѣ о возстановленіи патріаршества, былъ глубоко правъ, когда писалъ ему въ началѣ ноября 1905 г., послѣ оставленія имъ, въ связи съ манифестомъ 17 октября, поста оберъ-прокурора Свят. Сѵнода, которымъ онъ состоялъ 25 лѣтъ: «...Я чтилъ въ Васъ христіанина, чтилъ патріота, чтилъ ученаго, чтилъ труженика. Я сознавалъ всегда, что просвѣщеніе народа въ единеніи съ церковью, начатое въ 1884 г. исключительно благодаря Вамъ и Вами усиленно поддерживавшееся до послѣдняго дня Вашей службы, есть дѣло великое, святое, вѣчное, тѣмъ болѣе возвышающее Вашу заслугу Церкви, престолу и отечеству, что въ этомъ дѣлѣ Вы были нравственно почти одинокимъ. Вы не были продолжателемъ административной рутины, какъ желаютъ представить Васъ жалкіе, бездарные критики. Напротивъ, Вы подымали цѣлину жизни и быта, брались за дѣла, нужныя Россіи, но до Васъ администраціи невѣдомыя...»

Ученый знатокъ церковной исторіи, Н. Никольскій, во многомъ осуждавшій Побѣдоносцева, признаетъ, что «въ исторіи русской церкви имя Константина Петровича останется памятнымъ, какъ имя «благочестивѣйшаго» изъ нашихъ оберъ-прокуроровъ, который приподнялъ значеніе наружной «церковности», возвысилъ авторитетъ іерархіи и органовъ центральнаго духовнаго вѣдомства, усилилъ значеніе ученаго монашества, ввѣрялъ клиру дѣло начальнаго обученія, улучшалъ бытъ духовнаго сословія и оживлялъ разработку богословской науки въ интересахъ «русскаго» православія. Не забудутся и свойства душевнаго облика Константина Петровича, отвѣчавшаго тому посту «государственнаго ока», который былъ занятъ имъ въ теченіе четверти вѣка. Въ спискѣ правителей, состоявшихъ въ этой должности, и въ сонмѣ лицъ, его окружавшихъ, трудно назвать другого человѣка, который былъ такъ нелицемѣрно проникнутъ сердечною религіозною вѣрою, такъ пропитанъ благочестивой настроенностью, который бы съ такимъ благоговѣніемъ и дѣтскою чуткостью относился къ установленіямъ церковнымъ, и такъ тонко умѣлъ осмыслить гармонію между старыми преданіями и текущими событіями жизни . . .»

«Московскія Вѣд.» такъ заканчивали статью «Памяти Побѣдоносцева» (13 марта 1907 г.), въ началѣ которой указывали, что убійство Царя-Освободителя являлось, въ глазахъ интеллигенціи, сигналомъ водворенія конституціоннаго строя.

«Но Господь еще хранилъ Россію, и въ критическую минуту на прадѣдовскомъ престолѣ явился царь-самодержецъ, для помощи которому какъ бы давно подготовлялся, въ трудѣ науки, въ размышленіи, въ заботахъ государственной дѣятельности, К. П. Побѣдоносцевъ. И вотъ наступила эпоха, которой никакъ не ожидали враги самодержавія, эпоха, показавшая органическую неразрывность царскаго величія съ величіемъ народа. Это и есть эпоха дѣятельности К. П. Побѣдоносцева. Его вліяніе въ 1881 г. спасло русское самодержавіе отъ уничтоженія, къ которому съ разныхъ сторонъ толкали его всѣ вліятельнѣйшіе государственные дѣятели того времени».

«Православный Путь» 1957 г.

Мужъ вѣрности и разума.

Въ С-Петербургѣ 10 марта 1907 г. скончался дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ, статсъ-секретарь Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ. Выдающійся государственный дѣятель второй половины 19 и начала 20 в. в., крупный ученый юристъ, вѣрный слуга четырехъ императоровъ и опытный сподвижникъ трехъ изъ нихъ, онъ почти 60 лѣтъ съ усердіемъ и любовью служилъ Россіи, которую, благодаря своимъ связямъ съ самыми различными людьми, имѣвшими къ нему доступъ, зналъ хорошо до самыхъ глухихъ уголковъ ея. Будучи глубоко вѣрующимъ, онъ неустанно трудился на благо Церкви, состоя 25 лѣтъ оберъ-прокуроромъ Свят. Сѵнода. Постигнувъ своимъ большимъ умомъ пользу монархическаго образа правленія и исключительное значеніе для Россіи исторически сложившагося Самодержавія, Побѣдоносцевъ съ искренностью, силой и талантомъ исповѣдывалъ свои убѣжденія, никогда не страшась плыть противъ теченія. Понимая какимъ должно быть народное образованіе, чтобы дать зрѣлые и здоровые плоды ,онъ весь отдался дѣлу насажденія церковно-приходскихъ школъ, при полномъ сочувствіи этому императора Александра III, съ которымъ тѣсно былъ связанъ въ теченіи 29 лѣтъ, и императора Николая II. Въ послѣдніе годы царствованія императора Александра II церковно-приходскихъ школъ значилось 273 съ 13035 учащимися, въ 1902 — 43696 съ 1,782,882 учащимися. Объ отношеніи его къ рядовому духовенству свидѣтельствуетъ отчетъ извѣстнаго журналиста умѣреннаго толка, Б. Б. Глинскаго, приведенный въ «Полномъ Православномъ Богосл. Энциклопедич. словарѣ»: «Самъ вышедшій изъ духовной среды, не порвавшій съ нею ни внѣшней ни внутренней связи, человѣкъ горячо вѣрующій и страстно и убѣжденно исповѣдующій православіе, человѣкъ обширнаго ума и громадной эрудиціи, лицо, приближенное ко двору и имѣющее непосредственный доступъ къ престолу и Царской Семьѣ, онъ авторитетно и властно заявилъ и правительству и обществу: встаньте передъ православнымъ священникомъ, поклонитесь съ почтеніемъ и любовью передъ его саномъ и отнеситесь благоговѣйно къ той трудовой и полной сокровеннаго и высшаго значенія крестной ношѣ, которую онъ несетъ».

Полъ вѣка назадъ мнѣ, воспитаннику перваго — выпускного-класса Императорскаго Училища Правовѣдѣнія, довелось стоять во время панихиды на дежурствѣ у смертнаго одра старшаго однокашника, К. П. Побѣдоносцева. Тѣло его еще почивало въ постели. Шес-

твовалъ и я за гробомъ, вынесеннымъ изъ оберъ-прокурорскаго дома на Литейномъ проспектѣ. Заупокойная литургія и отпѣваніе были совершены въ Воскресенскомъ Новодѣвичьемъ жен. монастырѣ на Забалканскомъ проспектѣ *). Служили три Митрополита. Присутствовалъ Государь. Мы правовѣды несли дежурство у гроба.

Тогда уже я имѣлъ представленіе о большомъ государственномъ значеніи Побѣдоносцева. Утверждался я въ положительномъ мнѣніи о немъ, зная, какъ ненавидѣли его либералы всѣхъ мастей, цѣнность которыхъ опредѣлилась для меня вполнѣ ихъ вредными дѣйствіями во время войны съ Японіей и смуты. Много хорошаго слышалъ я потомъ о немъ отъ одного изъ ближайшихъ его сотрудниковъ, кн. А. А. Ширинскаго-Шихматова, бывшаго его послѣднимъ товарищемъ оберъ-прокурора, вмѣстѣ съ нимъ въ 1905 г. покинувшаго свой постъ и въ 1906 г. недолго состоявшаго оберъ-прокуроромъ. Но полное представленіе объ его большомъ умѣ, знаніи Россіи и отзывчивой душѣ, опредѣляемой славянофиломъ И. С. Аксаковымъ, тоже право вѣдомъ, какъ «слишкомъ болѣзненно чувствительной ко всему ложному и нечистому», я получилъ изучая изданныя большевиками книги: «К. П. Побѣдоносцевъ и его корреспонденты», Новумъ Регнумъ (1923) и «Письма Побѣдоносцева къ Александру III» (1926), содержащую также письма къ императору Николаю II и вел. князю Сергію Александровичу.

Родился Побѣдоносцевъ въ Москвѣ въ 1827 г. Отецъ его, Петръ Васильевичъ, былъ сыномъ священника при церкви св. великом. Георгія, что на Варваркѣ, въ Москвѣ, скончавшагося въ 1805 г. П. В. Побѣдоносцевъ (1771-1843), окончивъ Заиконоспасскую Духовную Академію, былъ профессоромъ Россійской словесности въ Московскомъ Университетѣ и оставилъ по себѣ память добрѣйшаго старика. При переводахъ онъ избѣгалъ иностраннаго оборота рѣчи.

К. П. Побѣдоносцевъ, по окончаніи въ 1846 г. Императорскаго Училища Правовѣдѣнія, служилъ въ Москвѣ въ Сенатѣ, съ 50-годовъ читалъ лекціи въ Московскомъ Университетѣ. Извѣстенъ его «Курсъ гражданскаго права». Въ 1861 г. онъ привлеченъ былъ къ пре-

---

*) Помню, произвела на меня большое впечатлѣніе домовая церковь — вся какая-то радостно свѣтлая. Слышалъ тогда же, что она создана Побѣдоносцевымъ. Подтвердила это мнѣ недавно Марѳа Петровна Побѣдоносцева. Она писала, что церковь была: «дѣтищемъ нашей семьи въ память Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы и принадлежала школѣ, изъ которой выпускали учительницъ церковно-приходскихъ школъ. Она была, какъ и все зданіе, голубая, расписана замѣчательнымъ художникомъ Новоскольцевымъ съ рѣзнымъ иконостасомъ бѣлаго кипариса(а въ медальонахъ написаны лики русскихъ святыхъ дѣтей: царевича Димитрія, Артемія Веркольскаго . . .». Большевики церковь разорили и устроили въ ней больницу для рабочихъ.

подаванію юридическихъ наукъ Цесаревичу Николаю Александровичу. Въ 1863 г. онъ сопутствовалъ Ему въ поѣздкѣ по Россіи. Итогомъ этой поѣздки явилась написанная имъ книга «Письма о путешествіи Государя Наслѣдника Цесаревича по Россіи отъ Петербурга до Крыма», отрывки которой, по отзыву Глинскаго, «и до сихъ поръ помѣщаются въ нашихъ хрестоматіяхъ, какъ лучшіе образцы русской прозы и отечественной стилистики».

Послѣ кончины вел. кн. Николая Александровича въ 1865 г., Побѣдоносцевъ былъ приглашенъ, въ качествѣ преподавателя, Цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ и переѣхалъ на жительство въ Петербургъ.

Первое извѣстное его письмо къ вел. кн. Александру Александровичу относится къ 22 ноября 1865 г. Онъ писалъ: «Душевно радуюсь, что снова могу служить Вамъ, а съ будущей субботы, если позволите, стану являться въ назначенные Вами часы, которые у меня совсѣмъ свободны. Отъ всего сердца готовъ, когда бы то ни потребовалось, доказать на самомъ дѣлѣ, что я Вамъ также душевно преданъ и усерденъ, какъ былъ преданъ Вашему возлюбленному брату».

10 янв. 1866 г. Цесаревичъ писалъ: «Любезный Константинъ Петровичъ. Позвольте мнѣ пожелать Вамъ счастія и здоровья на новоселіе. И примите этотъ хлѣбъ-соль отъ желающаго Вамъ всего лучшаго и искренно любящаго Васъ Александра».

Побѣдоносцевъ изъ Москвы поздравилъ 15 апр. 1867 г. Цесаревича: «Христосъ Воскресе! Завтра весь домъ Вашъ придетъ къ Вашему Высочеству съ поздравленіями: хочется, чтобы между преданными Вамъ людьми и мой голосъ былъ слышенъ. Дай Богъ Вамъ добраго, тихаго, радостнаго праздника, особенно у себя дома. Когда пріѣдете домой послѣ утрени, пусть Вамъ въ домѣ станетъ такъ свѣтло и тихо, какъ только можетъ быть у насъ, на Святой Руси, въ Свѣтлый Праздникъ. Прошу великую княгиню принять отъ меня мое: Христосъ Воскресе, которое идетъ прямо отъ сердца. Завтра она въ первый разъ узнаетъ, что значитъ это слово у насъ, на Руси (бракосочетаніе состоялось 28 окт. 1866 г. Н. Т.). Еще радостнѣе, кажется, было бы Ея Высочеству встрѣтить нашъ праздникъ въ Кремлѣ, увидѣть его въ народѣ, услышать его въ гулѣ колоколовъ московскихъ; но, Богъ дастъ, и въ блескѣ Большого дворца сердце у нея въ первый разъ забьется невѣдомой радостью. Дай Боже ей вмѣстѣ съ Вами навсегда такого яснаго чувства, чтобы все въ жизни насквозь видно было. Христосъ Воскресе!».

7 мая 1868 г. онъ писалъ: «Примите отъ сердца моего любящаго и преданнаго горячее поздравленіе съ великою радостью, которую послалъ Вамъ Богъ. Богъ благословилъ Вашъ союзъ, далъ Вамъ

сына и всѣмъ намъ далъ будущаго Цесаревича Николая Александровича. Въ новорожденномъ великомъ князѣ повторилось и новою жизнью ожило для насъ милое, незабвенное имя покойнаго Цесаревича, которое мы у себя въ сердцѣ носимъ, и пусть новорожденный Вашъ будетъ на него похожъ и нравомъ и умомъ, и тою родною любовью къ Россіи, которая всякому въ немъ сказывалась, всякаго привлекала къ нему, у всякаго поднимала въ душѣ радостную надежду. А Вамъ обоимъ дай Боже, чтобы навсегда процвѣтало благодатное счастье въ домѣ Вашемъ, всегда текъ бы у Васъ ключъ живой воды, всегда было бы гдѣ обновить силу, которая Вамъ больше, чѣмъ кому другому нужна будетъ для трудовъ и заботъ великихъ. Позвольте и мнѣ высказать Вамъ свою радость о радости Вашей и принести Вамъ поздравленіе».

Въ 1869 г. Побѣдоносцевъ послалъ 28 окт. Цесаревичу книгу проф. московскаго университета Нила Попова «Россія и Сербія», подчеркивая въ письмѣ, что «сербское дѣло во многихъ отношеніяхъ имѣетъ важность для Россіи». 24 ноября онъ пишетъ: «Зная, что Ваше Высочество интересуетесь остзейскимъ вопросомъ, дозволяю себѣ обратить вниманіе Ваше на прилагаемую при семъ книжку, только что мнѣ доставленную изъ Москвы отъ автора М. П. Погодина».

Въ письмѣ отъ 9/21 авг. 1873 г. изъ Зальцбурга Побѣдоносцевъ передавалъ Цесаревичу свои впечатлѣнія: «... Въ Прагу, въѣзжаешь, какъ въ родной городъ, особливо изъ нѣмецкой стороны: повсюду слышится славянская рѣчь, вѣетъ точно русскимъ духомъ, а самъ городъ красивъ необыкновенно — красотой, напоминающей Москву и Кіевъ. Когда стоишь на высотѣ Градчина и видишь посреди старыхъ памятниковъ чешской исторіи внизу весь городъ, утопающій въ зелени, со множествомъ башенъ и колоколенъ, невольно вспоминаешь видъ на Москву изъ Кремля. Только что пріѣхавъ въ субботу, я отправился въ русскую церковь св. Николая. Это одинъ изъ самыхъ красивыхъ храмовъ въ Прагѣ. Онъ существуетъ еще съ XIII в., но новая стройка поздняя, во вкусѣ Renaissance. Церковь высокая, величественная, вокругъ идутъ высоко прекрасные хоры съ галлереею. Во время 30-лѣтней войны она перешла во владѣніе къ бенедиктинцамъ, но при Іосифѣ II монастырь ихъ упраздненъ, и церковь перешла сначала въ частныя руки, а потомъ во владѣніе города, который устроилъ въ ней архивъ. У города теперь нанялъ ее на 30 л. Славянскій Комитетъ. Когда мы пришли ко всенощной, въ 6 час. веч., вокругъ церкви собралась большая толпа, и церковь была наполнена народомъ. Какъ было отрадно услышать первый звукъ благовѣста, широкаго, полнаго, колоколовъ, присланныхъ изъ Москвы: такого благовѣста Прага

еще не слыхивала... Примѣчательно еще, что въ нашей пражской церкви отъ начала не было богослуженій на латинскомъ языкѣ, потому что занимавшіе ее бенедиктинцы-чехи имѣли отъ папы особливую привилегію служить по славянски». Побѣдоносцевъ присутствовалъ на торжественномъ освященіи храма 4/16 авг. и на банкетѣ послѣ этого.

До Праги Побѣдоносцевъ побывалъ въ Англіи. Путешествовавшіе туда въ іюнѣ на яхтѣ «Штандартъ» Цесаревичъ и Цесаревна пригласили его съ супругой ѣхать съ ними.

13 мая 1874 г. онъ писалъ Цесаревичу: «Благоволите прочесть прилагаемую при семъ статью «Московской Газеты». Изъ нея Вы изволите усмотрѣть, какъ важны могутъ быть послѣдствія дѣла, предпринятаго на бѣду сѵнодальнымъ управленіемъ — закрытіе церквей и сокращеніе приходовъ, которое къ несчастью совершается теперь по всей Россіи и возбуждаетъ общій народный ропотъ. Я свидѣтельствовалъ о немъ въ Государственномъ Совѣтѣ, при оберъ-прокурорѣ Сѵнода, но мой голосъ остался гласомъ, вопіющимъ въ пустынѣ. Дѣло это приводитъ меня въ негодованіе: какъ мало нужно было знать Россію, духъ народный, нужды народныя, чтобы предпринять его. И не странно ли, что одною рукою, изъ ложно понимаемаго либерализма, всячески облегчаютъ иновѣрцамъ свободное удовлетвореніе духовныхъ потребностей, заведеніе церквей и мечегей въ какомъ угодно количествѣ, — а другой рукой закрываютъ православныя церкви въ приходахъ, и безъ того раскинутыхъ на огромныя пространства, и лишаютъ мѣстное населеніе храмовъ, отцами и дѣдами созданныхъ».

12 марта 1875 г. онъ писалъ Цесаревичу: «Въ настоящую минуту здѣсь находится пріѣхавшій въ первый разъ въ Россію изъ Венгріи угро-руссъ, старикъ, нѣкто Добрянскій. Я много видѣлся съ нимъ въ эти дни. Онъ примѣчательный человѣкъ — умный, много испытавшій, интересный, русскій, одного рода и одного языка съ нами. Въ своемъ краѣ между карпато-руссами, гдѣ онъ живетъ въ своемъ имѣніи, онъ служитъ главнымъ представителемъ своего народа и защитникомъ языка и православной вѣры отъ ужасныхъ притѣсненій католическаго мадьярскаго правительства». Добрянскій мечталъ, хотя бы, на улицѣ увидѣть Цесаревича. Побѣдоносцевъ рѣшился отправить его въ Аничковъ дворецъ, надѣясь, что онъ будетъ принятъ.

13 марта послѣдовала записка Цесаревича: «Я съ удовольствіемъ могу принять завтра Добрянскаго. Пришлите его завтра въ 12 ч. А.».

16 ноября 1876 г. Побѣдоносцевъ писалъ: «Ѳ. М. Достоевскій проситъ меня представить Вамъ при письмѣ его къ Вашему Высочеству вышедшіе до сихъ поръ номера изданія: «Дневникъ Писателя»; исполняю это съ охотой и притомъ позволяю себѣ обратить

вниманіе Ваше на изданіе Достоевскаго. Въ немъ не мало статей, написанныхъ съ талантомъ и чувствомъ».

26 мая 1876 г., посылая Цесаревичу, по просьбѣ поэта Я. П. Полонскаго, его книгу «Озими», онъ опредѣляетъ его, какъ «добраго, чистаго и честнаго человѣка», и «писателя талантливаго».

На Балканахъ разгорѣлась война — Сербія и Черногорія выступили противъ Турціи. Русскіе добровольцы, возглавляемые ген. Черняевымъ, помогали имъ. Турки все болѣе одолѣвали противниковъ. Начались ихъ звѣрства въ Болгаріи. Все это остро переживалъ Побѣдоносцевъ, что видно изъ писемъ его къ Цесаревичу, пребывавшему съ Императоромъ въ Ливадіи. Ссылаясь на офицера Вульферта, шурина Черняева, онъ просилъ 18 сентября 1876 г. помочь отправкѣ сербской арміи 300,000 старыхъ ружей изъ резервнаго запаса военнаго вѣдомства. Въ связи съ возможной войной съ Турціей, его волновала наша недостаточная подготовленность.

18 октября 1876 г. онъ писалъ: «Говорятъ, Игнатьеву (гр. Ник. Павл., нашему послу въ Константинополѣ. Н. Т.) велѣно потребовать отъ Порты рѣшительнаго отвѣта въ 48 часовъ.

Что-то будетъ дальше — станемъ ждать. А, между тѣмъ, неужели погибнетъ несчастная Сербія? Неужели погибнутъ тамошніе русскіе люди? Говорятъ, турки подвинулись еще впередъ, и отчаяніе овладѣло сербской арміей и Бѣлградомъ. Боже мой, душа наболѣла видѣть все это, видѣть безчеловѣчіе и коварство англійской дипломатіи, ея лицемѣріе и обманъ со скрытой злобой на Россію, — видѣть и знать, что мы не можемъ до сихъ поръ разрубить мечемъ этотъ гордіевъ узелъ . . .»

Цесаревичъ въ пространномъ письмѣ отъ 23 октября благодарилъ за письма, говоря въ заключеніе:

«Я Вамъ очень, очень, благодаренъ за нихъ, и что мнѣ сдѣлало удовольствіе, что мы сходимся во многомъ съ Вами взглядами на теперешнія событія».

За два мѣсяца до начала войны съ Турціей, Побѣдоносцевъ писалъ 10 февраля 1877 г.:

«Дай Боже, чтобы въ эту важную минуту не сдѣлано было нами важной политической ошибки, чтобы не затраченъ былъ нами сразу главный политическій **капиталъ** нашъ, ради временнаго сохраненія или пріобрѣтенія второстепенныхъ выгодъ. Я убѣжденъ, что всякое соглашеніе съ Австріей, соединенное съ обязательнымъ для насъ признаніемъ правъ ея на какія-либо православныя славянскія земли, — дѣло гибельное для насъ, для нашего нравственнаго значенія на Востокѣ, грозящее намъ въ будущемъ страшными затрудненіями. Отдавать славянъ православныхъ Австріи — значитъ отдавать ихъ и себя въ жертву врагу хитрому, коварному, своекорыстному. Ни чести

намъ отъ того не будетъ, ни выгоды. Когда передъ Крымской кампаніей Австрія обратилась къ покойному Государю съ подобнымъ предложеніемъ и цѣною этой уступки хотѣла продать дѣятельное свое содѣйствіе (всегда, впрочемъ, вредное для насъ, ибо неискреннее), покойный Государь отвергъ это предложеніе съ негодованіемъ, не задумываясь ни на минуту. Онъ былъ рыцарь долга, и личнаго, и національнаго, и глубоко понималъ сердцемъ, гдѣ лежитъ центръ тяжести русскихъ національныхъ интересовъ. Знаю, что всѣ намъ недруги, — да, но Австрія недругъ особливый и ехидный...».

Какъ правъ былъ Побѣдоносцевъ! То, что не желалъ сдѣлать Императоръ Николай I, было совершено черезъ 20 лѣтъ. Замѣчательно въ этомъ отношеніи письмо Императора Николая II-го Императрицѣ Маріи Өеодоровнѣ отъ 8 октября 1908 года, въ разгаръ возмущенія русскаго общества занятіемъ Австріей Босніи и Герцоговины:

«... Но вотъ, что болѣе чѣмъ грустно и чего я никогда не слыхалъ. На дняхъ Чарыковъ прислалъ мнѣ секретныя бумаги, касавшіяся Берлинскаго конгресса 1878 г. Изъ нихъ я узналъ, что послѣ безконечныхъ споровъ съ Австріей Россія согласилась на присоединеніе ею Босніи и Герцеговины — въ будущемъ! И объ этомъ же согласіи, даннымъ тогда апапа (дѣдомъ — Имп. Александромъ II. Н. Т.) пишетъ мнѣ старикъ Императоръ (Францъ Іосифъ. Н. Т.). Скверное положеніе. Я получилъ его письмо двѣ недѣли тому наздъ и до сихъ поръ еще не отвѣтилъ. Ты понимаешь, какой это непріятный сюрпризъ и въ какомъ неудобномъ положеніи мы очутились. Я никогда не думалъ, что существуетъ такая секретная статья и ничего не слышалъ объ этомъ отъ Гирса и Лобанова, при которыхъ происходили эти событія».

Пояснимъ, что еще въ іюнѣ м. 1875 года въ Рейштадтѣ Императоры Александръ II-й и Францъ-Іосифъ согласились о территоріальномъ устройствѣ Балканскаго полуострова въ случаѣ войны съ Турціей и возможнаго распаденія Оттоманской имперіи. Въ развитіе этого, 3 января 1877 года заключена была конвенція Россіи съ Австро-Венгріей (фактически подписанная за нѣсколько дней до войны), согласно которой вѣнскій кабинетъ обязался сохранять нейтралитетъ. Конвенціей предрѣшалось военное занятіе Босніи и части Герцеговины австро-венгерской имперіей, отъ которой зависѣло выбрать время и способъ осуществленія сего. Именно этого и опасался Побѣдоносцевъ.

Въ столицѣ Босніи, тогдашняго австрійскаго Сараево, и былъ убитъ въ 1914 г. эрцъ-герцогъ Францъ-Фердинандъ, съ каковогo времени и начались несчастья Россіи и всего міра.

Побѣдоносцева очень волновали неудачи на фронтѣ, въ чемъ онъ въ длинномъ письмѣ въ дѣйствующую армію отъ 17 сент. 1877 г.

обвинялъ начальствующихъ лицъ. Заканчивалось оно такъ: «Ахъ, Ваше Высочество, у Васъ добрая душа и честная, и Вы на меня не сердитесь за всю ту правду, которая вылилась, хотя и горькая она. Очень ужъ стало нынче горько жить на свѣтѣ русскому человѣку съ русскимъ сердцемъ въ груди. Вотъ, передъ Вами какое еще будущее — теперь въ эту минуту созидается на полѣ брани судьба Вашего царствованія. Всевышній видитъ ее и знаетъ, — сколько для Васъ уроковъ, сколько познанія дѣлъ и людей. Дай Богъ, что бы все это, войдя въ душу къ Вамъ, утвердило въ ней разумъ и энергію воли и освѣтило впередъ пути Ваши. Благослови Васъ Боже Сохрани Васъ Боже. Просвѣти Васъ Боже. Молюсь за Васъ всею силою души своей, какъ молюсь за милую смятенную, плачущую Россію».

Въ письмѣ отъ 20 сент. 1877 г. онъ высказывалъ недовольство министромъ внутреннихъ дѣлъ А. Е. Тимашевымъ, преслѣдовавшимъ либеральный «Голосъ» А. А. Краевскаго за критическія статьи по поводу военныхъ дѣйствій.

Осенью 1877 г. въ Петербургѣ предстоялъ политическій процессъ 193 лицъ по дѣлу о «революціонной пропагандѣ въ Имперіи». Большинство обвиняемыхъ было арестовано въ 1874-6 гг. г. Побѣдоносцевъ, отмѣчая, что обвинительный актъ занимаетъ 300 печатныхъ листовъ, былъ противъ постановки этого дѣла во время войны. По этому поводу онъ 10 окт. писалъ Цесаревичу: «... Слѣдовало бы немедленно произвести разборъ всѣхъ арестантовъ чрезъ Комиссію, которую составить изъ людей честныхъ, знающихъ и, главное, **независящихъ** отъ министра юстиціи, причастнаго къ этому дѣлу. Эта Комиссія непремѣнно убѣдилась бы тотчасъ, что многихъ совсѣмъ не для чего держать, и освободила бы ихъ, другимъ можно было бы просто вмѣнить въ наказаніе долговременное заключеніе и дать имъ прощеніе — въ такую минуту! Затѣмъ осталось бы быть можетъ, очень незначительное число дѣйствительно виновныхъ и подлежащихъ суду...»

Цесаревичъ отвѣтилъ ему 31 окт.. изъ с. Брестовца на фронтѣ: «... То, что Вы пишете по поводу политическаго процесса, который теперь, къ несчастью, уже начатъ въ Петербургѣ, просто возмутительно; и нужно же быть такимъ осломъ, какъ Паленъ (гр. Ѳ. И., министръ юстиціи), чтобы поднять всю эту кашу теперь. Я все еще надѣюсь, что Государь такъ или иначе, но прикажетъ остановить это дѣло».

Судъ начавшійся 18 окт., длился 3 мѣсяца. Какъ видно изъ очерка Льва Тихомирова, тогда революціонера-эмигранта*, его единомы-

---

*) Левъ Александровичъ Тихомировъ (1852-1923), сынъ старшаго врача крымскаго военнаго госпиталя, съ студенческаго времени былъ дѣйствительнымъ членомъ московскаго кружка чайковцевъ; съ 1873 г. велъ пропаганду въ

шленники надѣялись, что судъ надъ ними оживитъ ихъ движеніе и привлечетъ вниманіе общества. На судѣ рѣзкую обличительную рѣчь произнесъ обвиняемый И. Н. Мышкинъ. Приговоръ не былъ суровымъ.

28 ноября 1877 г. послѣдовала сдача Плевны, неудачи подъ которой вызывали общее огорченіе. Побѣдоносцевъ писалъ Цесаревичу о проявленіи народомъ въ Петербургѣ радости. — «На Невскомъ у Гостиннаго двора, въ часовнѣ до двухъ час. служили молебны». — Осуждалъ Побѣдоносцевъ награды, полученныя послѣ Плевны генералами Милютинымъ, Левицкимъ и др. 2 дек. он писалъ:

«Ахъ вѣрить не хочется, что люди во власти сущіе, падаютъ такъ низко. Дай Боже Вамъ около себя не испытывать такихъ горькихъ ощущеній! Пусть будетъ окружающая Васъ атмосфера всегда такъ чиста, чтобы низкія и мелкія побужденія не могли въ ней вырасти въ государственную силу! Пусть взглядъ Вашъ будетъ всегда такъ чистъ и ясенъ, чтобъ могъ распознать около себя всякое сплетеніе интриги, а воля — такъ пряма и рѣшительна, чтобъ могла тотчасъ разрубить всѣ мерзкіе, гнусные, проклятые узлы, которыми своекорыстные люди такъ искусно умѣютъ опутывать власть предержащую. Аминь».

Преисполненъ Побѣдоносцевъ любви къ русскому солдату. Касаясь событій на фронтѣ, не всегда радостныхъ, онъ пишетъ Цесаревичу 4 ноября: « . . . При всемъ томъ не надивишься терпѣнію, даже веселости этихъ страдальцевъ. Что за народъ! Подлинно, — душа умиляется передъ простотой и доблестью русскихъ солдатъ . . .». Письмо отъ 18 ноября: «И, не правда ли, во всей этой долгой военной исторіи всего краше является русскій солдатъ, во всей простотѣ русской души, въ которой, кажется, сосредоточилось все, что мило и дорого въ родной землѣ русскому человѣку. На мой взглядъ, во всей этой войнѣ есть что-то особенное. Все дѣло, повидимому, выносятъ на плечахъ своихъ солдаты, болѣе чѣмъ когда-либо». Скорбя позднѣе о скверномъ снабженіи арміи теплой одеждой, онъ пишетъ 1 янв. 1878 г.: « . . . Спаси Боже храброе, истинно христолюбивое воинство».

Засѣдая въ Главномъ Управленіи Краснаго Креста, Побѣдоносцевъ

Петербургѣ среди рабочихъ; былъ судимъ на процессѣ 193-хъ и отданъ на поруки отцу. Перешелъ на нелегальное положеніе и сталъ виднымъ революціонеромъ. Послѣ Липецкаго съѣзда 1879 г., являясь сторонникомъ террора, былъ членомъ исполнительнаго комитета «Народной Воли». Не принимая непосредственнаго участія въ террор. дѣятельности, не былъ арестованъ въ 1881 г.; эмигрировалъ въ Европу; продолжалъ тамъ свою работу. Разочаровался въ ней. Въ 1888 г. выпустилъ брошюру «Отчего я пересталъ быть революціонеромъ». Просилъ имп. Александра III разрѣшить ему вернуться въ Россію. Былъ сотрудникомъ и потомъ редакторомъ правыхъ «Моск. Вѣд.». Значительный трудъ его «Монархическая Государственность».

освѣдомлялъ Цесаревича объ отлично организованной работѣ этой полезной организаціи.

19 ноября 1877 г., побывавъ въ Аничковомъ дворцѣ, онъ писалъ: «Я принесъ сегодня Николаю Александровичу коллекцію новыхъ картинокъ о войнѣ, на большихъ листахъ. Какъ дѣти обрадовались и съ какимъ интересомъ принялись, вернувшись изъ сада, разсматривать раскрашенные листы ... Я въ первый разъ смотрѣлъ, въ ожиданіи дѣтей, помѣщеніе Николая Александровича. Очень хорошо и совсѣмъ просто. Общему впечатлѣнію соотвѣтствуетъ и добрая физіономія Дунаева.

«На туалетномъ столикѣ стоитъ и болгарская баклажка. которую Вы прислали Николаю Александровичу. Дунаевъ (камердинеръ Н. Т.) сказывалъ, что онъ скучаетъ безъ Васъ, и часто говоритъ со вздохомъ: «ахъ, когда папа пріѣдетъ!» Правда, дай Богъ скорѣе и совсѣмъ благополучно. Потомъ завтракалъ я — опять безъ Васъ! — у цесаревны, и за завтракомъ фельдъегерь принесъ письмо Ваше № 50. Совѣстно было оставаться долго послѣ завтрака и мѣшать цесаревнѣ читать Ваше письмо. Слава Богу! всѣ здоровы, всѣ о Васъ думаютъ, всѣ Васъ ждутъ, всѣ о Васъ молятся. У Николая Александровича на спальномъ столикѣ лежитъ славянская тетрадка молитвы о побѣдѣ надъ врагами, которую принесъ ему Янышевъ. Дай-то Боже выростать въ силу и въ разумъ и любить всей душою Россію, которая ужъ навѣрное его любитъ. Храни его Боже и Васъ и весь домъ Вашъ».

По окончаніи военныхъ дѣйствій, Побѣдоносцевъ писалъ 8 янв. 1878 г.: « ... Не забывайте ни на минуту, что уже вся Россія теперь понимаетъ и судитъ по достоинству положеніе, въ которое Вы поставлены; въ этой мысли, можетъ быть, найдете довольно силы для того, чтобы бороться съ тягостью, которая лежитъ на Васъ. И еще скажу, что въ нынѣшнемъ положеніи Промыслъ Божій, очевидно, указываетъ Вамъ трудную школу для той дѣятельности, которая ожидаетъ Васъ впереди. Какъ ни горьки уроки, но если они не пропадутъ для Васъ даромъ, великое будетъ благо для Васъ и для всей Россіи. Вы видите теперь ясно, что значитъ власть, какія тяготы носитъ она и какую страшную нравственную отвѣтственность налагаетъ на того, кто ее держитъ. Вы знаете теперь ясно, что нельзя въ ней забыться, жить день за днемъ, положиться на одно теченіе дѣлъ, на одинъ ходъ событій, потому что каждое колебаніе, послабленіе, недоумѣніе, забвеніе отражается на судьбѣ многихъ тысячъ людей и цѣлаго государства. Вы видите, что стоитъ каждая, хотя бы случайная, необдуманность, нерѣшительность, ошибка въ выборѣ людей и въ отношеніи къ людямъ. Конечно, Вы много сами съ собой передумали въ эту пору; благослови Боже уединенную Вашу думу, чтобы она выяснила и освѣтила передъ Вами путь Вашъ. Не сомнѣвайтесь, что при всей горечи ощущеній видѣли Вы много добраго

и высокаго, и утѣшительнаго и въ людяхъ, и въ дѣлахъ около себя, и передъ Вами яснѣе прежняго обозначились тѣ пружины, которыми прямая и добрая, но рѣшительная воля можетъ приводить людей въ движенiе на подвигъ добра и разума, на служенiе родной землѣ, на великiе труды и великiя жертвы .... Поистинѣ, Ваше Высочество, эта война вывела наружу все сокровище доблестное, скрытое въ русскомъ человѣкѣ, подняла духъ, явила подвиги мужества, вѣры, великодушiя, любви и жалости — такъ что духъ захватываетъ отъ восторга. Но она же показала и всѣ недостатки наши, бѣдность организацiи, необдуманность и безпечность распоряженiй, случайность въ распредѣленiи людей, могущество мелкихъ, низкихъ, неспособныхъ людей и всю силу и влiянiе низкихъ побужденiй. Однако за всѣмъ тѣмъ, мы, русскiе люди, крѣпко хранимъ въ душѣ вѣру въ успѣхъ нашего святаго дѣла и молимся Господу Богу крѣпкой и смиренной молитвой. Крѣпко молятся русскiе люди и за Васъ и, повторяю, всѣ слѣдятъ за Вами съ любовью. Да осѣнитъ Васъ Христосъ своею благодатiю».

Какъ свидѣтельствуетъ Л. Тихомировъ въ своей, еще заграничной, книжкѣ «Въ подпольѣ. Очерки изъ жизни русскихъ революцiонеровъ въ 70-80 годахъ», къ веснѣ 1877 г., въ домѣ предварительнаго заключенiя въ Петербургѣ, гдѣ и онъ сидѣлъ, допущено было тюремнымъ начальствомъ полное ослабленiе дисциплины. Въ концѣ концовъ объ этомъ узналъ градоначальникъ Треповъ, который рѣшилъ подтянуть политическихъ арестованныхъ. Прибывъ въ домъ заключенiя, проходя передъ заключенными, онъ обрушился на А. П. Боголюбова (Емельянова), приговореннаго къ каторжнымъ работамъ. За то, что тотъ не снялъ шапки, онъ велѣлъ дать ему 20 розогъ, что и было приведено въ исполненiе. Это вызвало большое возмущенiе арестованныхъ, которое было прекращено, послѣ чего прежнiя послабленiя постепенно исчезли. Революцiонеры рѣшили за это убить Трепова. Вѣра Засуличъ по собственному почину 24 янв. 1878 г. стрѣляла въ Трепова и тяжело его ранила. Ее судили и присяжные засѣдатели вынесли ей оправдательный приговоръ, что было принято сочувственно обществомъ и даже нѣкоторыми сановниками.

Побѣдоносцевъ, считавшiй, что Трепову пришлось исправлять то, что было испорчено попустительствомъ тюремной власти, возмущенъ былъ рѣшенiемъ присяжныхъ засѣдателей и всей обстановкой суда. По этому поводу, онъ писалъ 8 апрѣля 1878 г. Цесаревичу: « ... Жалкое, ребяческое ослѣпленiе, печальное раздвоенiе мысли. Но откуда оно происходитъ? Я отвѣчаю: оттого, что прежде всего этимъ ослѣпленiемъ, этимъ раздвоенiемъ мысли, этимъ дѣтскимъ легкомыслiемъ страдаетъ **само правительство.** Правительства **нѣтъ,** какъ оно должно быть, съ твердою волею, съ явнымъ

понятіемъ о томъ, чего оно хочетъ, съ рѣшимостью защищать основныя начала управленія, съ готовностью **дѣйствовать** всюду, гдѣ нужно. Люди дряблые, съ расколотою на-двое мыслью, съ раздвоенною волею, съ жалкимъ представленіемъ о томъ, что все идетъ само собою, лѣнивые, равнодушные ко всему, кромѣ своего спокойствія и интереса. Средины нѣтъ. Или такое правительство должно проснуться и встать, или оно погибнетъ. А что погибнетъ вмѣстѣ съ нимъ, о томъ и подумать страшно». Мудро все высказанное Побѣдоносцевымъ, въ особенности же въ послѣднихъ словахъ.

Къ вопросу о современномъ судѣ Побѣдоносцевъ возвращается въ письмѣ отъ 15 марта 1880 г.: «... Вотъ еще листокъ «Варшавскаго Дневника» съ любопытною статьей г. Леонтьева, которую рекомендую вниманію Вашего Высочества. Радуюсь: въ первый разъ нашелъ человѣка, имѣвшаго мужество сказать истинную правду о судахъ нашихъ. Какъ на него заскрежещутъ зубами. Но вокругъ только и слышишь однѣ рѣчи: оставьте, дайте волю, не стѣсняйте. Боже мой, какъ измельчали и опошлились люди во власти сущіе! Христосъ былъ живая любовь на землѣ, но и живое негодованіе, которое отъ той же любви происходитъ. Когда онъ увидѣлъ торговлю въ храмѣ, Онъ не утерпѣлъ, взялъ въ руки бичъ и выгналъ изъ храма торгующихъ — и покупающихъ».

Въ это время Побѣдоносцевъ принималъ, какъ это видно изъ его переписки, огромное участіе въ дѣлѣ созданія Добровольнаго Флота. Почетнымъ предсѣдателемъ Комитета, этимъ вѣдавшаго, былъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ, предсѣдателемъ правленія — Побѣдоносцевъ. Сразу послѣ Санъ Стефанскаго мира съ Турціей (19 февр. 1878 г.) возникла мысль, въ предвидѣніи возможной войны съ Англіей, пріобрѣсти быстроходные пароходы, которые въ военное время могли бы быть обращены въ крейсеры-истребители. Починъ принадлежалъ Императорскому обществу содѣйствія русскому торговому мореходству. По всей Россіи открыта была подписка для осуществленія, путемъ пожертвованій, этой цѣли. Въ теченіе 1878 г. удалось пріобрѣсти въ Германіи первые суда, названные — Россія, Москва, Петербургъ, Нижній- Новгородъ.

Какъ видно изъ писемъ Побѣдоносцева къ Цесаревичу, онъ въ 1878 г. понималъ важность воздухоплаванія, соотвѣтственныхъ снарядовъ, минъ, считалъ, въ связи съ этимъ, необходимымъ установленіе связи съ Менделѣевымъ. 22 дек. 1879 г. онъ сообщалъ объ опытѣ съ подводной лодкой Джевецкаго, производившихся на озерѣ въ Гатчинѣ. Къ этому вопросу возвращался въ письмахъ отъ 6 и 18 янв. 1880 г. Побудилъ онъ Цесаревича ознакомиться съ нею. Послѣдній писалъ ему 6 марта 1880 г.: «... Надо будетъ поговорить съ Милютинымъ о подводной лодкѣ; не понимаю, за чѣмъ дѣло стало? ...»

Въ письмѣ отъ 8 ноября 1878 г. Побѣдоносцевъ высказываетъ

Цесаревичу возмущеніе дѣйствіями минскаго губернатора, примѣнившаго силу противъ крестьянъ м. Логишина, отстаивавшихъ права на свою собственность.

Продолжались покушенія на жизнь императора Александра II. 2 апрѣля 1879 г. быв. сельскій учитель, студентъ петербургскаго университета, А. К. Соловьевъ, стрѣлялъ въ Царя. Высказывая ужасъ и возмущеніе, Побѣдоносцевъ сразу же написалъ Цесаревичу. Письмо заканчивалось такъ:

«... Зло такъ усилилось, что его надобно лечить желѣзомъ и кровью. Само собою ничего не сдѣлается. Напрасно станетъ правительство взывать къ обществу, къ благомыслящимъ людямъ. Что же можетъ сдѣлать общество, когда надо дѣйствовать всею силою законной власти, а право разыскивать, судить и карать принадлежитъ одному правительству, а оно отказывается имъ пользоваться, уклоняется, колеблется. Можетъ притти минута, когда народъ въ отчаяніи, не узнавая правительства, въ душѣ отъ него отречется и поколеблется признать своею ту власть, которая, вопреки писанію, **безъ ума мечъ носитъ.** Это будетъ минута ужасная, и не дай Богъ намъ дожить до нея». Письмо это разминулось съ запиской, писанной въ этотъ день Цесаревичемъ:

«Благодарю Васъ отъ души за поздравленіе съ Свѣтлымъ Праздникомъ. Вы, вѣроятно, слышали про сегодняшнее покушеніе. Не знаю, какъ **благодарить** Господа за **чудное спасеніе».**

17 мая 1879 г. Побѣдоносцевъ рѣзко осуждалъ современныхъ государственныхъ людей, изъ которыхъ даже самые лучшіе «колеблются, трусятъ, раздвоены въ своей мысли, и оттого говорятъ только, но не дѣйствуютъ, и всѣ врозь другъ съ другомъ, и нѣтъ единой рѣшительной воли, которая связала бы ихъ вмѣстѣ и направила. Они думаютъ, что сдѣлали свое дѣло, выслушавъ докладъ подчиненныхъ... Если-бъ они понимали, что значитъ быть государственнымъ человѣкомъ, они никогда не приняли бы на себя страшнаго званія: вездѣ оно страшно, а особенно у насъ, въ Россіи. Вѣдь это значитъ — не утѣшаться своимъ величіемъ, не веселиться удобствами, а приносить себя **въ жертву** тому дѣлу, которому служишь, отдать себя работѣ, которая сожигаетъ человѣка, отдавать каждый часъ свой съ утра и до ночи, быть въ живомъ общеніи съ живыми людьми, а не съ бумагами только... Не погнѣвайтесь, Ваше Высочество, за эти откровенныя и невеселыя письма. Говорить Вамъ на словахъ рѣдко приходится, а у меня душа болитъ невыразимо отъ всего, что вижу и слышу, и не терпится иногда сказать Вамъ на письмѣ слово о нынѣшнемъ положеніи, которое Васъ должно тяготить болѣе, чѣмъ кого нибудь. Но Вы живете на высотахъ и многаго, что видимъ мы, не можете видѣть. Да сохранитъ Васъ Господь и да вразумитъ на лучшее!»

1 янв. 1879 г. Побѣдоносцевъ слалъ поздравленіе: «Ваше Импера-

торское Высочество. Здравствуйте на новый годъ, съ Государыней Цесаревной, съ дѣтьми и со всѣмъ Вашимъ домомъ. Дай Боже этому году миновать мирно и благополучно. Дай Боже — чего желаетъ вся Россія — чтобы власть окрѣпла и явила всю свою силу и весь свой разумъ въ единствѣ и въ твердости управленія, въ согласіи съ народнымъ духомъ и потребностью, въ выборѣ людей способныхъ, честныхъ, пастырей думающихъ не о себѣ, а о стадѣ . . .».

Не одобрялъ Побѣдоносцевъ дѣятельность либеральнаго министра народнаго просвѣщенія А. А. Сабурова. По этому поводу онъ сообщаетъ Цесаревичу 22 ноября 1880 г. мнѣніе извѣстнаго профессора московскаго университета Б. Н. Чичерина: «Чичеринъ, уѣзжая отсюда, прислалъ мнѣ составленную имъ записку съ просьбой представить ее Вашему Высочеству. Подобныя же записки будутъ доставлены графу Лорисъ-Меликову, графу Строганову и Милютину (который, говорятъ, раздѣляетъ воззрѣнія Сабурова). Мысль Сабурова — несчастная, безумная мысль. Если она осуществится, можно предвидѣть великую, непоправимую смуту. И теперь уже всѣ серьезные дѣятели министерства въ большомъ смущеніи: у нихъ руки упадаютъ, и многіе поспѣшатъ бѣжать вонъ изъ учебнаго вѣдомства. Можно судить о впечатлѣніи, когда отъ Чичерина, бывшаго всегда ожесточеннымъ врагомъ графа Толстого (быв. министра народн. просв. Н. Т.), я слышалъ такія слова: «Придется, пожалуй, пожалѣть о графѣ Толстомъ».

---

1 марта 1881 г. убитъ былъ императоръ Александръ II. Въ тотъ же день Побѣдоносцевъ писалъ императору Александру III: «Богъ велѣлъ намъ переживать нынѣшній страшный день. Точно кара Божія обрушилась на несчастную Россію. Хотѣлось бы скрыть лицо свое, уйти подъ землю, чтобы не видѣть, не чувствовать, не испытывать. Боже, помилуй насъ. Но для Васъ этотъ день еще страшнѣе и, думая о Васъ въ эти минуты, что кровавъ порогъ, черезъ который Богу угодно провести Васъ въ новую судьбу Вашу, вся душа моя трепещетъ за Васъ страхомъ неизвѣстнаго грядущаго на Васъ и на Россію, страхомъ великаго несказаннаго бремени, которое на Васъ положено. Любя Васъ, какъ человѣка, хотѣлось бы, какъ человѣка спасти Васъ отъ тяготы въ привольную жизнь; но нѣтъ на то силы человѣческой, **ибо такъ благоволилъ Богъ.** Его была святая воля, чтобы Вы для этой цѣли родились на свѣтъ и чтобы братъ Вашъ возлюбленный, отходя къ Нему, указалъ Вамъ на землѣ свое мѣсто. Народъ вѣритъ въ эту волю Божію, — и по Его велѣнію возлагаетъ надежду свою на Васъ и на крѣпкую власть, Богомъ врученную Вамъ. Да благословитъ Васъ Господь Богъ. Да ободритъ Васъ молитва народная, а вѣра народная да дастъ Вамъ силу и разумъ править крѣпкою рукою и твердой волей. Вамъ достается Россія смя-

тенная, расшатанная, сбитая съ толку, жаждущая, чтобы ее повели твердою рукою, чтобы правящая власть видѣла ясно и знала твердо, чего она хочетъ, и чего не хочетъ, и не допуститъ никакъ. Всѣ будутъ ждать въ волненіи, въ чемъ Ваша воля обозначится. Многіе захотятъ завладѣть ею и направлять ее. Ваше Величество, позвольте мнѣ сказать Вамъ въ нынѣшній день. Первые шаги Вашего царствованія будутъ особенно знаменательны и требуютъ особой обдумчивости и осмотрительности. Я не могу успокоиться отъ страшнаго потрясенія. Не могу отогнать отъ себя гнетущей меня заботы объ Васъ и о Вашей безопасности. Простите, что я въ эти скорбные часы прихожу къ Вамъ со своимъ словомъ: ради Бога въ эти первые дни царствованія, которые будутъ имѣть для Васъ рѣшающее значеніе, не упускайте ни одного случая заявлять свою личную рѣшительную волю, прямо отъ Васъ исходящую, чтобы всѣ слышали и знали: «Я такъ хочу», или «Я не хочу этого» ... Отвѣтъ Царя:

«Отъ всей души благодарю Васъ за Ваше душевное письмо. Молюсь и на одного Бога надѣюсь. Онъ не оставитъ насъ и нашу дорогую Россію».

6 марта слѣдовало новое письмо: «Ваше Императорское Величество. Измучила меня тревога. Самъ не смѣю явиться къ Вамъ, чтобы не безпокоить, ибо Вы стали на великую высоту. Не знаю ничего, — кого Вы видите, съ кѣмъ говорите, кого слушаете, какое рѣшеніе у Васъ на мысли. О, какъ бы я успокоился, когда бъ зналъ что рѣшеніе Ваше принято и воля Вашего Величества опредѣлена. И я рѣшаюсь опять писать, потому что страшно и время не терпитъ. Если будутъ Вамъ пѣть прежнія пѣсни сирены о томъ, что надо успокоиться, надо продолжать въ либеральномъ направленіи, надобно уступать т. н. общественному мнѣнію, — о, ради Бога, не вѣрьте, Ваше Величество, не слушайте. Это будетъ гибель, гибель Россіи и Васъ. Это ясно для меня, какъ день. Безопасность Ваша этимъ не оградится, а еще уменьшится. Безумные злодѣи, погубившіе Родителя Вашего, не удовлетворятся никакой уступкой и только разсвирѣпѣютъ. Ихъ можно унять, злое сѣмя можно вырвать только борьбой съ ними на животъ и на смерть, желѣзомъ и кровью. Побѣдить не трудно: до сихъ поръ всѣ хотѣли избѣгнуть борьбы и обманывали покойнаго Государя, Васъ, самихъ себя, всѣхъ и все на свѣтѣ, потому что то были не люди разума, силы и сердца, а дряблые евнухи и фокусники. Нѣтъ, Ваше Величество, — одинъ только есть вѣрный прямой путь встать на ноги и начинать, не засыпая ни на минуту, борьбу самую святую, какая только бывала въ Россіи. Весь народъ ждетъ властнаго на это рѣшенія, и какъ только почувствуетъ державную волю, все поднимется, все оживится и въ воздухѣ посвѣжѣетъ».

Въ этотъ день получилъ онъ записку Государя: «Благодарю отъ всей души за душевное письмо, которое я вполнѣ раздѣляю. Зайдите ко мнѣ завтра въ 3 часа, я съ радостью поговорю съ Вами. На Бога вся моя надежда. А».

Государю въ наслѣдство достался проектъ министра внутр. дѣлъ, гр. М. Т. Лорисъ-Меликова о созданіи особой редакціонной комиссіи, въ который, наряду съ должностными лицами, участвовали бы и представители земствъ. Покойный императоръ Александръ II вполнѣ сочувствовалъ этому проекту, разсмотрѣнному 17 февраля. 8 марта таковой подвергнутъ былъ разсмотрѣнію въ особомъ засѣданіи подъ предсѣдательствомъ императора Александра III. Участвовали министры и нѣсколько высшихъ чиновъ Имперіи. Противъ проекта опредѣленно высказался гр. С. Г. Строгановъ, закончившій свое выступленіе словами: «путь этотъ ведетъ прямо къ конституціи, которой я не желаю ни для Васъ, ни для Россіи». Государь произнесъ: «Я тоже опасаюсь, что это первый шагъ къ конституціи». Поддерживали проектъ министры, за исключеніемъ морского-Посьета, почтъ и телеграфа — Макова. Условно высказались вел. князья Константинъ Николаевичъ, Владиміръ Александровичъ и принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій. Съ большой убѣжденностью и твердостью выступилъ противъ Побѣдоносцевъ. — Государственный секретарь Е. А. Перетцъ, подробно записавшій все происходившее на засѣданіи, пишетъ, что вел. кн. Константинъ, довольный вел. кн. Владиміромъ, послѣ засѣданія поцѣловалъ и перекрестилъ его. Изъ приводимаго ниже письма Государя видно, что вел. кн. Владиміръ въ ближайшія недѣли сталъ мыслить иначе. Перетцъ отмѣчаетъ 16 марта, что гр. Лорисъ и А. А. Абаза перестали подавать руки Макову и Побѣдоносцеву и почти не говорятъ съ нимъ, что сочувствія Перетца не вызываетъ.

Л. С. Маковъ, въ письмѣ отъ 8 марта, считая, что Побѣдоносцеву вредитъ крайность его выступленій, преклоняется, вмѣстѣ съ тѣмъ, передъ «замѣчательной правдивостью» и «гражданскимъ мужествомъ» его. «... Вы въ основаніе всей Вашей рѣчи положили вполнѣ вѣрный, безусловно справедливый тезисъ: «кругомъ ложь, ложь и ложь». Да, дѣйствительно, ложью наполняли, нагнетали тотъ правительственный пузырь, который, несмотря на блестящія фразы и восхваленія газетныхъ статей, лопнулъ съ трескомъ, унеся съ собой въ вѣчность оплакиваемаго нами царя-мученика. Вы сказали великую истину и притомъ такъ, какъ можетъ говорить человѣкъ, говорящій правду, живущую въ его сердцѣ...».

Историкъ Назаревскій приводитъ изложеніе самимъ Побѣдоносцевымъ этихъ событій въ письмахъ, помѣщенныхъ въ журналѣ «Русскій Архивъ». По словамъ послѣдняго: «у Лорисъ-Меликова были замыслы облагодѣтельствовать Россію конституціей или на-

чаломъ ея посредствомъ вызова депутатовъ со всей Россіи». По этому поводу происходили въ февралѣ совѣщанія у императора Александра II. «2 марта было назначено быть у Государя совѣту министровъ для окончательнаго рѣшенія, а между тѣмъ Лорисъ-Меликовъ уже заготовилъ торжественную публикацію объ этомъ, которая должна была появиться въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» 5 числа. И вдругъ катастрофа... Журналы со 2 марта начали по поводу цареубійства требовать конституціи. Лорисъ-Меликовъ послалъ просить ихъ, чтобы помолчали только 15 дней. И вотъ насъ собрали въ совѣтъ министровъ къ государю, въ воскресенье, въ 2 часа пополудни. Пригласили меня, старика С. Строганова, великихъ князей. Государь, объявивъ въ чемъ дѣло, прибавивъ, что оно не рѣшено еще покойнымъ, что оно сомнительно и что проситъ всѣхъ говорить не стѣсняясь. Лорисъ-Меликовъ сталъ читать протоколъ и проектъ объявленія, заготовленный уже отъ имени новаго государя, который считаетъ якобы священнымъ долгомъ исполнить завѣтъ отца своего. И представьте, что они имѣли безстыдство въ этомъ объявленіи **теперь** оставить всѣ тѣ же мотивы, которые были помѣщены въ прежнемъ: что повсюду водворено-де спокойствіе, **крамола подавлена,** ссыльные возвращены и проч. Нѣтъ времени описывать все подробно. Первымъ высказался противъ Строгановъ кратко, но энергически. Затѣмъ Валуевъ, Абаза, Милютинъ сказали напыщенныя отвратительныя рѣчи о томъ, что вся Россія ждетъ этого благодѣянія. Милютинъ при этомъ обмолвился о народѣ, какъ о **неразумной** массѣ. Валуевъ вмѣсто слова народъ употребилъ «народы». Говорили дальше Набоковъ, Сабуровъ и проч. Только Посьетъ и Маковъ высказались противъ. Но, когда обратились ко мнѣ, я не могъ уже сдержать волненія негодованія. Объяснивъ всю фальшь учрежденія, я сказалъ, что стыдъ и позоръ покрываютъ лицо, когда подумаешь, въ какія минуты мы объ этомъ разсуждаемъ, когда лежитъ еще непогребенный трупъ нашего государя. А кто виновенъ въ томъ? Кровь его на насъ и на чадѣхъ нашихъ. Мы всѣ повинны въ его смерти. Что мы дѣлали все это время и въ его царствованіе? Мы говорили, говорили, слушали себя и другъ друга, и всякое изъ его учрежденій превратилось у насъ подъ руками въ ложь, и дарованная имъ свобода стала ложью. А въ послѣдніе годы, въ годы взрывовъ и минъ, что мы дѣлали, чтобы охранить его? Мы говорили — и только. Все чувство наше должно было сосредоточиться въ страхѣ, какъ бы не убили его, а мы напустили себѣ въ душу столько подлыхъ, низкихъ страховъ и стали трепетать общественнаго мнѣнія, т. е. мнѣнія презрительныхъ журналистовъ и того, что скажетъ Европа? А ее-то знали по журналамъ.

«Вы можете себѣ представить, какимъ громомъ упали слова мои. Сосѣди мои — Абаза и Лорисъ-Меликовъ — едва сдерживали свою

ярость на меня. Абаза отвѣтилъ очень рѣзко: «изъ того-де, что сказалъ оберъ-прокуроръ Сvнода, слѣдуетъ, что все, что сдѣлано въ минувшее царствованіе, никуда не годится и освобожденіе крестьянъ и проч., и намъ послѣ этого остается только просить объ увольненіи. Государь, который на словахъ моихъ: «кровь его на насъ», прервалъ меня восклицаніемъ: «Это правда», поддержалъ меня, сказавши, что подлинно всѣ виноваты и что изъ этихъ всѣхъ онъ не исключаетъ и себя. Говорили и еще... Слышалось жалкое слово, что надобно же что-нибудь сдѣлать, а это **что-нибудь** значило учрежденіе (конституція).

«Государь рѣшилъ, что дѣло это слишкомъ сложное, чтобъ рѣшить его теперь: надобно еще разсмотрѣть подробно въ особой комиссіи, а потомъ въ комитетѣ министровъ, но только съ тѣмъ, чтобы учрежденіе это не имѣло политическаго характера...».

Въ письмахъ говорится, что новому градоначальнику Н. М. Баранову удалось арестомъ 19 заговорщиковъ предотвратить покушеніе на государя и наслѣднаго принца прусскаго во время погребенія императора Александра II.

Государь 20 марта прислалъ Побѣдоносцеву записку: «Пожалуйста, любезный Константинъ Петровичъ, исполните мою просьбу и облегчите мои первые шаги».

Побѣдоносцевъ 22 марта сообщалъ Царю, что въ Тамбовской губ. крестьяне порѣшили поститься, изъ рода въ родъ, въ день 1 марта. Къ этому онъ добавлялъ: «Позволяю себѣ выразить еще одну мысль, отвѣчающую общему желанію всѣхъ православныхъ русскихъ людей. Всему православному міру показалось очень горько и даже страшно распоряженіе объ открытіи театровъ въ Великій постъ (послѣдовало до цареубійства Н. Т.). Народное чувство пришло въ великій соблазнъ: добрые люди качали головой и говорили про себя — быть бѣдамъ. Нынѣшнее страшное бѣдствіе постигло Россію именно въ началѣ Великаго поста, и пришлось закрыть театры. Не служитъ ли это новымъ указаніемъ на то, что прилично было бы теперь и въ память этаго страшнаго грѣха освятить Великій постъ возстановленіемъ закона о закрытіи спектаклей въ это время. Дирекція театровъ будетъ возражать уменьшеніемъ сборовъ и доходовъ, но что значитъ денежная сумма въ сравненіи съ народнымъ соблазномъ».

Отстаивалъ Побѣдоносцевъ свою точку зрѣнія и на совѣщаніи министровъ, происходившемъ 21 апр. подъ предсѣдательствомъ Государя. Въ тотъ же день императоръ Александръ Александровичъ писалъ ему изъ Гатчины: «Посылаю Вамъ для прочтенія письмо Карамзиной (дочери историка фрейлины Елисаветы Ник. Н. Т.). Это опять взглядъ истиннаго русскаго и понимающаго настоящее наше положеніе. Сегодняшнее наше совѣщаніе сдѣлало на меня грустное впечатлѣніе. Лорисъ, Милютинъ и Абаза положительно

продолжаютъ ту же политику и хотятъ такъ или иначе довести насъ до представительнаго правительства, но пока я не буду убѣжденъ, что для счастья Россіи это необходимо, конечно этого не будетъ, я не допущу. — Врядъ ли, впрочемъ, я когда-нибудь убѣждусь въ пользѣ подобной мѣры — слишкомъ я увѣренъ въ ея вредѣ. Странно слушать умныхъ людей, которые могутъ серьезно говорить о представительномъ началѣ въ Россіи, точно заученныя фразы, вычитанныя ими изъ нашей паршивой журналистики и бюрократическаго либерализма. Болѣе и болѣе убѣждаюсь, что добра отъ этихъ министровъ ждать я не могу! Дай Богъ, чтобы я ошибался! Не искренни ихъ слова, не правдой дышатъ. — Вы могли слышать, что Владиміръ, мой братъ, правильно смотритъ на вещи и совершенно, какъ я, не допускаетъ выборнаго начала. — Трудно и тяжело вести дѣло съ подобными министрами, которые сами себя обманываютъ! Пожалуйста, верните мнѣ письмо Карамзиной. — Вашъ отъ души Александръ».

Государь поручилъ Побѣдоносцеву составить манифестъ, въ коемъ должна была утверждаться незыблемость Самодержавія.

Представляя 26 апрѣля соотвѣтственный проектъ, Побѣдоносцевъ писалъ, что его одобряетъ гр. С. Г. Строгановъ. «Кромѣ его, никто не знаетъ объ этомъ».

27 апр. послѣдовала телеграмма: «Одобряю вполнѣ и во всемъ редакцію проекта. Пріѣзжайте ко мнѣ завтра въ 2 часа переговорить подробнѣе. Александръ».

Когда манифестъ отъ 29 апр. 1881 года былъ оглашенъ министромъ юстиціи Д. Н. Набоковымъ въ совѣщаніи, происходившемъ въ кабинетѣ Лорисъ-Меликова въ домѣ Мин-ва Вн. дѣлъ на Фонтанкѣ, А. А. Абаза и его единомышленники открыто возмущались и требовали назвать имя составителя.

Побѣдоносцевъ въ тотъ же день, освѣдомляя кратко Государя о происходившемъ въ засѣданіи, пишетъ: «Спрашивали, кто писалъ манифестъ. Разумѣется, я сказалъ, что писалъ я по приказанію Вашего Величества. Затѣмъ я молчалъ, пока они говорили, — не потому, что я не имѣлъ, что сказать, но для того, чтобы они не подумали, что я говорю отъ Вашего имени». Въ краткомъ наброскѣ происходившаго, написанномъ Побѣдоносцевымъ на программѣ совѣщанія, онъ, въ числѣ прочаго, пишетъ: «... Абаза, выходя изъ себя, кричалъ: надо остановить, надо требовать, чтобы государь взялъ назадъ это нарушеніе контракта, въ который онъ вошелъ съ нами... Тутъ Лорисъ-Меликовъ остановилъ его...».

Приводимъ выдержки изъ этого историческаго манифеста: «... Но посреди великой нашей скорби гласъ Божій повелѣваетъ намъ стать бодро на дѣло правленія, въ упованіи на Божественный промыслъ, съ вѣрою въ силу и истину самодержавной власти, которую

мы призваны утверждать и охранять для блага народнаго, отъ всякихъ на нее поползновеній. Да ободрятся же пораженныя смущеніемъ и ужасомъ сердца вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, всѣхъ любящихъ отечество и преданныхъ изъ рода въ родъ наслѣдственной царской власти. Подъ сѣнію ея и въ неразрывномъ съ нею союзѣ Земля наша переживала не разъ великія смуты и приходила въ силу и славу, посреди тяжелыхъ испытаній и бѣдствій, съ вѣрою въ Бога, устрояющаго судьбы ея. Посвящая себя великому нашему служенію, мы призываемъ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ нашихъ служить намъ и государству вѣрою и правдой, къ искорененію гнусной крамолы, позорящей Землю Русскую, къ утвержденію вѣры и нравственности, къ доброму воспитанію дѣтей, къ истребленію неправды и хищенія, къ водворенію порядка и правды въ дѣйствіи учрежденій, дарованныхъ Россіи благодѣтелемъ ея, возлюбленнымъ нашимъ родителемъ».

Вскорѣ послѣдовало увольненіе либеральныхъ министровъ, во главѣ съ гр. Лорисъ-Меликовымъ, просившимъ Государя 30 апр. уволить его въ отставку. 18 мая Царь писалъ Побѣдоносцеву: «Это, правда, странно, какъ мы сходимся мыслью. Я только что написалъ Пещурову (А. А., адмиралъ, морской министръ Н. Т.) о моемъ желаніи назначить Алексѣя вмѣсто в. кн. Констан. Ник., какъ получаю Ваше письмо, въ которомъ Вы мнѣ говорите о ненормальномъ положеніи мор. минист. — Я желаю, чтобы назначеніе Алексѣя (генералъ-адмираломъ Н. Т.) состоялось 20 мая въ день его именинъ. Конст. Ник. наотрѣзъ отказался подать просьбу объ увольненіи, я ждалъ два мѣсяца его рѣшенія и не дождался, такъ что теперь не намѣренъ болѣе ждать, а прямо его уволить и назначить **Алексѣя** (брата императора Н. Т.) . . .»

Порядокъ въ государствѣ былъ въ скоромъ времени возстановленъ, все устроялось. Окрѣпло значеніе Россіи въ прочемъ мірѣ.

Вел. кн. Сергѣй Александровичъ, идейно особенно близкій Побѣдоносцеву, возвращаясь изъ поѣздки въ Святую Землю, писалъ ему 25 іюня изъ Неаполя: «Только сегодня, въ эту минуту, получилъ я Ваше письмо и брошюру — искренно благодарю Васъ. Душой и мыслью я постоянно на родинѣ и слѣжу съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ за всѣмъ, что у насъ происходитъ. Скажу Вамъ откровенно, что порадовался послѣднимъ перемѣнамъ въ высшихъ кругахъ, и часто приходится вспоминать мнѣ разговоры съ Вами. Да поможетъ Господь Государю и да вразумитъ Онъ окружающихъ его — дѣло трудное и работать надо **дружно и энергично.** Хотѣлось бы Васъ видѣть и о многомъ, многомъ переговорить съ Вами. Я думаю, не легко было привести въ исполненіе перемѣны министровъ — въ особенности гр. Лориса — не забуду я послѣдній разговоръ съ Вами о немъ. Какъ былъ хорошъ манифестъ Государя отъ 29 апр. — именно что слѣдовало . . .»

Министръ внутреннихъ дѣлъ, гр. Н. П. Игнатьевъ, 16 іюля 1881 г. за № 68 весьма секретно извѣщалъ Побѣдоносцева, второй годъ занимавшаго должность оберъ-прокурора Свят. Сvнода: «Государь Императоръ, отъѣзжая на нѣкоторое время изъ С-Петербурга, Высочайше повелѣть соизволилъ: на случай, если бы возникли важные, требующіе особыхъ распоряженій безпорядки, создать немедленно, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества, вел. кн. Владиміра Александровича, комиссію изъ г. г. — министра юстиціи, министра государственныхъ имуществъ, обер-прокурора Св. Сvнода и товарища министра внутреннихъ дѣлъ Свиты Его Величества ген.-майора Черевина, возложивъ на послѣдняго завѣдываніе дѣлами комиссіи. Государь Императоръ вмѣняетъ вышеупомянутымъ лицамъ въ обязанность принять надлежащія мѣры къ прекращенію могущихъ возникнуть безпорядковъ или преступныхъ замысловъ, впредь до дальнѣйшихъ повелѣній Его Величества».

Государь выѣзжалъ въ Москву.

Государь 21 ноября 1881 г. писалъ Побѣдоносцеву: «Благодарю Васъ, любезный Константинъ Петровичъ, за Ваши два письма; конечно я не сержусь, а напротивъ того благодаренъ Вамъ за эти письма и прошу всегда, когда Вы найдете нужнымъ, писать мнѣ съ той же откровенностью, какъ и всегда. Заѣзжайте завтра въ Гатчино къ 1 часу, можно переговорить подробнѣе. Вашъ Александръ».

Для правильнаго пониманія Побѣдоносцева, котораго принято считать сухимъ бюрократомъ, даетъ много письмо, отправленное имъ Государю въ канунъ новаго 1882 года. Онъ писалъ: «Сегодня оканчивается ужасный 1881 годъ: воспоминаніе о немъ давитъ грудь точно кошмаромъ. На границѣ года останавливаюсь съ молитвой за Васъ, за Государыню Императрицу и за дѣтей Вашихъ. Сохрани Васъ, Боже, спаси и помилуй и съ Вами все наше милое отечество, весь добрый и несчастный народъ нашъ. Примите, всемилостивѣйшій Государь, горячее поздравленіе отъ человѣка, который любитъ Васъ всей душой и чувствуетъ себя несчастнымъ, доколѣ не перестанетъ страдать душою за Васъ и за свое отечество. Съ утра до ночи вижу я людей отовсюду пріѣзжающихъ, всякаго чина и званія; и до меня доходитъ много извѣстій о явленіяхъ совершающихся въ мѣстной жизни. Скажу по совѣсти: не перечислишь всякаго зла, всѣхъ болѣзней и пороковъ — такъ ихъ много. Но много вижу я и добрыхъ дѣлъ, много знаю великихъ работниковъ, много великихъ силъ, которыхъ только некому поддержать и ободрить, и я полагаю главное свое призваніе въ томъ, чтобы служить этому дѣлу съ утра до ночи, въ мѣрѣ силъ своихъ и возможности. Простые люди, съ которыми говорилъ, люди исполненные вѣры въ добро и въ дѣйственность власти — внушаютъ мнѣ великую надежду

на будущее. Но здѣшніе люди повергаютъ меня въ уныніе и безнадежность. И такъ, колеблясь между тѣмъ и другимъ чувствомъ, молю Бога, въ десницѣ Коего и сердце Царево, и ходъ событій, и судьба племенъ и народовъ. Когда то въ минуту унынія я представлялъ Вашему Величеству письмо Рачинскаго, чтобы показать какіе люди у насъ работаютъ въ темныхъ углахъ, съ бодростью духа, съ вѣрою въ успѣхъ дѣлаютъ великія дѣла въ маломъ кругѣ своемъ. Осмѣливаюсь и теперь предложить Вамъ послѣднее его письмо, простой голосъ простого человѣка: можетъ быть, эти слова, хотя на минуту, освѣжатъ мысль Вашу, утомленную офиціальными докладами...» Сергѣй Александровичъ Рачинскій, профессоръ ботаники московскаго университета, удалился въ свое имѣніе Татево, Смол. губ., гдѣ устроилъ образцовую народную школу; онъ игралъ большую роль въ насажденіи церк.-прих. школъ.

Государь, благодаря 31 декабря за письмо, писалъ: «Ужасный, страшный годъ приходитъ къ концу, начинается новый, а что ожидаетъ насъ впереди? Такъ отчаянно тяжело бываетъ по временамъ, что если бы я не вѣрилъ въ Бога и въ Его неограниченную милость, конечно, не оставалось бы ничего другого, какъ пустить себѣ пулю въ лобъ. Но я не малодушенъ, а главное вѣрю въ Бога и вѣрю, что настанутъ наконецъ счастливые дни для нашей дорогой Россіи... Часто, очень часто вспоминаю я слова Св. Евангелія: «да не смущается сердце ваше, вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте». Эти могучія слова дѣйствуютъ на меня благотворно. Съ полнымъ упованіемъ на милость Божію, кончаю это письмо: Да будетъ воля Твоя, Господи. Крѣпко жму Вашу руку. Искренно любящій Васъ Александръ».

Въ теченіе всего царствованія императора Александра III, Побѣдоносцевъ высказывался съ такой опредѣленной откровенностью. Замѣчательно его письмо, написанное въ 1881 году по поводу сухого пріема, оказаннаго Государемъ ген. М. Д. Скобелеву, взявшему Геокъ-Тепе, въ итогѣ чего къ Россіи была присоединена Ахалъ-Текинская земля. Онъ писалъ: «... Вы съ 1-го марта принадлежите, со всѣми своими впечатлѣніями и вкусами, не себѣ, а Россіи и своему великому служенію. Нерасположеніе можетъ происходить отъ впечатлѣній, впечатлѣнія могли быть навѣяны толками, разсказами, анекдотомъ, иногда легкомысленнымъ и преувеличеннымъ. Пускай Скобелевъ, какъ говорятъ, человѣкъ безнравственный. Вспомните, Ваше Величество, много ли въ исторіи великихъ дѣятелей, полководцевъ, которыхъ можно было бы назвать нравственными людьми, — а ими двигались и рѣшались событія... Скобелевъ, опять скажу, сталъ великой силой и пріобрѣлъ на массу громадное нравственное вліяніе, то есть, **люди ему вѣрятъ и за нимъ слѣдуютъ.** Это ужасно важно, и теперь важнѣе, чѣмъ когда нибудь... Позвольте Ваше Величество, на минуту заглянуть въ душевное Ваше расположеніе.

Могу себѣ представить, что Вамъ было неловко, несвободно, неспокойно со Скобелевымъ, и что Вы старались сократить свиданіе. Мнѣ понятно это чувство неловкости, соединенное съ нерасположеніемъ видѣть человѣка, и происходящая отъ него неувѣренность. Опасаюсь, что подобное чувство можетъ и во многихъ случаяхъ стѣснять Ваше Величество въ пріемѣ нѣкоторыхъ людей. Когда къ Вамъ являются простые люди, они всегда выходятъ утѣшенные и осчастливленные вниманіемъ Вашимъ и разспросами. Это происходитъ отъ того, что съ простыми людьми Вы, по натурѣ своей, чувствуете себя непринужденно; а когда чувствуете въ душѣ принужденность, тяготитесь положеніемъ и отношеніемъ къ человѣку. Но смѣю думать, Ваше Величество, что теперь, когда Вы Государь русскій, — нѣтъ и не можетъ быть человѣка, съ которымъ Вы не чувствовали бы себя свободно, ибо въ лицѣ Вашемъ — передо всѣми и передъ каждымъ стоитъ сама Россія, вся земля съ верховною властью. Есть ли хоть одинъ, которымъ Вы не могли бы съ перваго раза, съ перваго слова **овладѣть нравственно**? Ваше Величество, Вы не знаете всей своей силы. Ради Бога узнайте ее, поймите ее, увѣруйте въ нее, — тогда все для Васъ будетъ ясно, тогда всякое личное впечатлѣніе прежняго времени перестанетъ нагонять тѣнь на Ваши отношенія къ людямъ. Когда подходитъ къ Вамъ человѣкъ подумайте, что тутъ не онъ и Вы, а онъ и Россія, тогда будетъ Вамъ ясно какъ отнестись къ человѣку и что ему сказать, а Ваше всякое слово будетъ со властью и силой».

Предсѣдатель Департамента законовъ Гос. Совѣта, кн. С. Н. Урусовъ писалъ 17 ноября 1882 г.: «Дай Богъ Вамъ здоровья, многоуважаемый Константинъ Петровичъ. Съ усладительнымъ чувствомъ я прочелъ Вашу записку. Уваженіе къ нашей матери Церкви, глубокое знаніе потребностей русскаго народа, — эти качества рѣдки въ нашихъ сановникахъ. Много разочарованій Васъ ожидаетъ, и Вы сами ихъ ожидаете, но Вы готовите себѣ отрадное сознаніе, что право-славно служите Церкви и Россіи».

Въ первые годы царствованія императоръ Александръ совѣтовался иногда съ Побѣдоносцемъ касательно перемѣнъ въ составѣ правительства. Въ 1882 г. Онъ излагалъ 12 марта свое предположеніе перемѣщенія министра народнаго просвѣщенія бар. А. П. Николай и главноуправляющаго учрежденіями Императрицы Маріи И. Д. Делянова. Заканчивалъ такъ: «Если Вы раздѣляете мои соображенія, то прошу Васъ очень переговорить объ этомъ съ обоими». 16 марта послѣдовала новое назначеніе Делянова. Объ увольненіи министра внут. дѣлъ гр. Н. П. Игнатьева и замѣщеніи его министромъ государств. имуществ. М. Н. Островскимъ Государь писалъ 15 мая, спрашивая: «Какого Вы мнѣнія объ этомъ соображеніи?» Побѣдоносцевъ указалъ на гр. Д. А. Толстого, какъ на замѣстителя гр.

Игнатьева, политикѣ котораго тогда не сочувствовалъ. Въ маѣ же послѣдовало назначенiе гр. Толстого министромъ внут. дѣлъ.

Насколько Государь былъ доволенъ послѣднимъ, скончавшимся въ концѣ апрѣля 1889 г., свидѣтельствуетъ его письмо къ Побѣдоносцеву отъ 28 апр. — «... Потеря гр. Толстого для меня страшный ударъ, и я глубоко скорблю и разстроенъ. Пожалуйста, любезный Константинъ Петровичъ, составьте мнѣ проектъ рескрипта И. Н. Дурново съ назначенiемъ его не управл., а министромъ внутр. дѣлъ, что я желаю сдѣлать къ 6 мая. — Въ рескриптѣ сказать, что я надѣюсь, что онъ поведетъ дѣла въ томъ же духѣ и направленiи, какъ велъ министерство гр. Толстой, и въ смыслѣ моего манифеста 29 апр. 1881 г. — Мнѣ кажется это необходимымъ, такъ какъ начинаются уже толки и шатанiя мыслей, а надо положить конецъ этому и поставить дѣло опредѣленно и безповоротно».

Цѣня гр. Д. А. Толстого, Побѣдоносцевъ, со свойственными ему прямотой и независимостью, высказывался противъ тѣхъ его мѣропрiятiй, которымъ не сочувствовалъ. Такъ было въ отношенiи дѣтища Толстого — учрежденiя земскихъ начальниковъ. Значительно позднѣе онъ изложилъ свое мнѣнiе по этому вопросу въ письмѣ къ С. Ю. Витте, приславшаго на его заключенiе «Записку статсъ-секретаря Витте по поводу особаго совѣщанiя по дѣламъ дворянскаго сословiя». 26 марта 1898 г. онъ писалъ: «... Со времени самаго освобожденiя крестьянъ правительство какъ бы забыло о народѣ, положившись на то, что для народа все сдѣлано дарованiемъ ему свободы. А народъ сталъ нищать и падать. Потомъ, когда уже ясно стало, что съ нищетой хаосъ безправiя водворяется въ деревнѣ, принялись, увы, только за мысль обуздывать народъ. И создали учрежденiе земскихъ начальниковъ съ мыслью обуздать народъ посредствомъ дворянъ, забывъ, что дворяне одинаково со всѣмъ народомъ подлежатъ обузданiю ...».

Государь часто поручалъ Побѣдоносцеву составленiе важныхъ бумагъ и своихъ обращенiй. Для примѣра приведемъ его записку отъ 26 февраля 1884 г.: «Прошу Васъ очень, любезный Константинъ Петровичъ, составить для меня отвѣтъ Москвѣ. Обыкновенно ихъ пишетъ Танѣевъ, когда нѣтъ ничего особеннаго, но на этотъ разъ надо отвѣтить хорошо, и поэтому обращаюсь къ Вамъ. Вашъ А.».

Выше (стр. 18) приведено письмо Побѣдоносцева Государю по поводу предположеннаго разрѣшенiя оперныхъ представленiй на русской сценѣ во время Великаго поста, за исключенiемъ первой и послѣдней недѣль. Послѣдствiемъ этого обращенiя было слѣдующее письмо М-ра Императорскаго Двора, полученное имъ 4 марта 1883 г.: «Прошу Васъ вернуть мнѣ сообщенное Вамъ мной Высочайшее повелѣнiе объ открытiи Русской оперы, т. к. Его Величество изволилъ запретить русскiя представленiя во время Великаго поста. Искренно Васъ уважающiй И. Воронцовъ».

20 марта 1884 г. онъ получилъ слѣдующую записку: «Прошу Васъ очень составить проектъ манифеста ко дню совершеннолѣтія Наслѣдника. При этомъ прилагаю манифесты 1834 и 1859. А.». 26 марта: «Посылаю Вамъ въ дополненіе манифестъ на день моей присяги, хотя онъ составленъ въ совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ. А.».

Въ 1834 г. исполнилось 16 лѣтъ цесаревичу Александру Николаевичу, въ 1859 — цесаревичу Николаю Александровичу, послѣ кончины котораго приведенъ былъ къ присягѣ цесаревичъ Александръ Александровичъ.

19 апр. проектъ манифеста былъ представленъ. — «Очень Вамъ благодаренъ за составленіе проекта манифеста. Я выбралъ послѣднюю редакцію. А.» Заключительная часть манифеста, одобренная Государемъ, гласила: «Благоговѣя передъ Промысломъ Всевышняго о судьбахъ царя и царства, возвѣщаемъ о семъ радостномъ событіи нашимъ подданнымъ. Не сомнѣваемся, что всѣ единодушно соединятся съ нами въ общей усердной молитвѣ, да утвердитъ Господь юную душу первенца и наслѣдника нашего въ святыхъ обѣтахъ великаго служенія, волею Божьей ему предназначеннаго; да водворитъ въ сердцѣ его и разумѣ — правду свою и мудрость, и да осѣнитъ его благодать Божія, просвѣщающая и укрѣпляющая на всякое благое намѣреніе и правое дѣло. Уповая на милость Божію, вѣримъ, что услышана будетъ всеобщая усердная молитва».

Въ Севастополѣ 6 мая 1886 г., въ день рожденія Цесаревича Николая Александровича, спущенъ былъ, въ присутствіи Царской Семьи, первенецъ новаго русскаго флота въ Черномъ морѣ, броненосецъ «Чесма». Побѣдоносцевъ, придававшій большое значеніе флоту и работавшій въ этомъ дѣлѣ, писалъ Цесаревичу: «Радуюсь, что нынѣшняя годовщина Ваша соединена съ памятью старой и съ надеждой на новую славу русскаго флота. Да хранитъ Васъ Богъ и да благословитъ ощутить сегодня новую любовь къ отечеству и новую вѣру въ грядущія судьбы его».

Въ связи съ отстаиваніемъ правительствомъ Православія въ Прибалтійскомъ краѣ, президентъ швейцарскаго «Alliance evangelique», Эдуардъ Навиль, отправилъ императору Александру III письмо, защищая, яко-бы обижаемыхъ, лютеранскихъ пасторовъ. 18 ноября 1887 г. Побѣдоносцевъ писалъ: «Ваше Императорское Величество изволили переслать ко мнѣ изъ Даніи полученный Вами извѣстный адресъ евангелическаго союза. Можно было оставить его и вовсе безъ отвѣта, но я считалъ бы небезполезнымъ отвѣчать имъ отъ своего имени, пославъ имъ французскій переводъ моей переписки съ шафгаузенскими пасторами. Прежде чѣмъ привесть это въ исполненіе, долгомъ почитаю представить Вашему Величеству проектъ письма

моего въ русскомъ текстѣ. Присоединяю къ нему, для справки, и прежнюю переписку». Резолюція Государя: «Отвѣтъ очень хорошъ».

Въ русскомъ переводѣ эта переписка была напечатана въ «Церк. Вѣд.» и въ газетѣ «Свѣтъ» № 38 за 1888 г. Побѣдоносцевъ получилъ рядъ сочувственныхъ писемъ. Приводимъ для примѣра выдержку изъ письма писатели Ив. Палимсестова отъ 17 февр. 1888 г.: «... Я слышу голосъ какого-то вдохновеннаго пророка, верховнаго учителя, возвышающагося надъ толпой премудрыхъ и разумныхъ вѣка сего. Сколько самой честной, истинно святой правды ... Какое могучее и воодушевленное слово за православную вѣру, за родной народъ, за царство, для котораго православная церковь была защитительною силою въ теченіе цѣлыхъ девяти вѣковъ ...».

Все касающееся Россіи заботило Побѣдоносцева и его знакомили съ ея нуждами. 22 февр. 1887 г. онъ писалъ Государю: «Мнѣ извѣстно участіе, принимаемое Вашимъ Величествомъ въ судьбахъ сѣвернаго края, который глохъ и приходилъ въ запустѣніе по мѣрѣ того, какъ отнималась отъ него заботливая рука правительства. Для мѣстныхъ дѣятелей, т. е. для оживленія ихъ, чрезвычайно важно живое участіе Вашего Величества къ этому краю ...» Жалѣетъ, что архангельскій губернаторъ кн. Голицынъ не смогъ лично доложить Государю о положеніи дѣла и прилагаетъ его объяснительную записку.

Священникъ г. Ростова ярославскаго, Аристархъ Израилевъ, знатокъ церковнаго звона, изобрѣлъ приборъ, давшій возможность настраивать колокола. Побѣдоносцевъ исхлопоталъ пріемъ его Государемъ. 20 февр. 1884 г. извѣстный композиторъ, управляющій придворной пѣвческой конторой, М. А. Балакиревъ, принося благодарность Побѣдоносцеву, пишетъ: «Сейчасъ видѣлъ я о. Израилева, который въ восторгѣ отъ давешней аудіенціи. Государь очень внимательно разсматривалъ камертоны съ виднымъ интересомъ, а также и государыня. О. Израилевъ показывалъ свои звоны, и въ результатѣ государь ему выразилъ желаніе и надежду, что онъ займется настройкой колоколовъ въ Петропавловскомъ соборѣ и въ новосозидаемомъ храмѣ ...».

11 февр. 1885 г. Побѣдоносцевъ писалъ Государю: «По возвращеніи изъ Москвы я имѣлъ честь докладывать Вашему Величеству, какую пустоту производитъ начальство въ храмѣ Спасителя въ торжественные дни, закрывая для народа около 2/3 храма. Они ссылаются на то, что нельзя занимать пространство между царскимъ мѣстомъ и иконостасомъ, — хотя въ обыкновенные дни народъ наполняетъ его безпрепятственно. Въ то время Вы изволили высказать, что не находите въ томъ надобности, лишь бы царское мѣсто было ограждено. Очевидно, что все это устраивается главнымъ образомъ для парада; но едва ли сообразно съ значеніемъ храма

превратить его на эти дни въ какую-то тронную залу, и въ отсутствіи государя императора издается и приказъ по войскамъ (коего образецъ представляю при семъ), чтобы никто не проходилъ мимо царскаго мѣста. Мнѣ казалось бы приличнымъ разъяснить это недоумѣніе генералъ-губернатору отъ имени Вашего Величества. Проектъ такого разъясненія имѣю честь представить — не изволите ли одобрить его? Предполагаю дать этому дѣлу видъ общаго вопроса, возникшаго по недоумѣнію изъ разныхъ мѣстъ, — для того, чтобы кн. Долгоруковъ не принялъ письмо за внушеніе, лично до него относящееся». Резолюція Государя: «Письмо одобряю».

Въ іюлѣ 1888 г. онъ присутствовалъ въ Кіевѣ на торжественномъ праздновании 900-лѣтія Крещенія Руси. Во время парада скончался генералъ-губернаторъ А. Р. Дрентельнъ. По поводу замѣщенія этой должности Побѣдоносцевъ писалъ Государю 23 сент.: «Генералъ-губернаторъ въ Кіевѣ необходимъ. Но кого найти на мѣсто Дрентельна, кого выбрать съ полной увѣренностью? Нуженъ человѣкъ съ твердой волей, съ твердымъ, яснымъ, непоколебимымъ сознаніемъ русскихъ интересовъ въ этомъ краѣ, съ вѣрою въ русскую церковь, безъ предразсудковъ и увлеченій современнаго космополитизма, безъ своекорыстныхъ интересовъ . . .».

17 окт. 1888г. въ Боркахъ произошло сильное крушеніе поѣзда, въ которомъ слѣдовали Государь и Его Семья. По милости Божіей всѣ остались живы. Побѣдоносцевъ писалъ 20 окт.: « . . . Для Вашего Величества это — одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ дней, когда Богъ открывается человѣку въ судьбахъ его. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, смѣю думать, это такой день, когда особенно ощущается живое общеніе русскаго Царя съ народомъ, и народу потребно царское слово . . .». Приложилъ онъ образецъ манифеста, который потомъ и послѣдовалъ. 1 января 1889 г. Побѣдоносцевъ писалъ: «Я не смѣлъ сегодня тревожить Ваше Величество и государыню императрицу личнымъ своимъ поздравленіемъ, но Вы знаете, что оно неслось къ Вамъ, вмѣстѣ съ молитвой къ Богу за Васъ, на самой чертѣ новаго года. Прошлый годъ отмѣченъ для Васъ и для всей Россіи печатью неизгладимой, и память его перейдетъ изъ рода въ родъ. Оставитъ онъ навсегда свѣтлую черту въ Вашей жизни. И свѣтомъ его да озаряется навсегда предстоящій Вамъ великій трудъ. А сколько проявилось чувства въ народѣ, невозможно и выразить — намъ видимы эти проявленія въ ежедневной будничной жизни, особливо въ храмахъ, гдѣ оно выражается такъ тихо, такъ просто, но и такъ торжественно и трогательно. Благослови Боже Васъ и всѣхъ насъ въ настоящій годъ. Изъ записки Вашего Величества заключаю, что Вамъ угодно послать кн. Долгорукову отвѣтъ выразительный. Имѣю честь представить проектъ на благоусмотрѣніе Ваше». Высочайшій отвѣтъ: «Я и жена отъ души благодаримъ Васъ за Ваши чувства и душевныя поздравленія, которыя, я знаю, идутъ отъ сердца

и искреннихъ побужденій. Очень благодарю за проектъ отвѣта, который вполнѣ отвѣчаетъ настоящему событію. А.».

Манифесть гласилъ: «Московскому генералъ-губернатору князю Долгорукову. Князь Владиміръ Андреевичъ. Принесенное Вами отъ Москвы поздравленіе было особенно благопріятно нашему сердцу на исходѣ достопамятнаго года, ознаменованнаго явленіемъ великой милости Божіей. Богу угодно было, чтобы въ ужасѣ отъ угрожавшей намъ гибели и въ радости о спасеніи нашемъ открылись передъ нами и передъ цѣлымъ свѣтомъ тѣ чувства безграничной любви народной и преданности, которыя составляютъ силу Россіи, воодушевляя царя и народъ на трудные подвиги и служенія. Вступая въ новый годъ съ обновленной вѣрой въ дѣйствіе Промысла Божія надъ нами и надъ возлюбленнымъ отечествомъ, молю Бога: да управитъ судьбы наши и дѣйствія наши къ славѣ Своей и ко благу Россіи. Пребывая къ Вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный Александръ».

Знакомилъ Побѣдоносцевъ Государя съ мѣстными нуждами и передавалъ впечатлѣнія, воспринимаемыя при поѣздкахъ. Въ ноябрѣ 1886 г. онъ писалъ о возстановленіи древняго Печенгскаго мон. св. Трифона, отданнаго на попеченіе Соловецкой обители, собравшей уже 3000 руб. добровольныхъ пожертвованій на его нужды. Упоминалъ о церкви свв. кн. Бориса и Глѣба въ т. н. Пазрецкомъ погостѣ лопарскомъ, на самой границѣ Норвегіи, отрѣзанной отъ Мурманска и остальной Россіи. Самоотверженный священникъ о. Щеколдинъ получаетъ 700 р. въ годъ, тогда какъ черезъ рѣку пасторъ живетъ въ хорошемъ казенномъ домѣ и получаетъ 1700 р. Въ связи съ поѣздкой Государя на Кавказъ даетъ свѣдѣнія о древнемъ Пицундскомъ храмѣ, на закладкѣ котораго присутствовалъ имп. Юстиніанъ и о Галатскомъ соборѣ, заложенномъ грузинскимъ царемъ Давидомъ. Съ любовью отзывается о Новомъ Аѳонѣ и его игуменѣ о. Іеронѣ. — «Замѣчательное учрежденіе, благодѣтельное для цѣлаго края и въ религіозномъ и въ культурномъ отношеніи. Это — точно улей пчелъ, неутомимо работающихъ». Позднѣе — 19 марта 1894 г. — Побѣдоносцевъ ходатайствовалъ передъ Государемъ о пожертвованіи 2000 р. на ремонтъ прекраснаго древняго храма въ Ананурѣ на Кавказѣ. Отвѣтъ царя: «Съ удовольствіемъ жертвую эти 2000 р.».

Въ мартѣ 1887 г. Побѣдоносцевъ побывалъ въ Смоленскѣ и Витебскѣ. Онъ писалъ 23 іюня Государю, затронувъ сначала вопросъ о губернаторствѣ. «Распорядительный, честный и разумный губернаторъ, дѣйствующій и не боящійся отвѣтственности за каждый шагъ свой, служитъ именно теперь главною и единственною опорою порядка въ губерніи. Напротивъ того, человѣкъ неспособный, равнодушный, канцеляристъ на этой должности можетъ принести громадный вредъ, станетъ орудіемъ въ рукахъ ловкихъ и недобро-

совѣстныхъ эксплоататоровъ, коихъ всюду развелось много, и въ самый короткій срокъ можетъ произойти при немъ такая деморализація мѣстнаго управленія, которую потомъ крайне трудно поправить... Необходимы теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь дѣльные и при томъ прочные губернаторы. Къ несчастью, вошло въ обычай переводить ихъ изъ губерніи въ губернію часто, иногда черезъ годъ. А губернатору для того, чтобы вглядѣться въ свою губернію, мало одного года...». Хвалилъ онъ Смоленскаго губернатора В. Сосновскаго. Про Витебскъ онъ пишетъ: «Успенскій соборъ историческій замѣчателенъ. Здѣсь православные мѣщане убили мучителя фанатика Іоасафата Кунцевича. За это казненъ былъ цѣлый городъ. Іосафатъ возведенъ въ святые, а мѣщане присуждены разломать старый соборъ и на мѣсто его построить новый громадный...».

Б. П. Мансуровъ, однокашникъ Побѣдоносцева, въ письмѣ къ нему отъ 3 янв. 1889 г. изъ Риги, радуется назначенію членами Госуд. Совѣта Владиміра Мих. Менгдена и Петра Ив. Саломона и тому, что тотъ былъ виновникомъ перваго назначенія»: «... Любопытно замѣтить, что и на Саломонѣ и на Менгденѣ рельефно выражается истинно великое государственное значеніе прежнихъ твердыхъ и крѣпкихъ законовъ о смѣшанныхъ бракахъ. Посмотри, въ какой степени православіе и вліяніе церковнаго духа сдѣлало ихъ обоихъ вполнѣ до мозга костей русскими людьми. И какъ это сдѣлалось просто и естественно. Въ Менгденѣ и Саломонѣ сколько не ищи — не найдешь и атома, прежде принадлежавшаго ихъ семьямъ, нѣмецкаго элемента». Мансуровъ тоже былъ членомъ Гос. Совѣта.

Въ 1890 г. обозрѣвая въ іюнѣ въ Перми и Екатеринбургѣ церковно-приходскія школы, онъ попутно побывалъ на золотыхъ пріискахъ и на заводахъ, отмѣчая нѣкоторыя нужды; хвалитъ губернатора Лукошкова. Въ Полтавѣ, гдѣ онъ былъ въ томъ же году, его поразилъ убогій видъ т. н. шведской могилы, о чемъ онъ и сообщалъ 5 сент. Государю. Указываетъ, что изъ капитала особо завѣщаннаго ген. Судіенко, по повелѣнію имп. Николая I, сооружена была тѣсная церковь. Владыка Иларіонъ, теперешній епископъ полтавскій, постарался вывести это мѣсто изъ забвенія. Но нужно «достойно и праведно устроить это мѣсто въ приличномъ видѣ», по поводу чего онъ и высказываетъ предположенія.

22 іюня 1891 г. Побѣдоносцевъ дѣлится съ Государемъ своими впечатлѣніями: «Поѣздка моя въ Псковъ была крайне интересна и поучительна. Для русскаго человѣка древній русскій городъ, исполненный историческихъ воспоминаній, кажется святыней, и въ этомъ смыслѣ Псковъ — на первомъ мѣстѣ: здѣсь каждая пядь земли или полита кровью, или носитъ на себѣ слѣдъ историческихъ событій. Ѣдешь и говорятъ: здѣсь волновалось вѣче, отсюда Александръ Невскій шелъ на ледяное побоище, тутъ граждане псковскіе встрѣча-

ли Василія Ивановича — перваго рушителя псковской свободы; здѣсь юродивый Николай, съ кускомъ кроваваго мяса, остановилъ кровожаднаго Грознаго, а вотъ мощи этого юродиваго въ соборѣ; отсюда, съ колокольни, Стефанъ Баторій смотрѣлъ на приступъ 8 сентября; вотъ свѣжій проломъ, заложенный въ одну ночь псковскими гражданами и женщинами, — и такъ на каждомъ шагу. Старая псковская стѣна — поистинѣ великая святыня, подобная севастопольской, — Грозный не рѣшился двинуть свое войско, и одни граждане отстояли свой городъ, противъ цѣлой арміи перваго полководца Баторія, къ удивленію всей Европы, и на спасеніе всей Руси, ибо еслибъ не устоялъ Псковъ, не устоять бы и Москвѣ. И это спасеніе приписалъ народъ не себѣ, а заступничеству Матери Божіей, — въ отчаянную минуту, когда враги ворвались уже въ городъ и спасенія не было, пронесли по стѣнамъ древнюю икону Печерскую, вынесли изъ собора мощи Всеволода-Гавріила — «князь святой, самъ спасай свой городъ». И чудо совершилось, — мужики, женщины и дѣти прогнали сильныхъ рыцарей. Все это помнитъ народъ съ горячей молитвой, и ежегодно съ 15 октября совершается великое торжество въ память осады — крестный ходъ изъ Печерскаго монастыря вокругъ стѣнъ всего города, со вселенскою панихидою у пролома, и тутъ же празднуется другое избавленіе Пскова въ 1812 году, тоже приписываемое чуду великой милости Божіей». Указываетъ онъ на необходимость реставраціи древняго Спасо-Мирожскаго монастыря.

Побѣдоносцевъ писалъ 22 марта 1893 г.: «Благоволите, Ваше Величество, принять новую книжку, мною изданную безъ имени автора. Все, что помѣщено здѣсь, писано мною въ счастливую пору моей жизни, когда я жилъ безъ заботъ, тихо и незнаемый людьми, въ Москвѣ, въ родительскомъ домѣ. Благочестивые родители съ дѣтства пріучили меня къ Церкви, и свои церковныя впечатлѣнія я писалъ для себя. Эти старые листки, никому, кромѣ меня самого, неизвѣстные, захотѣлъ я собрать и напечатать, покуда живъ еще, безъ имени автора. Когда эти строки дойдутъ до Вашего Величества, настанетъ уже Пасха. Дай Богъ Вамъ встрѣтить праздникъ посреди цвѣтущей природы (въ Крыму Н. Т.), въ радости и должномъ здоровьи. Христосъ Воскресъ».

«Эти старые листки», писанные, когда автору ихъ минуло 30 лѣтъ, напечатаны были, какъ можно полагать, подъ названіемъ «Праздники Господни». Замѣчательное произведеніе это насыщено религіозностью, церковностью, проникнуто разумомъ и изложено художественно чистымъ русскимъ языкомъ, безъ коверкающихъ его ненужныхъ иностранныхъ словъ.

Въ Царскомъ-Селѣ 21 іюня 1892 на Побѣдоносцева напалъ нѣкій Владиміръ Гіацинтовъ, ученикъ 5 класса псковской семинаріи. Извѣстивъ объ этомъ сразу Государя, онъ затѣмъ писалъ 23 іюня:

«Въ дополненіе къ прежде изложенному, спѣшу къ отъѣзду курьера прибавить, что слѣдствіе о покушеніи на меня производится. Молодой человѣкъ возбуждаетъ крайнюю жалость, весь больной, истомленный и, какъ видно, слабоумный, разстроенный нервами... Пролежавъ 2 1/2 мѣсяца въ больницѣ, онъ прямо оттуда пошелъ на покушеніе. Если онъ служилъ притомъ орудіемъ стороннихъ внушеній, то спрашивается, откуда они явились, — во Псковѣ ли еще или въ больницѣ?».

Въ январѣ 1894 г. Побѣдоносцева очень волновала болѣзнь императора Александра III, о развитіи которой онъ подробно извѣщалъ вел. кн. Сергѣя Александровича. Государь чувствовалъ себя не хорошо съ Рождества, перемогался; наконецъ его уговорили лечь въ постель. 19 янв. опредѣлился плевритъ и легкое было слегка затронуто. Изъ Москвы вызванъ былъ Захарьинъ, тогдашняя медицинская знаменитость. — «Станемъ молиться Богу. Я написалъ вчера о. Іоанну въ Кронштадтъ, чтобы молился. Будемъ надѣяться на милость Божію». Письмо отъ 24 янв. спокойнѣе.

9 апр. 1894 онъ писалъ Государю: «Сегодня въ городѣ распространился слухъ, повидимому, изъ вѣрныхъ источниковъ, что рѣшено благополучно дѣло о супружествѣ Наслѣдника Цесаревича. Если это правда — чего дай-Боже, спѣшу отъ всей души поздравить Ваше Императорское Величество. Радость будетъ великая для всѣхъ и со многихъ вѣрныхъ душъ снимется тяжкая забота, и отовсюду поднимутся молитвы, да увѣнчаетъ Господь счастливымъ исходомъ начало драгоцѣннаго дѣла». — «Радость и успокоеніе для насъ большое. Да благословитъ ихъ Господь — Сердечно благодарю».

Изъ Сергіевой пустыни 16 апр. слѣдовало письмо: «Дай Богъ свѣтлой радости Вашимъ Иператорскимъ Величествамъ на Свѣтлый Праздникъ. Христосъ Воскресъ. Всѣ мы особливо нынѣ радуемся. Новая заря открывается для Васъ и для Россіи. Молимся, о, когда бы нареченная невѣста Цесаревича поняла и полюбила Россію и Церковь нашу, и народъ нашъ, и вошла бы всей душой въ предстоящее ей великое дѣло. И когда войдетъ она въ семью, да прибавится съ нею Вамъ и всѣмъ намъ новая радость и новая надежда». — «Воистину Воскресе. Сердечно благодарю и да услышитъ Господь Ваши желанія и да будетъ невѣста сына радостью и утѣшеніемъ Россіи и насъ всѣхъ».

11 апр. Побѣдоносцевъ писалъ вел. кн. Сергѣю Александровичу, супруга котораго, вел. кн. Елисавета Θеодоровна, была сестрой невѣсты:

« Если она умна, если душа у нее живая, конечно, въ душѣ у ней теперь масса представленій, вопросовъ, ожиданій, гаданій о невѣдомой области, въ которую она вступаетъ. Первое появленіе ея здѣсь не можетъ быть такъ обставлено, какъ появленіе бывшей цесаревны

Дагмары, которую давно ждалъ и чаялъ, и зналъ народъ, потому что ей предшествовала поэтическая легенда, соединенная съ памятью усопшаго цесаревича, — и день ея въѣзда былъ точно поэма, пережитая и воспѣтая всѣмъ народомъ. Но и этой новой цесаревнѣ гладкая и свѣтлая дорога въ Россію, и навстрѣчу ей понесутся надежды живыя и крѣпкія. Образъ нынѣшняго государя, тогда цесаревича, былъ и тогда извѣстенъ — и онъ былъ связанъ съ тою же поэтической легендой умирающаго брата и друга. Нынѣшній цесаревичъ въ тѣни, и образъ его блѣденъ въ представленіи народномъ, совсѣмъ блѣденъ. Тѣмъ живѣе выступитъ теперь образъ его невѣсты, и пока не узнаютъ его, на ней будутъ держаться надежды народныя. О, когда бы она оправдала ихъ! О, когда бы она сумѣла, выйдя изъ нѣмецкой среды, понять духъ нашъ и полюбить народъ нашъ и съ нимъ нашу Церковь, подобно тому, какъ вошла въ нашъ духъ милая, незабвенная Мать Ваша, покойная императрица. Кто сумѣетъ осторожно и ласково и духовно ввести ее въ это пониманіе и въ это чувство! Кто сумѣетъ германскую культуру перелить въ культуру русской вѣрующей души и показать ей смыслъ всего прошедшаго и всего настоящаго въ томъ смѣшеніи красоты съ мелочью и пошлостью, которое представляетъ намъ окружающая жизнь. Конечно, первые шаги ея будутъ подъ кормиломъ Вашимъ и великой княгини. Слышу, что она умна. Но ей потребуется много, много такта и осторожности, чтобы найтись и утвердить свое положеніе посреди извѣстной Вамъ обстановки двора. Тутъ предстоитъ и ей, и ему много затрудненій, и, можетъ быть, искушеній. Благослови Боже доброе начало, дай Богъ увѣнчать миромъ и любовью и дружествомъ мысли и воли въ новомъ союзѣ. Вотъ наше горячее желаніе и молитва наша . . .».

Тяжко переживалъ Побѣдоносцевъ угасаніе въ Крыму столь любимаго имъ императора Александра III. Въ опасности положенія, могъ онъ убѣдиться, находясь въ сентябрѣ въ Ливадіи. 23 сент. онъ извѣщалъ вел. кн. Сергѣя о предположеніи отправить больного царя на о. Корфу, о вызовѣ изъ Берлина извѣстнаго нѣмецкаго врача Лейдена. 20 октября 1894 г. Государъ скончался. Памяти Его Побѣдоносцевъ посвятилъ рѣчь, произнесенную 26 февр. 1895 г., въ присутствіи императора Николая II, въ засѣданіи Историческаго общества.

---

14 ноября 1894 г. состоялось бракосочетаніе Государя. Радостно поздравивъ его, Побѣдоносцевъ пишетъ на слѣдующій день: «Примите, Ваше Величество, сердечную мою благодарность за то, что къ этому дню вспомнили Вы меня подаркомъ, который дорогъ для меня — портретомъ усопшаго Родителя Вашего: Вы знаете, какъ я люблю Его. Вотъ въ эту минуту вспоминаю живо и такъ грустно, какъ въ день Его свадьбы, 28 лѣтъ тому назадъ, встрѣтилъ я его и обнялъ въ Георгіевскомъ залѣ».

Въ первые годы своего царствованія императоръ Николай Александровичъ совѣтовался иногда съ Побѣдоносцевъ и тотъ иногда писалъ Ему. Такъ, въ связи со студенческими безпорядками, онъ писалъ 22 мая 1899 г.: «... Что такое у насъ общество? Смѣшеніе лицъ принадлежащихъ къ такъ называемой интеллигенціи, очень пестрое, шатающееся во всѣ стороны, смѣшеніе чиновниковъ съ праздной толпой обывателей мужчинъ и женщинъ. Это общество въ Россіи всегда было такимъ, какимъ дѣлало и руководило имъ власть правительства. Когда власть стояла и дѣйствовала на твердыхъ началахъ, тогда не шаталось и общество.

Всѣ знали твердо, безъ колебаній, что будетъ позволено правительствомъ и чего власть ни въ какомъ случаѣ не потерпитъ. Хотя бы власть безмолвствовала, всѣ знали, чего отъ нея слѣдуетъ ожидать и въ подобномъ случаѣ. Нынѣ этой увѣренности нѣтъ, и отъ того все шатается ... Вашему Величеству извѣстно, что иные гостинныя и кабинеты великихъ князей стали мѣстомъ всякихъ толковъ, отражая въ себѣ легкомысленное волненіе общества ...»

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Побѣдоносцевъ не сочувствовалъ предполагавшейся отдачѣ виновныхъ студентовъ на военную службу. На этомъ еще въ 1898 г. особенно настаивалъ Витте. А. С. Суворинъ, редакторъ-издатель «Новаго Времени», записалъ въ своемъ дневникѣ, что при обсужденіи этого вопроса въ Комитетѣ министровъ, Побѣдоносцевъ, заявилъ: «Нѣтъ, Сергѣй Юльевичъ, такъ нельзя».

По почину императора Николая II, проявленному въ его обращеніи къ иностраннымъ державамъ (нота министра иностр. дѣлъ гр. М. Н. Муравьева 12/24 авг. 1898 г.) въ Гаагѣ съ 6/18 мая по 17/29 іюля 1899 г., засѣдала мирная конференція, обсуждавшая вопросы объ ограниченіи вооруженій и обязательномъ арбитражѣ. Однимъ изъ представителей Россіи былъ извѣстный профессоръ международнаго права Ѳ. Ѳ. Мартенсъ. 14 сент. 1899 г. Побѣдоносцевъ писалъ Государю: «Думаю, что интересно будетъ Вашему Величеству прочесть, что пишетъ мнѣ г. Мартенсъ изъ Парижа: «... Обращаясь къ Гаагской конференціи, я не могу не сказать, что ея результаты далеко превзошли мои надежды. Я не скрывалъ моего скептическаго отношенія къ этому дѣлу. Ближайшій поводъ созыва, разумѣется, не былъ уваженъ, и высокая цѣль всеобщаго или частичнаго разоруженія не была достигнута. Однако, въ первый разъ мысль о желательности извѣстнаго ограниченія вооруженій была съ высоты престола поставлена какъ предметъ для серьезнаго обсужденія. Въ этомъ заключается несомнѣнная и положительная заслуга. Съ другой стороны, конференція заняла почетнѣйшее мѣсто въ исторіи международныхъ отношеній ...» Согласно мнѣнію Мартенса, — «Ни Вѣна 1815, ни Парижъ 1856 и еще менѣе Берлинъ 1878 г. не могутъ сравниться съ Гаагской конференціей ...»

Черезъ 22 года послѣ этого письма, въ Вашингтонѣ собралась 9 ноября 1921 г. конференція по вопросу о морскихъ вооруженіяхъ. Президентъ Гардингъ, въ своей вступительной рѣчи, сказалъ: «Предложеніе ограничить вооруженія путемъ соглашенія между державами — не ново. При этомъ случаѣ, быть можетъ, умѣстно вспомнить благородныя стремленія, выраженныя 23 года назадъ въ рескриптѣ Его Величества Императора Всероссійскаго». Приведя почти цѣликомъ «ясныя и выразительныя» слова русской ноты 12/24 августа, Гардингъ добавилъ: «Съ такимъ сознаніемъ своего долга Его Величество Императоръ Всероссійскій предложилъ созывъ конференціи, которая должна была заняться этой важной проблемой».

Въ дневникѣ статсъ-секретаря А. А. Половцева 24 марта 1905 г. записаны слова Побѣдоносцева: «... Въ первые два года, когда меня изрѣдка спрашивали, я давалъ отвѣтъ, по крайнему моему разумѣнію, прямой и открытый. А затѣмъ меня уже не спрашивали. Я вѣдалъ только дѣло моей должности, по ввѣренному мнѣ вѣдомству ...».

Но иногда онъ рѣшался давать совѣты. Такъ, въ письмѣ отъ 8 апр. 1902 г., онъ выдвинулъ на постъ министра народнаго просвѣщенія попечителя варшавскаго учебнаго округа А. Н. Шварца: «Долженъ сказать, что я не знаю его лично, но всѣ отзывы о немъ лицъ, знающихъ его **на опытѣ**, согласно изображаютъ его человѣкомъ не только просвѣщеннымъ, но и опытнымъ педагогомъ, заявившимъ себя и спокойствіемъ, и твердостью, и тактичностью въ обращеніи. Объ немъ въ особенности можетъ свидѣтельствовать министръ юстиціи Муравьевъ, знающій его близко по межевому институту, коимъ онъ управлялъ и откуда провожали его съ сожалѣніемъ. Эту мысль мою долгомъ считаю въ тяжкое наше время не умолчать передъ Вашимъ Величествомъ». Шварцъ получилъ назначеніе 1 янв. 1908.

С. Ю. Витте прислалъ 20 авг. 1898 г. Побѣдоносцеву свой отзывъ: «Объясненія министра финансовъ на записку министра внутр. дѣлъ о политическомъ значеніи земскихъ учрежденій». При этомъ онъ писалъ: «Позволяю себѣ препроводить Вамъ мои объясненія на записку Министра Внутр. Дѣлъ по поводу земскихъ учрежденій вообще и желаніи наградить ими всю Россію въ частности ....». Побѣдоносцевъ отвѣчаетъ, что не вполнѣ удовлетворенъ сказаннымъ имъ. — «... Земскія учрежденія въ нынѣшнемъ видѣ вносятъ въ отправленія государственныя безнравственныя начала безотвѣтственности, разрушая сознаніе долга и необходимую опредѣленность и способность къ учету хозяйственныхъ операцій (существенное зло, о значеніи коего можно сказать болѣе, чѣмъ у Васъ сказано). Слѣдовательно, съ такимъ состояніемъ — разложенія матеріальнаго и нравственнаго — государственная мысль не можетъ помириться, слѣдовательно, потребно — не только остано-

вить дальнѣйшее территоріальное развитіе такого учрежденія, но необходимо исправить и поставить на вѣрную почву».

Тому же Витте, тогда предсѣдателю Комитета министровъ, все болѣе начинавшему либеральничать, онъ, съ опредѣленностью, высказалъ въ письмѣ отъ 25 дек. 1904 г.: «Вы боитесь ближайшаго будущаго. Мало сказать боюсь. Я чувствую, что обезумѣвшая толпа несетъ меня съ собою въ бездну, которую я вижу передъ собой, и спасенія нѣтъ. Вы боитесь! Но если такъ, то зачѣмъ Вы помогаете этой толпѣ нестись безъ оглядки? Я ужаснулся, прочитавъ вечеромъ Ваше предложеніе о печати, и не могъ заснуть. Развѣ Вы не видите, что наша печать — не что иное какъ гнусный сбродъ безъ культуры, безъ убѣжденія, безъ чести, и орудіе нравственнаго разврата въ рукахъ враговъ всякаго порядка? И Вы предлагаете снести разомъ всѣ предупредительныя мѣры, оставивъ лишь призракъ какой-то кары, бездѣйственной и безплодной, дающей только поводъ къ возбужденію новой смуты. Вѣдь эта печать разнесетъ ядъ свой во всѣ углы до послѣдней деревни и вконецъ развратитъ душу народную».

Графъ Витте, творецъ русской «конституціи», столь ненавистной прозорливому уму Побѣдоносцева, все же такъ отозвался о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «10 марта (1907 г.) умеръ Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ. Это былъ послѣдній могиканъ старыхъ государственныхъ воззрѣній, разбитыхъ 17 октября 1905 г. Но, тѣмъ не менѣе, какъ я уже имѣлъ случай говорить, это былъ, дѣйствительно, очень крупный могиканъ. К. П. Побѣдоносцевъ былъ рѣдкій государственный человѣкъ по своему уму, по своей культурѣ и по своей личной незаинтересованности».

Однокашникъ Побѣдоносцева по Правовѣдѣнію (пятью выпусками моложе), А. А. Половцовъ, будучи государственнымъ секретаремъ, въ дневникѣ своемъ подъ 13 мая 1878 г., считаетъ перваго неподходящимъ для занятія должности министра юстиціи. Онъ выдвигался тогда въ качествѣ преемника гр. Палена. Недостатками его онъ считалъ прежде всего то, что «онъ всей душой принадлежитъ къ правовѣдскому товариществу», что побуждаетъ его всюду продвигать правовѣдовъ. Настроеніе ума Побѣдоносцева признаетъ чисто критическимъ, а не созидательнымъ (писалось это до той большой созидательной работы, которую тотъ провелъ въ послѣдующую четверть вѣка Н. Т.). Главный же недостатокъ Побѣдоносцева, тогда еще не оберъ-прокурора Св. Сѵнода, заключался, по мнѣнію этого виднаго представителя высшаго чиновничества 60 и 70-хъ годовъ, далекаго отъ Церкви, въ слѣдующемъ: «...Сверхъ того Побѣдоносцевъ — заклятый клерикалъ. Внѣшняя сторона религіи составляетъ для него поприще особенно привлекательной и неугомонной дѣ-

ятельности, а попы, ихъ занятія, ихъ слабости и недостатки — предметъ отмѣнной его симпатіи. Это направленіе у насъ въ Россіи не менѣе вредно чѣмъ въ другихъ государствахъ . . .». Начинается же эта запись такимъ отзывомъ о немъ: «Онъ, несомнѣнно, человѣкъ умный, въ высшей степени образованный и спеціально ученый по гражданскому праву, безукоризненный, трудолюбивый».

Левъ Тихомировъ, искренно покаявшійся крайній революціонеръ, ставшій научнымъ обоснователемъ Самодержавія, такъ, въ своемъ дневникѣ, отозвался 11 марта на кончину выдающагося государственнаго мужа: «Вчера скончался К. П. Побѣдоносцевъ. Ночь. Ничего уже не составлялъ старикъ и всетаки его смерть отзывается какимъ то сигналомъ. Умеръ, «умеръ великій Панъ» — конецъ всему старому. Novum nascitur ordo! Что же за новый строй? Въ старомъ была идея, стройная, цѣлая, организаторская. Гдѣ же она въ новомъ? Это какое-то абсолютное «безпринципіе»: ни монархія, ни демократія, не царство личности, не соціализмъ, не что-либо свое, не послѣдовательное обезьяничаніе чужого, не мышенокъ, не лягушка, а невѣдомый звѣрушка. Рождается строй безъ плана, безъ идеи, безъ всякихъ исходныхъ пунктовъ, безъ великихъ цѣлей . . . Говоря попросту, какая то «мразь», нѣчто съ младенчества старческое . . .».

Въ статьѣ «Подлинный Побѣдоносцевъ», связанной съ настоящей, говорилось о печатныхъ трудахъ Побѣдоносцева. Приведемъ другіе отзывы о «Московскомъ Сборникѣ». Въ немъ, отмѣчаетъ «Полный Прав. Богословскій Энциклопед. Словарь», авторъ «съ неумолимой логикой развѣнчиваетъ кумиры зап.-европейской культуры и государственнаго строя и создаетъ зданіе національно- русскихъ идеаловъ». Журналъ «Русскій Вѣстникъ», въ статьѣ «Итоги государственной мудрости» (1896 г.) пишетъ: «Наконецъ изъ «Сборника» К. П. Побѣдоносцева, помимо другихъ поученій, внимательный читатель, вынесетъ поученіе, особенно цѣнное по нынѣшнему времени. Онъ увидитъ, что авторъ прекрасно знакомъ со всѣми модными теоріями, со всѣмъ «послѣдними словами науки», и эти теоріи и слова ни мало не повліяли на его христіанское міросозерцаніе, потому что онъ сумѣлъ оборотить къ себѣ ихъ вопіюще-лживою и въ то же время существенно важною стороною . . . К. П. Побѣдоносцевъ воскрешаетъ въ своей книгѣ забытые пріемы, утраченные навыки. Онъ ведетъ читателя прямымъ путемъ, не увлекается парадоксами и софизмами, не боится «новыхъ кумировъ». Мы совершенно согласны съ мнѣніями высокоталантливаго автора; но если бы даже мы въ чемъ-либо и не согласились съ нимъ, то и въ такомъ случаѣ для насъ все же было бы очевидно, что каждое его слово — слово непоколебимаго убѣжденія. Такимъ именно долженъ быть политическій писатель и государственный человѣкъ. Дай Богъ, чтобы представляемыя имъ въ этихъ областяхъ традиціи пришлись по плечу хотя немногимъ представителямъ грядущаго поколѣнія!»

Мудрый К. П. Побѣдоносцевъ, обличавшій издавна ложь конституціоннаго строя и не желавшій истиннымъ русскимъ людямъ дожить до осуществленія его, — смогъ, на примѣрахъ 1 и 2 Гос. Думъ. убѣдиться въ своей правотѣ. Но, къ счастью для него, онъ не дожилъ до того страшнаго времени, когда послѣдняя — 4-ая Дума, — подготовивъ революцію, возглавила начавшій ее бунтъ запасныхъ солдатъ столичнаго гаризона. Рухнувшій конституціонный строй, оказавшійся для революціи переходной стадіей, смѣненъ былъ преступной безбожной властью, которая до сего дня держитъ въ цѣпяхъ несчастный русскій народъ.

Широкое сердце К. П. Побѣдоносцева.

(къ 50-лѣтію со дня его кончины).

"Вы были человѣкъ сердца добраго и снисходящаго..."
Еп. Антоній (Храповицкій).

«Полный Православный Богословскій Энциклопедическій Словарь», оцѣнивая дѣятельность Побѣдоносцева, какъ оберъ-прокурора, пишетъ, что все сдѣланное при немъ въ церковной области, «обязано его вліянію, таланту и иниціативѣ». Далѣе говорится: «Особенное вниманіе онъ обратилъ на образованіе народа въ духѣ преданности Царю и Церкви. Церковно-приходская школа въ полномъ смыслѣ слова была обязана своимъ появленіемъ и развитіемъ К. П. По его стараніямъ въ распоряженіе духовнаго вѣдомства были отпущены большія средства для развитія церковно-приходскихъ школъ и церковнаго просвѣщенія народа. Не менѣе былъ озабоченъ К. П. вопросомъ объ улучшеніи матеріальнаго быта духовенства. И въ этомъ отношеніи имъ было сдѣлано очень много. Благодаря ему изъ государственнаго казначейства былъ значительно увеличенъ отпускъ суммъ на жалованье духовенству, а въ 1902 г. былъ изданъ уставъ о пенсіяхъ духовенству. Его желаніемъ было, чтобы духовенство, окрѣпнувъ матеріально и освободившись отъ принижающаго гнета нужды, заняло въ общественномъ и государственномъ строѣ то мѣсто, которое отвѣчаетъ его дѣйствительному значенію». Отмѣчается учрежденіе новыхъ епархій, приходовъ и устройство при возникавшихъ женскихъ обителяхъ школъ и благотворительныхъ учрежденій для окрестнаго населенія. Пересмотрѣны были уставы и штаты духовно-учебныхъ заведеній. Стараніями Побѣдоносцева особенно развилось церковно-книжное издательство.

Большую цѣнность представляетъ оцѣнка Побѣдоносцева владыкой Антоніемъ (Храповицкимъ), тогда епископомъ волынскимъ, изложенная въ письмѣ къ нему въ началѣ ноября 1905 г., вскорѣ послѣ оставленія первымъ своего поста. Владыка подчеркиваетъ, при этомъ, свое расхожденіе съ нимъ по нѣкоторымъ вопросамъ и то, что не разъ навлекалъ онъ на себя неудовольствіе оберъ-прокурора. Приводимъ выдержки изъ письма, начинающагося такъ: «Я откладывалъ со дня на день сіе начертаніе вамъ русскаго слова прощайте и спасибо, сомнѣваясь въ томъ, доставляю ли Вамъ удовольствіе или напротивъ — непріятное чувство. Однако, наглыя выходки газетъ, которыя хотятъ свести на ничто Вашу высоко-цѣнимую патріоти-

ческую и народную дѣятельность, побуждаютъ меня все-таки исполнить требованія своего сердца и высказать Вамъ свое высокое уваженіе и благодарность... Я чтилъ въ Васъ христіанина, чтилъ патріота, чтилъ ученаго, чтилъ труженика. Я сознавалъ всегда, что просвѣщеніе народа въ единеніи съ церковью, начатое въ 1884 г. исключительно благодаря Вамъ и Вами усиленно поддерживавшееся до послѣдняго дня Вашей службы, есть дѣло великое, святое, вѣчное, тѣмъ болѣе возвышающее Вашу заслугу Церкви, престолу и отечеству, что въ этомъ дѣлѣ Вы были нравственно почти одинокимъ. Вы не были продолжателемъ административной рутины, какъ желаютъ представить Ваши жалкіе, бездарные критики. Напротивъ, Вы подымали цѣлину жизни и быта, брались за дѣла, нужныя Россіи, но до Васъ администраціи невѣдомыя. Первое — дѣло церковно-приходскихъ школъ Вы такимъ образомъ подняли и вынесли на своихъ плечахъ. Второе — приближеніе духовной школы къ духовнымъ нуждамъ народа, къ жизни Церкви, — Вы старались выполнить, но здѣсь наткнулись на слишкомъ неодолимую двухвѣковую косность самоувѣренной и схоластической сословной громады... Вы подняли надъ грамотной Россіей свѣтъ Божественной Библіи, распространили слово Божіе по дешевой цѣнѣ, на всѣхъ нарѣчіяхъ православныхъ племенъ Россіи и иныхъ отдаленныхъ странъ...».

Яркимъ подтвержденіемъ справедливости сказаннаго является письмо Побѣдоносцева императору Александру III отъ 21 января 1887 г.: «Въ особенныхъ случаяхъ я позволяю себѣ утруждать Ваше Величество просьбами о поощреніи школьныхъ учрежденій присылкою иконъ отъ имени Вашего. Этотъ знакъ Высочайшаго вниманія къ усердію мѣстныхъ дѣятелей въ такомъ важномъ дѣлѣ имѣетъ великое значеніе и благодѣтельную силу, особливо въ такихъ мѣстахъ, гдѣ русскому и церковному элементу приходится бороться съ иновѣрными и инородческими вліяніями. А гдѣ находятся усердные и энергическіе дѣятели, тамъ учрежденіе приходскихъ школъ производитъ поразительное дѣйствіе. Въ самое короткое время преобразуется бытъ и настроеніе крестьянъ, и въ самые дикіе углы проникаетъ свѣтъ и осмысленность. Я считаю великимъ дѣломъ — отыскивать такія явленія (большею частью въ глухихъ мѣстахъ) и тотчасъ же обращать на нихъ вниманіе. Видя это, мѣстные дѣятели получаютъ нравственную опору, и примѣръ ихъ вызываетъ другихъ на подражаніе».

«Съ этой цѣлью я посылаю отъ времени до времени для объѣздовъ по селамъ состоящаго при мнѣ толковаго человѣка обозрѣвать начинающееся школьное дѣло. Такъ объѣхалъ онъ лѣтомъ Сѣв. Зап. край, а осенью — Кіевскую, Волынскую и Подольскую губерніи. Этимъ путемъ добываются драгоцѣнныя свѣдѣнія и завязыва-

ются живыя связи. Такъ, напримѣръ, недавно въ глуши Таращанскаго у. Кіевской губ., посреди тьмы невѣжества, пьянства, въ средѣ зараженною штундою, отыскались 3 молодыхъ священника, невѣдомые своему начальству, въ нуждѣ и униженіи работающіе съ утра до ночи надъ просвѣщеніемъ темной массы, — одинъ изъ нихъ, напримѣръ, успѣлъ въ 2 года искоренить штунду въ своемъ приходѣ, — и эти люди, имѣя по 5-6 человѣкъ дѣтей, да еще бѣдныхъ родныхъ на рукахъ, должны существовать съ семьей на какіе-нибудь 200 рублей въ годъ и истощаются въ голодѣ и холодѣ. Если человѣкъ такой не корыстенъ, то положеніе его ужасно. Такъ, священникъ, о коемъ идетъ рѣчь, за требы не беретъ. Доходовъ въ церкви бываетъ отъ 3 до 13 копѣекъ въ большіе праздники. Были три свадьбы, — за двѣ ничего не дали, за третью дали 55 копѣекъ (это тамъ, гдѣ есть сектанты, въ обыкновенныхъ же условіяхъ даютъ за свадьбу отъ 10 до 15 руб.)».

«Можно себѣ представить, какъ важно для такого труженника получить пособіе во-время, а никто не даетъ ему. Узнавая такіе случаи, я посылаю имъ, что можно, — къ счастью, имѣются для того кое-какія средства изъ денегъ, пожертвованныхъ Кенигомъ и другими благодѣтелями. Такъ напримѣръ, этимъ тремъ священникамъ послано къ празднику 250 рублей, и они ожили духомъ».

«Прошу прощеніе за это предисловіе къ моей просьбѣ. Она состоитъ въ слѣдующемъ. Въ Могилевской губ., въ Климовецкомъ у., есть молодой помѣщикъ Мещерскій. Живя въ деревнѣ безвыѣздно, оно со всѣмъ жаромъ принялся за школьное дѣло и въ короткое время достигъ замѣчательныхъ успѣховъ (прилагается краткая о семъ записка). Узнавъ о семъ случайно, я посылалъ къ нему людей, старался доставлять ему пособія. Теперь дѣло его растетъ. Дѣтей узнать нельзя, — изъ нихъ составились цѣлые хоры пѣвцовъ, вслѣдъ за дѣтьми преобразуются родители. Дѣйствіе школы распространяется дальше и дальше по уѣзду».

«Дѣло это вполнѣ заслуживаетъ милостиваго вниманія Вашего Величества. Не благоволите ли и на этотъ разъ пожаловать икону отъ имени Вашего въ центральную школу Милославичей. Это придастъ новую силу всему движенію».

Заботливость Побѣдоносцева распространяется на все. Узнаетъ онъ, что, по докладу министра Императорскаго Двора, гр. А. В. Адлерберга, Высочайшимъ повелѣніемъ прекращены пособія, выдававшіяся покойной императрицей Маріей Александровной. Осуждая эту мѣру, онъ 16 ноября 1880 г., въ видѣ примѣра, указываетъ Цесаревичу Александру Александровичу на сельскую больницу, содержимую Бакуниной, старѣйшей сестрой милосердія въ Россіи,

проживающей въ Севастополѣ. Прилагаетъ ея письмо, въ которомъ она проситъ Цесаревну о пособіи въ размѣрѣ 100 р. «Когда изволите прочесть его, увидите, что на эту небольшую сумму можно сдѣлать много добра посреди сельскаго населенія . . .».

Весной 1881 г. Побѣдоносцевъ получилъ слѣдующее письмо: «Ваше Высокопревосходительство, Милостивый Государь Константинъ Петровичъ. Позвольте въ трудномъ случаѣ жизни обратиться къ Вашему благосклонному содѣйствію. Хотя дѣло, сущность котораго Вы изволите узнать изъ нижеслѣдующаго, ничего не имѣетъ общаго съ подчиненнымъ Вамъ вѣдомствомъ, но я потому именно Васъ рѣшился просить быть моимъ ходатаемъ предъ Его Императорскимъ Величествомъ, что во 1-хъ, Вы единственный изъ приближенныхъ къ Государю чиновниковъ, которому я имѣю честь быть лично извѣстнымъ, а во 2-хъ — я знаю, какъ Вы добры, снисходительны, и потому надѣюсь, что Вы извините смѣлость, съ которой своимъ личнымъ маленькимъ дѣломъ я дерзаю хотя и на нѣсколько минутъ отклонить Ваше вниманіе отъ государственныхъ занятій Вашихъ.

Просьба моя состоитъ въ нижеслѣдующемъ. Дабы выйти изъ самыхъ сложныхъ, затруднительныхъ обстоятельствъ, отравляющихъ мою жизнь до того, что я не въ состояніи отдаваться дѣлу, которому посвятилъ всю свою жизнь, мнѣ нужна очень крупная сумма въ три тысячи рублей сер. Сумма эта освободила бы меня отъ долговъ (сдѣланныхъ по необходимости какъ моей собственной, такъ и нѣкоторыхъ моихъ близкихъ) и возвратила бы мнѣ тотъ душевный миръ, котораго жаждетъ душа моя.

Между тѣмъ, какъ небезизвѣстно Вашему Высокопревосходительству, въ прошедшемъ сезонѣ на двухъ императорскихъ сценахъ были поставлены двѣ мои оперы («Евгеній Онѣгинъ» въ Москвѣ и «Орлеанская Дѣва» въ Петербургѣ), обѣ съ значительнымъ успѣхомъ, дающимъ мнѣ основанія надѣяться, что онѣ, по возобновленіи театральной дѣятельности, останутся въ текущемъ репертуарѣ. Какъ авторъ, я получаю установленную закономъ поспектакельную плату. Но мнѣ придется еще долго ждать, пока накопится потребная сумма, а именно ждать-то мнѣ и трудно. И вотъ меня осѣнила мысль дерзнуть просить Государя, чтобы онъ повелѣлъ изъ казенныхъ суммъ выдать мнѣ три тысячи рублей серебромъ заимообразно, т. е. чтобы долгъ мой казнѣ постепенно погашался причитающейся мнѣ изъ дирекціи императорскихъ театровъ поспектакельной платой. Если бы я зналъ хотя одно частное лицо, могшее бы снабдить меня нужными мнѣ деньгами на тѣхъ же условіяхъ, то не осмѣлился бы обратиться къ нашему всемилостивѣйшему Государю, но такого лица

среди знакомыхъ моихъ нѣтъ. Кромѣ того я выскажу Вамъ откровенно, почему у меня хватило смѣлости рѣшиться на этотъ шагъ. Мнѣ передавали, что будто бы Государь изволилъ однажды въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ отозваться о моихъ музыкальныхъ трудахъ. Я не имѣю основанія не вѣрить этому счастливому для меня обстоятельству, и вотъ, ободренный безконечно лестнымъ вниманіемъ Его Величества къ моей музыкѣ, я рѣшился просить Его оказать мнѣ милость. Послать мою просьбу непосредственно къ Государю по почтѣ я не смѣю, ибо не знаю даже, прилично ли въ письмѣ на имя Царя, всецѣло преданнаго заботамъ о государствѣ, излагать во всей подробности столь ничтожное личное дѣло. Да можетъ быть и самая просьба моя неумѣстна и неприлична. Я осмѣлюсь просить Васъ, многоуважаемый Константинъ Петровичъ, предварительно разрѣшить этотъ послѣдній вопросъ, или дать моему ходатайству соотвѣтственный ходъ, или же откровенно посовѣтовать мнѣ воздержаться отъ попытки безпокоить своею просьбою Государя. Прилагаю при семъ вкратцѣ изложенную сущность моего ходатайства передъ Его Императорскимъ Величествомъ. Убѣдительно прошу Ваше Высокопревосходительство простить мнѣ смѣлость, съ которой я позволилъ себѣ утруждать Васъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ прошу принять увѣреніе въ глубочайшемъ уваженіи, съ коимъ имѣю честь быть Вашъ покорнѣйшій слуга Петръ Чайковскій. Мая 19 дня 1881 г. Каменка».

26 мая Побѣдоносцевъ писалъ Государю: «До сихъ поръ я ни разу не бралъ на себя доводить до свѣдѣнія Вашего многочисленныя просьбы о милостяхъ разнаго рода, которыя и въ прежніе годы многіе пытались направить черезъ мое посредство. Теперь въ первый разъ рѣшаюсь представить вниманію Вашего Императорскаго Величества прилагаемое при семь письмо Петра Чайковскаго. Смѣю доложить притомъ, что, по моему мнѣнію, стоило бы поддержать его въ настоящей его нуждѣ. Имя и талантъ его извѣстны не только въ Россіи, но и за границей: пособить ему теперь значить дать ему возможность работать спокойно для искусства. Зная его лично, могу засвидѣтельствовать, что денежное его затрудненіе происходитъ не отъ безпорядковъ жизни. Онъ не игрокъ и не мотъ, и не мастеръ наживать деньги. Онъ ведетъ жизнь вполнѣ скромную и порядочную. Кажется мнѣ, что Высочайшая милость въ настоящемъ случаѣ была бы у мѣста. Предлагаемый имъ заимообразный способъ едва ли былъ бы удобенъ: вмѣсто погашенія ссуды изъ поспектакльной платы можно было бы предложить возвратить деньги, когда будетъ въ состояніи, или оказать ему пособіе безусловно». Отвѣтъ Царя: «Просьбу Чайковскаго, я надѣюсь, можно будетъ исполнить и пришлю Вамъ сказать о результатахъ. А.».

Побѣдоносцевъ тотчасъ извѣстилъ Чайковскаго о милостивой

резолюціи императора Александра III. Тотъ отвѣтилъ ему 1 іюня: «Я получилъ сегодня письмо Ваше. Оно очень обрадовало, облегчило и утѣшило меня. Съ тѣхъ поръ какъ я послалъ Вамъ мою просьбу мнѣ все казалось, что я совершилъ какой-то неделикатный по своей несвоевременности поступокъ. Ваши ободряющія слова совершенно успокоили меня. Теперь буду надѣяться не только, что мое ходатайство удовлетворится, но, что и въ случаѣ отказа, мнѣ не будетъ вмѣнена въ вину рѣшимость, съ которой въ критическую минуту жизни я обратился чрезъ Ваше благосклонное посредничество прямо къ Государю». Рѣшеніе Его послѣдовало вскорѣ. Записка Царя гласила: «Посылаю Вамъ для передачи Чайковскому — 3000 р. Передайте ему, что деньги эти онъ можетъ мнѣ не возвращать. А. 2 іюня 1881 г.».

Побѣдоносцевъ телеграфировалъ Чайковскому о послѣдовавшей монаршей милости. Послѣдній тотчасъ отвѣтилъ ему, выражая «чувство безконечной благодарности»; 7-го же іюня написалъ вторично: «Еще тотчасъ по полученіи Вашей телеграммы я хотѣлъ написать Государю благодарственное письмо, но не посмѣлъ этаго сдѣлать, боясь слишкомъ часто напоминать о себѣ, т. е. не зная еще хорошенько, насколько приличествуетъ мнѣ вообще обращаться непосредственно къ Государю. Теперь получивъ Ваше дорогое письмо, спѣшу исполнить совѣтъ Вашъ, столь согласный съ побужденіемъ моей души. Я глубоко тронутъ той формою, въ которой выразилось вниманіе Государя къ моей просьбѣ. Боюсь, что письмо мое недостаточно сильно выражаетъ то, что въ сердцѣ моемъ чувствую. Но словами такъ трудно выразить то чувство умиленія и любви, которое возбуждаетъ во мнѣ Государь. И Вамъ, многоуважаемый Константинъ Петровичъ, я не умѣю достаточно высказать, какъ меня трогаетъ Ваша доброта. Вашъ благодарный Вамъ и глубоко Васъ уважающій П. Чайковскій».

Въ письмѣ отъ 6 іюня Побѣдоносцевъ писалъ: «... Несказанно благодарю Ваше Величество за сердечное вниманіе къ нуждамъ Чайковскаго. Деньги уже отосланы, и онъ пишетъ мнѣ горячее письмо, преисполненное благодарныхъ чувствъ къ Вашему Величеству ...».

Въ 1883 г., мальчикъ Солнышкинъ, мечтая о музыкальномъ образованіи, оставилъ тайно родителей, и отправился изъ Владикавказа въ Петербургъ. Въ письмѣ написанномъ имъ отцу на ст. Каменской, онъ писалъ: »Слезно молю Васъ, простите мнѣ мой поступокъ, приведшій васъ въ такое горестное состояніе... Какъ ни горько мнѣ было оставлять тѣхъ, которыхъ я люблю всей душой, какъ ни горько было мнѣ разставаться съ милой моей сестричкой,

но любовь къ музыкѣ взяла верхъ надъ всѣмъ, и я рѣшился оставить все и идти къ ногамъ Его Императорскаго Величества, чтобы повѣдать ему цѣль своего бѣгства и просить его помощи. И вотъ иду, сегодня уже 24 день, терпя и голодъ, и холодъ, всѣ другія лишенія, но утѣшаю себя мыслью, что достигну желаемаго...». Побѣдоносцевъ пригрѣлъ мальчика и написалъ о немъ Государю, который сообщилъ ему: «Я съ удовольствіемъ готовъ принять этого мальчика въ инструментальный классъ при пѣвческой капеллѣ. — Напишите объ этомъ гр. Шереметеву. Согласны ли родители, чтобы ихъ сынъ оставался въ Петербургѣ, и что они отвѣчали на его увѣдомленіе?».

Въ связи съ этимъ, Побѣдоносцевъ получилъ письмо: «13-лѣтній мальчикъ, пробѣжавшій болѣе 2000 верстъ, прячась отъ жандармовъ, живя дорогой милостыней, ночуя подъ шпалами, — все это, дабы попасть въ петербургскую консерваторію, — фактъ, конечно, замѣчательный, возбуждающій по меньшей мѣрѣ любопытство людское; хотя съ другой стороны, 27 дней ходьбы его отъ Москвы до Петербурга, въ то время, когда многіе ѣздятъ въ 1-мъ классѣ даромъ, по особой любезности къ нимъ попутнаго начальства, — фактъ крайне прискорбный, изобличающій современный уровень сердецъ вообще, и желѣзнодорожныхъ въ особенности, не пріютившихъ талантливаго отрока-странника. Заболѣвшаго, какъ видно, отъ непосильной ходьбы и волненія мальчика Вы пріютили. Плакалъ я и благословлялъ Васъ, милостивый государь, читая опубликованное сегодня въ «Новомъ Времени», и не могу не сказать Вамъ, что поступокъ Вашъ примиряетъ меня нѣсколько съ судьбой жить съ людьми нашего времени, освѣщая мнѣ теплотой дѣянія Вашего во имя любви. Да сохранитъ Васъ Господь Богъ на честь и славу Родины нашей, на многія, многія лѣта и даруетъ выздоровленіе малюткѣ страннику, пріютившемуся подъ могучее крыло ангела земнаго. Мнѣ отъ Васъ ничего не нужно, а потому примите мое письмо такъ же просто, какъ оно написано, по требованію моего духа, отнынѣ Вамъ навсегда преданнаго. Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть милостивый государь, Вашимъ покорнѣйшимъ слугою Петромъ Суходольскимъ (академикъ-живописецъ). 9 дек. 1883 г. Петербургъ».

Пояснимъ, что Петръ Александровичъ Суходольскій, род. въ 1836 г., былъ живописцемъ-пейзажистомъ: сталъ онъ академикомъ въ 1878 г. за картину «Весенній разливъ Оки».

---

10 мая 1884 г. Побѣдоносцевъ писалъ Государю: «Съ мѣсяцъ тому назадъ я имѣлъ честь лично представить Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшее письмо несчастной 17-ти лѣтней дѣвочки Ольги Ушаковой, которая съ десятилѣтняго возраста лежитъ безъ ногъ и не можетъ поправиться. Она дочь классной дамы Смольнаго института и, бывъ лично извѣстна Принцу Пет-

ру Георгіевичу Ольденбургскому *), пользовалась его благодѣяніями, т. к. мать ея, получая всего 30 р. въ мѣсяцъ, другихъ средствъ не имѣетъ. Принцъ давалъ отъ себя средства для лѣтняго леченія и помѣстилъ ее въ дѣтскую больницу, откуда наконецъ въ прошломъ году ее выписали, т. к. хроническихъ больныхъ тамъ держатъ лишь до извѣстнаго возраста. Теперь она находится въ институтѣ у матери, которая едва въ состояніи и себя прокармливать. Съ наступленіемъ лѣта необходимо вывезти ее на чистый воздухъ, но средствъ для этого нѣтъ. Дѣвочка такая хорошая, и такая жалкая, что нельзя не принять въ ней участіе. Не имѣя иного способа, она обратилась съ письмомъ на имя Государыни о пособіи. Я докладывалъ о семъ Вашему Величеству, что пособіе рублей въ 400-500 было бы великимъ благодѣяніемъ для бѣдной, и Вы изволили изъявить согласіе». Отвѣтъ Царя гласилъ: «Я очень хорошо помню все это и просьбу тогда же передалъ женѣ, но она навѣрно забыла. Посылаю при этомъ 500 рублей, которое прошу переслать ей. А.».

Каждое несчастье, доходившее до Побѣдоносцева, связаннаго тысячами нитей съ русской провинціей, находило отзывъ въ его доброй душѣ. 24 февраля 1886 г. онъ пишетъ Государю: «Въ ночь съ 16 на 17 февраля въ городѣ Бѣломъ, Смоленской губ., случилось ужасное происшествіе. Въ городъ ворвался бѣшеный волкъ и искусалъ 18 человѣкъ, въ томъ числѣ священника Василія Ершова, когда онъ шелъ въ церковь къ утрени. Ершовъ человѣкъ со средствами и, обмѣнявшись телеграммами съ Пастеромъ, собирается уже ѣхать въ Парижъ. Остальные все народъ бѣдный и темный. Толкуютъ на мѣстѣ, нельзяли отправить и ихъ въ Парижь, но это потребовало бы издержекъ непосильныхъ, но помощь имъ во всякомъ случаѣ нужна. Больница въ городѣ переполнена и могла принять только осьмерыхъ изъ числа пострадавшихъ. Нужно нанять особое помѣщеніе и устроить особый надзоръ за этими несчастными; при правильномъ и человѣколюбивомъ уходѣ была бы возможность спасти хотя нѣкоторыхъ. Я получилъ объ этомъ извѣстіе съ мѣста, и спѣшу представить этотъ случай благоволительному вниманію Вашего Императорскаго Величества. Не благоволите ли пожаловать на это доброе дѣло нѣкоторую сумму (напр. 600-700 р.) — деньги можно отправить къ предсѣдателю мѣстной земской управы, который заботится о больныхъ. Я попытаюсь еще запросить пособія у двухъ-трехъ богатыхъ людей». Отвѣтъ Царя: «Получите отъ Танѣева 700 р. Очень желательно хотя самыхъ опасныхъ послать въ Парижъ къ Пастеру, который очень интересуется, именно, укушеніемъ бѣшенаго волка, т. к. не имѣлъ

*) Скончался 2 мая 1881 г., тяжело переживъ убійство 1 марта своего двоюроднаго брата, императора Александра II.

у себя подобнаго больного. Братъ Владиміръ былъ теперь проѣздомъ черезъ Парижъ у Пастера и видѣлъ нѣкоторыхъ русскихъ у него».

Въ томъ же году онъ просилъ Государя помочь погорѣльцамъ того же г. Бѣлова. Отвѣтъ Царя: «По Вашей просьбѣ, любезный Константинъ Петровичъ, я послалъ черезъ гр. Толстого (Мин. вн. дѣлъ Н. Т.) 5000 р. въ пользу погорѣвшихъ Бѣлаго. А. 1 мая 1885. Ливадія».

Какъ далеко и въ какую среду распространялась забота «сухого бюрократа», какъ старались изобразить К. П. Побѣдоносцева отечественные либералы, показываетъ письмо отъ 1 февраля 1887 г. Анны Степановны Мальцевой, сестры Юрія Степ. Нечаева-Мальцева, тогда крупнѣйшаго владѣльца промышленнаго района Гуся во Владимірской губ., строителя художественнаго музея на Колымажной площади въ Москвѣ и вообще щедраго благотворителя.

Въ письмѣ 1887 г. говорится объ Юріи Нечаевѣ-Мальцевѣ, ѣздившемъ въ свое техническое училище и на фабрики, гдѣ онъ открылъ пятую школу и пустилъ въ ходъ новую ткацкую фабрику со всѣми усовершенствованіями. «Онъ самъ выбралъ, изъ первыхъ вышедшихъ кусковъ, нѣсколько кипъ для Вашихъ бѣдныхъ сахалинцевъ, которые обновятъ забѣгавшіе стройно и плавно станки. Будьте увѣрены, что онъ всегда съ удовольствіемъ готовъ помочь Вамъ во всякомъ благомъ дѣлѣ. Онъ считаетъ себя первымъ работникомъ на своихъ фабрикахъ и, перекрестясь, всегда говоритъ: «что Богъ даетъ намъ деньги для того, чтобы мы дѣлали добро, а батюшка Царь нашъ русскій даетъ всѣмъ примѣръ великодушія и сердоболія — идемъ за Нимъ».

Нами приведены только единичные случаи благотворительной дѣятельности Побѣдоносцева. Понятны слова, написанныя въ 1888 г. Ольгой Алексѣевной Новиковой, урожд. Кирѣевой, жившей долгіе годы въ Лондонѣ и въ широкихъ кругахъ, ее уважавшихъ, вѣщавшей правду о Россіи. «Какой Вы добрый н а д ѣ л ѣ Константинъ Петровичъ. Вчера узнала о васъ — **нѣчто**, что меня глубоко тронуло. Дай Вамъ Богъ многая, многая лѣта».

Григорій Павл. Галаганъ, потомокъ Игнатія Галагана, полк. Чигиринскаго и Прилуцкаго полковъ (†1748), былъ виднымъ общественнымъ дѣятелемъ Малороссіи, которую горячо любилъ, враждебно относясь къ «сепаратизму», придуманному въ зап. Галиціи австрійцами и поляками. Состоялъ съ 1882 г. членомъ Гос. Совѣта. Онъ очень много жертвовалъ на народное просвѣщеніе. Благодаря ему, создалась гимназія въ Прилукахъ; свою усадьбу въ с. Дегтярахъ онъ отдалъ подъ ремесленное училище. Въ 1871 г., послѣ смерти 16-лѣтняго сына Павла, онъ основалъ въ Кіевѣ извѣстную гимназію съ интернатомъ — Коллегію Павла Галагана, — въ которой половина учениковъ были

его стипендіатами. Насколько близокъ былъ этотъ независимый общественный дѣятель съ консервативнымъ сановникомъ, облыжно считавшимся верхомъ сухости, показываетъ его письмо изъ полтавскаго имѣнія Сокиренцы отъ 3 августа 1888 г. Отвѣчая Побѣдоносцеву на письмо изъ Маріенбада и благодаря за то, что онъ вспомнилъ его на торжествахъ въ Кіевѣ по случаю 900-лѣтія Крещенія Руси, Галаганъ пишетъ о серьезной и мучительной болѣзни, заставляющей ожидать скорую смерть. «... Что же дѣлать, такова воля Провидѣнія; мнѣ 69 лѣтъ, и, оглядываясь теперь на свою жизнь, я остаюсь хотя далеко не доволенъ всѣми моими дѣяніями, но могу по совѣсти сказать, что я сдѣлалъ въ посильномъ трудѣ все, что могъ, для общей пользы, всегда готовый непрестанно трудиться на пользу дорогого отечества. Во многихъ мысляхъ и стремленіяхъ я находилъ Ваше сочувствіе, и это меня много поддерживало на дѣятельномъ поприщѣ. Если суждено теперь мнѣ покончить жизнь, то оставьте у себя память о человѣкѣ, глубоко Васъ уважавшемъ, и какъ русскій, много Вамъ благодарнымъ за то, что Вы сдѣлали видимаго, а еще болѣе невидимаго для нашей милой земли...». Черезъ полтора мѣсяца Галаганъ скончался.

Онъ упоминалъ о кіевскихъ торжествахъ. Побѣдоносцевъ произнесъ тамъ рѣчь, оставившую глубокое впечатлѣніе на всѣхъ ея слушателей. Отмѣчалъ онъ въ ней и подвигъ, совершаемый нашими священниками. Трогательно письмо, присланное ему, въ связи съ этимъ, 31 августа 1888 г. Начинается оно указаніемъ объ обычномъ отношеніи къ рядовому духовенству. «... А нынѣ тѣхъ же затрапезныхъ страдниковъ называютъ труженниками, молитвенниками за насъ передъ Богомъ, держащими на своихъ костяхъ Христовы церкви. И кто же называетъ? Высокій царскій сановникъ, именуемый «око Царево». Вѣдомы, стали быть, слова сіи и самому Царю и угодны Ему... 15 іюля 1888 г. и Ваши слова наше духовенство запишетъ въ память потомству на всѣхъ углахъ своихъ и даже храмовъ Божіихъ, и этотъ день будетъ новой эрой въ исторіи русской православной Церкви. Да благословитъ Васъ Господь и укрѣпитъ на многія, многія лѣта на стражѣ дѣла, къ которому Онъ призвалъ Васъ, а я почитаю себя благословеннымъ, что Господь благоизволилъ дожить мнѣ до такихъ дней, и если еще Вы не отринете моихъ задушевныхъ словъ. Вашего Высокопревосходительства имѣю честь быть благоговѣйнымъ почитателемъ и покорнымъ слугой коллежскій совѣтникъ и кавалеръ ордена св. Владиміра Феодоръ Герасимовъ Постниковъ, сынъ сельскаго діакона. 31 августа 1888. Москва, Плющиха, свой домъ № 27».

Высказался о той же рѣчи въ Кіевѣ извѣстный журналистъ,

не праваго направленія, Б. В. Глинскій. «Полный Прав. Бог. Энцикл. Сл.» приводитъ написанное имъ о Побѣдоносцевѣ: «Самъ вышедшій изъ духовной среды, не порвавшій съ ней ни внѣшней, ни внутренней связи, человѣкъ горячо вѣрующій и страстно и убѣжденно исповѣдующій православіе, человѣкъ обширнаго ума и громадной эрудиціи, лицо, приближенное ко двору и имѣющее непосредственный доступъ къ Престолу и Царской Семьѣ... онъ авторитетно и властно заявилъ и правительству и обществу: встаньте предъ православнымъ священникомъ, поклонитесь съ почтеніемъ и любовью передъ саномъ и отнеситесь благоговѣйно къ той трудовой и полной сокровеннаго и высшаго значенія крестной ношѣ, которую онъ несетъ».

Широкое сердце свое отдалъ Побѣдоносцевъ и церковному дѣлу, къ которому такъ близокъ сталъ, будучи назначенъ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Сvнода. Посѣтивъ вскорѣ послѣ назначенія Мать городовъ русскихъ, поклонившись Святымъ Печерскимъ, онъ 31 окт. 1880 г. писалъ Наслѣднику Цесаревичу Александру Александровичу: «... Думаю, что поѣздка моя осталась не безплодна ни для меня, ни для тѣхъ, съ кѣмъ я вступалъ въ сношенія. Въ той области, которая выпала мнѣ на долю, много есть недостатковъ, но много и хорошаго; думаю даже, что въ ней главные ключи всякаго добра и правды для нашей земли; въ ней лежитъ еще запасъ той простоты душевной и вѣры, которая составляетъ суть народнаго характера и который надобно намъ оберегать превыше всего...».

«Православная Русь». 8 (625)
15/28 апрѣля 1957 г.